

Annotation

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжают. Павел Ивлев совершает блистательное турне по Подмосковию, и успешно выступает на международной конференции, после чего получает несколько весьма заманчивых предложений. Агент КГБ «Скворец» отправляется в Ливан, и остается только надеяться, что гражданская война в этой несчастной стране не начнется теперь раньше. Группа конкурентов обращается за поддержкой к влиятельному человеку, и борьба за меховую фабрику начинается заново.

- - *

Ревизор: возвращение в СССР 12

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

- - *

Ревизор: возвращение в СССР 12

Глава 1

Москва. Квартира Ивлевых.

Положив трубку, ничего не видя и не слыша, прошел на кухню, сел за стол. Как там в известных строчках: «Все стало вокруг голубым и зеленым...». Мысли в голове скакали бешеным калейдоскопом.

Как так получилось-то! Хотя, что за странный вопрос, понятно как. И на старуху бывает проруха. А ещё Инну с Петром подкалывал, когда они вторым залетели.

Что теперь? Да все то же, собственно. Как говорится: «Маршрут прежний, с поправкой на ветер».

Вот теща обрадуется!!! Или взбесится? Небось, хочет, чтобы дочка сначала высшее образование получила. Да что там говорить, я и сам такие планы имел для Галии. Да, точно взбесится. Да уж, она и когда мирно выглядит, проблема та еще, интересно будет посмотреть на нее во взбешенном состоянии. Но спиной лучше к ней не поворачиваться, чтобы не обнаружить неожиданно заточку в почке.

Аборт я, естественно, как вариант не рассматривал. Дурак я, что ли, убивать своего первенца от любимой женщины? Тем более, что Галия сейчас находится на пике здоровья и молодости, рожать сейчас самое то. А в моей компании она точно не сможет остаться без высшего образования. Просто получит его попозже, чем планировали.

Интересно, сын или дочка будет?

А сестрица-то у меня балда редкостная. Такой момент важный у нас отобрала. Галия должна

была мне все рассказать, полная эмоций и сама в шоке от новости...

Загадка с неожиданной любовью к «Клюкве в сахаре» теперь разгадана...

Я обхватил голову руками. Меня так ломает, как же моя жена сейчас должна себя чувствовать! Можно только представить, как она переживает! Скорее бы домой вернулась!

Сел за стол. Свечи!.. Романтику ей устроил. Рассмеялся довольный. Ну хоть здесь все, как надо. Повод для ужина при свечах самый что ни на есть подходящий. А жена-то меня как сделала! Можно сказать, на последнем повороте на полкорпуса обошла. Я думал, что это я ей сюрприз готовлю... А оказалось, только антураж для ее сюрприза создаю.

Буквально через двадцать минут услышал, как в замке кто-то ковыряется ключом. У Галии руки дрожали так, что она дверь сразу открыть не смогла. Распахнул дверь сам, сделал счастливое лицо. Если в паспорт не смотреть, то это я здесь взрослый. А она просто юная перепуганная неожиданной новостью девочка. Незачем ее интриговать лишней раз, нервничать заставляя.

— Я уже все знаю! — сказал ей нежно, но вместо того, чтобы расслабиться, Галия с испугом посмотрела на меня. — Инна позвонила, сообщила. Давай, раздевайся и проходи на кухню. Думал устроить праздник по поводу окончания сессии, но, оказывается, у нас есть более важный повод!

Напряжение дало о себе знать, жена начала всхлипывать. Только этого не хватало. Снял с неё шапку, начал расстёгивать пальто.

— И что теперь делать? — потерянным голосом спросила Галия.

— Ну, во-первых, раз и навсегда стоит запомнить на будущее, что специфическая резинотехническая продукция у нас в стране так себе. — с улыбкой ответил я. — Кажется, я знаю, что буду покупать большими партиями в следующий раз, как с Фирдаусом в «Березку» пойду.

— Но ведь рваных не было... — начала возражать Галия, но, всхлипнув, замолкла.

— Во-вторых, надеюсь, что ты от радости плачешь? — спросил, сделав шутливо-строгое лицо. — Или просто не знаешь, куда кровать поставить?

— Ты что, не понимаешь? — возмущенно начала говорить жена сквозь слезы. — Я же на первом курсе. Ты тоже учишься. Мы не планировали.... Ты совсем не злишься, что ли! — наконец, спросила она меня возмущенно и немного ошарашенно.

— Нет, конечно. — я спокойно покачал головой. — Новую жизнь встречают радостью, а не злостью. Я к нашему малышу ничего, кроме любви, не испытываю. — я снова сделал шутливо-угрожающее лицо. — И тебе не советую!

Галия, наконец, улыбнулась и стукнула меня легонько кулачком.

— Ты правда рад?

— Конечно. Как может быть иначе! Пошли праздновать.

Провел ее быстренько к столу. Увидев свечи и угощение, жена счастливо рассмеялась.

— Когда ты успел только? — спросила она, тут же придвинув к себе тарелку с оливками (кто бы сомневался). — Красиво как все!

— Тебе просто очень повезло с мужем. — скромно ответил я, потупив взгляд.

Галия снова начала хихикать.

— Так. Вино тебе теперь нельзя. — убрал я бутылку со стола. — Будешь пить чай.

Мне вино можно, но решил тоже не пить. В голове и так каша. Не буду усугублять. Я начал хозяйничать на кухне. Поставил завариваться чай, достал красивые чашки из сервиза.

— Что же теперь делать? — снова спросила Галия, жуя оливки.

Отметил, что вопрос уже был задан вполне спокойно. Без надрыва и всхлипываний. Что ж. Надо закрепить эффект.

— Ну-у! — протянул я задумчиво. — Думаю, перво-наперво надо подоконник на кухне почистить, лишнее убрать.

— Что? — жена посмотрела на меня оторопело, видимо, решив, что новость все-таки оказалась слишком шокирующей и теперь придется нам мой чердак в спешке латать.

— Да тут фигня какая-то лежит. Место занимает. — сказал я и, достав с подоконника новую сумочку, вручил Галие. — Это тебе подарок. Думал, что по случаю окончания сессии.

Галия, восторженно всплеснув руками, схватила подарок. Так и замерла, с сумочкой в одной руке и с оливкой в другой, не в силах расстаться ни с тем, ни с этим.

Ну нет, такой кадр я точно не упущу. Взял фотоаппарат (в этот раз я подготовился), щелкнул несколько кадров, игнорируя традиционные протесты из серии «я недостаточно хороша в этом ракурсе».

После этого жена окончательно расслабилась. Мы сели ужинать, потихоньку привыкая к новому грядущему статусу и обсуждая ближайшие планы.

— Что я скажу родителям? Только в институт поступила!.. — Галия схватилась за голову, представив себе их реакцию.

— Не обязательно прямо сейчас всех в известность ставить. — предложил я спокойно. — Это, в первую очередь, наше с тобой личное дело. Когда мы с тобой будем готовы, тогда и

сообщим.

— А когда мы будем готовы? — неуверенно спросила жена.

— Даже не знаю. — я почесал подбородок. — Думаю, что когда ребенок в первый класс пойдет, тогда мы уже достаточно привыкнем. Можно будет и рассказать всем. Как считаешь?

Галия рассмеялась, махнув на меня рукой.

— Давай и правда пока не будем никому говорить, — сказала жена успокоено. — Пару недель пройдет, освоимся, все спланируем, тогда и скажем.

Только мы более-менее успокоились, напились чаю, устроили показ мод с новой сумочкой, короче, пришли в чувство, как раздался звонок телефона. Длинный междугородний звонок.

Мы с женой изумленно переглянулись.

Я встал и пошел брать трубку.

Звонила возбужденная мама.

Инна додумалась! Позвонила не только мне, но и маме на работу в Святославль успела звякнуть. А мама, не придумав ничего лучше от волнения, побежала к Загиту с Оксаной, чтобы нам позвонить. Занавес, короче!

Я слушал мамины взволнованно-возмущенные реплики и просто не находил слов. Как! Что за сестры у меня в этой жизни! Попал, так попал, как говорится. Это же надо настолько обширный урон успеть нанести в единицу времени. По мелочи не работает сестричка. Нафига я их в Москву перетянул вообще! На свою же голову. Может, позвонить Балдину, организовать им перевод километрик так за несколько тысяч в любую сторону! Пусть Инна медведей на Камчатке терроризирует. Хотя нет, медведей жалко... Ну кто в двадцать первом веке не умилялся от фотографий мишек с их малышами в соцсетях! Наверное, только люди, живущие прямо с ними по соседству, и знающие, на что способна разъярённая мама-медведь.

— Что вы собираетесь делать? — требовательно спросила мама тем временем. — Не вздумайте избавляться от ребёнка! Прерывать первую беременность чревато!

— Тихо, тихо. — перебил я её, косясь на только что успокоившуюся жену и спокойно добавил: — Никто ничего такого не собирается делать. Даже идеи не возникало. Мамуль, успокойся. Всё хорошо! Откуда вообще мысли такие!

Тут трубку у мамы на том конце выхватила Оксана.

— Позови Галию! — требовательно сказала она мне.

Ну, теперь понятно про «избавляться».

Ну уж нет, милая сердцу теща. Я жену только успокоил, нервировать не дам. Пусть на меня проорется, глядишь, Загит трубку заберет.

— А зачем вам? — спросил, кося под дурачка.

— Немедленно дай трубку дочке! — ожидаемо начала звереть Оксана. — Мерзавец! Девочка только учиться начала. Задурил ей голову. Как она теперь! Ей свою жизнь строить надо. Как знала я, что...

Договорить теща не успела. Трубку забрал Загит.

Бинго!

— Привет, Павел. — сказал он спокойно. — Поздравляю с новостью! Ошеломили вы нас, нечего сказать. Как вы там? Как Галия?

— Добрый вечер! Да все отлично, спасибо! Немного понервничала, конечно, новость неожиданная. Но уже успокоил. Празднуем сидим. Поговорить хотите?

— Да, давай. Молодец!

— Только просьба есть. Больше никому для «поздравлений» трубочку не давать. Хорошо?

— Марату можно? — понял мой намек Загит.

— Если он, как вы, настроен, то вполне.

— Договорились! — ответил тесть.

Я подозвал растерянную Галию. Передал ей трубку.

— Привет, пап. — сказала она, садясь на стул рядом с телефоном.

Не стал смущать жену, ушёл на кухню. Свежего чайку сделаю пока. Загит скандалить и трепать нервы беременной дочери точно не будет. Пусть поговорит спокойно с отцом. Ей и полезно — мужик серьезный, обстоятельный. Похоже, что другие в пожарных не приживаются.

Минут через десять, договорив с отцом, Галия подозвала меня к телефону и снова передала мне трубку. Мама моя еще не наговорила, попросила меня позвать. Снова начала хлопотать, давать советы. Радовалась, что ещё внучок на подходе. Аришку-то Инна заберет, небось, как со вторым в декрет выйдет. А мы без помощи родителей, как ни крути, не обойдёмся, пока не выучимся. Так что мама явно уже начала планы строить на наше чадушко. Не хотелось ее заранее расстраивать, но вот уж нет. Я спать спокойно не смогу, если мой маленький ребенок окажется и на день в другом городе, отдельно от родителей. Ну

а уж на месяцы или годы его отселять??? Не понимаю вообще, как Инна и Петр выдерживают.

Мама спросила о здоровье Галии, посоветовала больше спать и гулять. Беречь ноги, в смысле не переохлаждать.

— И не позволяй ей таскать тяжести! — продолжала наставлять меня она. — На первых порах это очень опасно!

— Я знаю, мам, не волнуйся. Всё будет хорошо. Тяжелее сумочки она у меня теперь ничего поднимать не будет.

Галия при этих словах рассмеялась и снова пошла в комнату рассматривать обновку и крутиться перед зеркалом.

Мама не могла скрыть своего возбуждения и радости. Еле успокоил её.

— Ну Инна! — в сердцах воскликнул я, положив трубку. — Ну болтушка!

— И не говори! — поддержала меня жена. — Я совсем не ожидала от нее такого. Она ведь врач. Разве можно вот так чужие новости выбалтывать! Тем более родителям. Мама с отцом там снова поругались, точно тебе говорю...

— Так, стоп! Не переживай. Все образуется. Привыкнут к новости, и все наладится.

Дальше не хотелось, но пришлось поднимать вопрос об Оксане. С ней мне все ясно, но Галию она может захватить врасплох. А телефонный провод перерезать же не будешь, чтобы она не позвонила ей, когда меня нет дома. Да и Галия сама может ее набрать, не ожидая, какие «полезные» советы от своей мамочки может услышать.

— Так, родная, есть еще разговор. Я так понял, что твоя мать в бешенстве, что ты забеременела, и хочет толкать тебе дурные идеи по поводу аборта.

Галия как бы и удивилась моим словам, но не очень. Умная она у меня, и сама сообразила, просто послушав мой разговор с Загитом.

— Так что, если она на тебя с этими идеями обрушится, просто клади трубку без дальнейших слов, и больше не снимай междугородку, пока я не приду. Я уж с ней сам поговорю, как следует. Факты просты — очень многие женщины после аборта рожать больше никогда не смогут, грубое это очень вмешательство. От этого откажешься ребенка, а не факт, что другой когда-нибудь будет, поэтому мы в эти страшные игры с тобой играть не будем. Ни в коем случае. Поняла? Я тебя люблю и знаю, как ты будешь счастлива, когда у нас будут дети. Не важно, раньше или позже, ты все равно каждого из них будешь любить больше своей жизни. И я тоже.

Галия расплакалась. Но без истерик. Просто слезы закапали, и она сказала:

— Какой же ты у меня хороший!

— Я еще и на машинке вышивать умею! — пошутил я и только после этого понял, что мультфильм еще, скорее всего, не сняли, так что жена меня не поймет. Галия подтвердила это, спросив:

— Что, серьезно?

Вечер получился у нас настолько длинный и суматошный, что утром по будильнику еле встал. Голова была, как чугунная. Надеюсь, по дороге к Сатчану свежий воздух мне мысли хоть немного прояснит.

Тихонько поднялся, чтобы не разбудить жену, погулял с собакой, оставил Галие записку, что скоро буду, и поехал сначала в общагу, надеясь застать там Лёху. Начались каникулы, он может уехать домой в Загорск.

Но мне повезло, Лёха ночевал в ДАСе, планируя на выходные опять ехать в Брянск к Свете.

— У Светы же тоже каникулы? — соображал я. — А знаешь, что! Привози-ка её в Москву! Спать найдем где... В воскресенье в три часа у меня празднуем. Давай! Жду вас обоих. И Москву ей покажешь.

Леха идею воспринял на удивление оптимистично. Пообещал быть. Легким на подъем стал товарищ, едва влюбился.

Из общаги, не задерживаясь, поехал к Сатчану. Тот встретил меня хмурым выражением лица.

— Приветствую. — протянул я ему руку. — Что у нас плохого?

— Пока ничего. — задумчиво ответил он, молча принимая от меня конверт с очередным взносом за квартиру и пряча в ящик стола. — Но может и случится.

— Не понял?

— На меховой фабрике надо всё проверить и найти слабые места.

— Зачем?

— Чтобы их прикрыть так, чтобы никто больше не нашёл. — ответил серьезно Сатчан.

— Понятно. Тут, понимаешь, все зависит от того, как искать... А найти можно всё, — ответил я. — При желании.

— Надо сделать так, чтобы никто ничего не нашёл.

— Это трудоёмко, потребует времени и довольно опасно. И все равно никаких гарантий нет.

— Но, в принципе, хоть что-то сделать можно?

— Теоретически, да. Двойная бухгалтерия. Для себя одно, а для проверок другое. Но придётся, в том числе, и производственную документацию дублировать. Но при этом всё равно есть риск, что кто-то очень уж дотошный сопоставит входящие и исходящие потоки сырья по участкам производственного цикла и найдёт расхождения. Там очень тщательно надо прятать концы в воду внутри производственных процессов. Так что... Стопроцентной гарантии, что кто-то не докопается, невозможно дать.

— Ну, таких, как ты, они вряд ли пришлют... — задумчиво произнёс Сатчан.

Хо! Какого он мнения обо мне уже, однако. Расту в своих глазах!..

Ни на какие детали Сатчан больше не раскололся.

Оставив его переваривать информацию, поехал домой. Договорились, что начнем все решать в феврале, что меня полностью устроило. Планы со «Знанием» менять не придется. Теперь, в свете новых событий на семейном фронте, мне эти деньги ой как понадобятся.

А разговор с ним, и его хмурый взгляд заставили меня серьезно задуматься. Неладно что-то в Датском королевстве. Я такого хмурого его еще и не видел ни разу. Похоже, конкуренты поджимают... Ну их можно понять — меховая фабрика знатный кусок...

До обеда были с женой у художников. В этот раз они заранее продумали экспозицию во второй комнате, и мы с Михаилом Андреевичем часа за полтора со всем управились. И занялись сверлением в прихожей и комнатах под одиночные картины.

Галия с Еленой Яковлевной терпеливо ждали, когда мы вкрутим очередной шуруп и выбирали, какую картину туда повесить. Жена довольно легко нашла общий язык с соседкой, как я и ожидал, в принципе. Они уже, оказывается, между делом и об уроках рисования успели договориться. Причем от оплаты Елена Яковлевна отказалась категорически. Придется думать, как ее отблагодарить за помощь.

После обеда поехали в деревню, договорившись с Иваном, что он погуляет с нашим псом сегодня вечером.

Утром мы вернёмся, нам завтра к часу надо быть уже в ЗАГСе. Сам погуляю с псом и, пока Галия будет наводить с Ириной Леонидовной марафет, добегу на рынок за цветами на свадьбу. Надо хоть какие-то цветы попробовать купить. Хотя, вчера на рынке был, цветов не видел. Может, конечно, внимания не обратил. Ну, тогда подарим одну Книгу о вкусной и здоровой пище, если цветов не найду. Что делать? Может, шоколад какой красивый глянуть, если цветов не найду?..

Бабушки были уже дома после работы и встретили нас с распростёртыми объятиями. Соскучились так сильно, что ли? Мы не виделись всего недели три. Выложил на стол гостинцы к столу и шампанское.

— Ох, дети, отчаянные вы. — сказала бабушка. — Но я так рада.

И опять начались обнимания.

— Так. И вы уже знаете! — сделал я очевидный вывод и в сердцах махнул рукой.

Из комнаты вышел Петр. Ну понятно, Жариковы раньше нас приехали.

Начались поздравления и расспросы. Сестра порхала вокруг нас с радостной улыбкой. Животик у Инны заметно округлился. Чувствовала она себя, слава богу, прекрасно. Уже распланировала, что заберёт Аришку, как только выйдет в декрет.

Женщины занялись праздничным столом. У бабушек уже были готовы и оливье, и селедка под шубой.

Улучив минутку, отозвал Инну в сторонку.

— Слушай, ну ты же врач, прекрасно знаешь, что такое врачебная тайна. Ну какого лешего ты всем растрепала про беременность Галии?

— А что такого? — подняла сестра на меня невинные глаза.

И как с ней разговаривать? Ругаться не хочется, беременная всё-таки...

— Ну ты и болтушка, честное слово! — махнул я рукой. — Инна, нельзя так с людьми. За такое бесцеремонное обращение с чужими тайнами может очень сильно прилететь. Имей в виду!

— Вы же не чужие, — пожала плечами сестра. — Значит и тайны ваши не чужие.

Тьфу! Право слово. Как глухой со слепым!.. Блин, один в один, как те же разговоры с Дианкой про нашу колбасу. Может дело во мне? Может это я позабыл, как все устроено в Союзе?

Глава 2

д. Коростово, Московская область

Сделал вход-выдох, расслабился.

Ругаться с сестрой смысла явно нет. Судя по всему, она даже не осознает, насколько бестактна. Но достучаться все же надо. В противном случае придется общение наше к минимуму постепенно сводить. Постоянное вмешательство в нашу жизнь я точно терпеть не смогу.

— Инна, я сейчас говорю очень серьезно и хочу, чтобы ты меня услышала и поняла. Ты можешь без спроса делиться с другими людьми только своими собственными тайнами. Вся

остальная информация рассказывается только с разрешения тех, кого она касается.
Понимаешь?

— Что ты заладил! — отмахнулась сестра. — Я что, не могу рассказать маме, что вы ребеночка ждете?

— Не можешь! — я начал раздражаться. — Это наш ребенок и только мы решаем, когда и кому про него рассказывать. И, кстати, мне ты тоже не должна была ничего говорить. Беременность — это очень важная новость, и я хотел услышать ее от Галии. Это очень трепетный и запоминающийся момент в семейной жизни. Уверен, что и она хотела бы мне сама сюрприз сделать.

— Ерунда какая-то. — Инна насупилась, в голосе появились менторские нотки. — Мы все одна семья. Что за тайны такие дурацкие от своих? Такого не должно быть. Родные должны первыми такие новости узнавать.

— Да. Но не от тебя, а от меня и Галии.

— Почему?

— Потому что это наш ребенок, Инна! Наш, а не твой!

— Да знаю я, что он ваш. Проблему из ерунды создаешь, — отчитала меня сестра и, развернувшись, ушла в комнату.

Капец, поговорили! Вдох-выдох...

Вернулся в комнату, сделав вид, что все в порядке. Галию нервировать лишней раз точно не стану. Часам к девяти заметил, что жена начала зевать, а до Старого Нового года ещё ждать и ждать. Предложил ей лечь поспать до двенадцати.

— А то не выспишься, не свадьба завтра будет, а сплошное мучение.

— Ты ж только разбуди меня в двенадцать! — строго наказала мне жена и согласилась лечь, как мне показалось, с готовностью.

Мы с Петром поболтали немного, поделились новостями. Он рассказал, что встал на очередь на квартиру. В будущем хотел бы в академии отучиться, только не решил ещё, в какой.

— Военные рано на пенсию выходят, — начал рассуждать я. — хорошо бы получить такую специализацию, которая тебя и на гражданке потом кормить будет. На оператора вычислительной техники хорошо бы выучиться. Скоро вычислительные машины широкое распространение получат. Узнай, может учат где в Москве по такому профилю?

— А зачем рано выходить в отставку? — не понял мой посыл зять, видимо, рассчитывая дослужиться до больших звёзд.

— Можно и не уходить. — согласился я. — Но лучше иметь выбор: служить дальше или не служить. Мало ли, как жизнь сложится. А вдруг, тебя по состоянию здоровья из армии попросят, тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо... Всегда надо иметь план «Б».

Не говорить же ему, что через двадцать лет в армии будет очень тяжело. Наступят лихие девяностые. Дикий рынок. Шальные деньги. Шальные пули... И офицеры, не получающие надбавки по восемь-девять месяцев, потому что их крутили армейские генералы-коррупционеры в банках, прежде чем выплатить им, а на голую зарплату сумеи еще прожить. Конечно, если я преуспею в своих планах разбогатеть совместно с Фирдаусом, я смогу подкидывать им денег на жизнь, но Петр гордый... Пару раз возьмёт, а потом скандал закатит и будет принципиально голодать вместе с семьей. Если останется в армии...

Часов в десять я и сами прилёт на диван тут же в большой комнате, кажется, даже немного вздремнул.

Без пятнадцати двенадцать пошёл будить жену. Она так сладко спала. Ну, вот как её будить? А не разбудишь, обидится. Пока сидел рядом и гладил её, в комнату заглянула Никифоровна и, недолго думая, врубила верхний свет.

— Пора вставать! — энергично протрубила она и вышла из комнаты.

Галия, подхватившись, не сразу поняла, где она находится. Вышла к столу заспанная, недовольная.

— Разоспалась совсем! — ласково обняла её Никифоровна. — Иди умойся, полегчает.

Бабушка и Жариковы уже сидели за столом. Радиоточку выкрутили на полную громкость и стали ждать полуночи. Пётр открыл бутылку шампанского и разлил по бокалам.

— Сначала, обычно, провожают старый год. — напомнила бабушка. — Тогда, можно, я начну? — она подняла свой бокал. — В этом году многое изменилось. Вся моя жизнь изменилась. Мы переехали, чему я очень рада, хотя, что греха таить, поначалу страшно было очень. Но сейчас я могу сказать, что кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Ещё бы Поля была рядом, и я была бы совсем счастлива...

— Мысли мои читаешь! — дотронулся я своим бокалом до её. — Только сегодня об этом думал!

— Теперь я. — прервала меня Никифоровна. — Хочу сказать спасибо этому дому, что у меня появилась настоящая семья. Я больше не живу одна. Эля говорит, что ей переезжать было страшно. А мне было страшно до этого, а как решили ехать, я перестала бояться. Вот так. Я решила написать завещание, дети. И оставить свою часть дома вашей матери Апполинару.

— Ань, ты чего? — удивлённо взглянула на подругу бабуля.

— Мы с тобой не молодеем... А будет Поле куда переехать, она быстрее решится.

— Живите долго, Анна Никифоровна. — серьёзно сказал я. — Мы Алироевых и так перетащим сюда. Да, бабуль?

Бабушка грустно улыбнулась мне в ответ. Не верит в такую возможность? Или думает, что это уже не при её жизни случится?

Что за пессимизм у них обеих? Ничего, скоро начнется весна, солнечного света будет больше и настроение улучшится.

Помню, в первой жизни приехала к соседке мама из Киева. Соседка развелась, одна с ребёнком осталась, пришлось досрочно из декрета на работу выйти. Вот маму и вызвала на помощь. Я им по-соседски помогал, так что мы с ней общались иногда, очень интересная женщина оказалась. Так вот, в конце первой проведенной в Москве зимы у неё прямо истерика случилась.

— Как вы тут живёте! — возмущалась она. — С ноября солнца не было! Солнца четыре месяца уже не вижу! Да у нас в Киеве больше недели пасмурно не бывает! Как так можно жить?

А мы с соседкой переглядываемся, типа, правда, что ли? Солнца четыре месяца нет? А мы сколько лет живём и не замечали. Всё дело в привычке. Может, и бабушкам солнца не хватает? Хотя, конечно, мы не так резко широту поменяли.

Пётр с Инной взяли слово после Никифоровны. Отметили свой переезд к Москве поближе и грядущее пополнение их семьи. Пётр очень рассчитывает, как я понял, на сына.

Когда дошла очередь до нас с женой, Инна не дала нам даже слова сказать и сама быстро всё перечислила, что знала: моё поступление в МГУ, поступление Галии в Горный, успешную сдачу сессии нами обоими. И, конечно, не забыла напомнить о нашей неожиданной беременности.

Казалось, она искренне рада за нас. Пётр тоже кивал головой, поддерживая её слова. Если бы не её победный взгляд на меня в конце этой речи, я бы даже мог принять все за чистую монету. А так она совершенно четко дала понять, что наш предыдущий разговор всерьез не восприняла. Еще и демонстративно показала, что и дальше собирается действовать в том же духе. Ну что ж, сестричка. Выбор твой. Дефицит общения у нас с тобой намечается в обозримом будущем жесточайший.

— Мы все молодцы! — подвёл Петр итог, выставив над столом свой бокал. — Спасибо прошедшему году!

Мы все чокнулись, я выпил бокал залпом. Галия только пригубила. Было заметно, что она немного выбита из колеи поведением Инны, но старается это скрыть.

— Помнишь, мы собирались позвать Инну с Петром к нам в воскресенье? — тихонько прошептал я на ушко жене. — Командую отбой!

Галия понимающе кивнула, хоть и посмотрела на меня немного неуверенно. Боится обидеть родственницу.

Интересно было, что бабушка с Никифоровной совершенно не заметили бесцеремонности сестры по отношению ко мне с Галией. Возможно, воспринимают меня все еще как младшего, когда-то непутевого внука? С другой стороны, из того, что помню, такая беспардонность вовсе не была редкостью в то время. Да далеко ходить не надо, вспомнить даже, как всем вокруг было дело до Юлькиной беременности, даже малознакомым людям, кого она вообще никак не касалась...

Рано утром в субботу выехали в Москву.

Вернувшись от бабушек, позвонил Фирдаусу.

— Привет, жених. — поздоровался я. — Как у вас планы, не поменялись? Нам прямо к ЗАГСу приезжать? Может, с выкупом невесты надо помочь?

— Да какой выкуп? — рассмеялся Фирдаус. — И невеста, и её мать, и свидетельница у меня сегодня ночевали. Марафет, вон, с раннего утра наводят.

— Ну, если помощь какая нужна, зови.

— Спасибо, надеюсь справимся. Скоро свидетель мой со своей девушкой подъедет.

— Понятно. Ну, значит, до встречи.

Галия, узнав, что нездоровится ей по уважительной причине, перестала обращать на это внимание и носилась всё утро туда-сюда, прихорашиваясь. С удовольствием оглядела в зеркало свой наряд. Вспомнил сразу, как она рыдала, когда первый раз посоветовал ей так одеться. Боялась, что в театре засмеют. И буквально после пары похвал и восхищенных взглядов со стороны, отношение моментально изменилось. Сейчас вон какая уверенная в себе стоит.

Чтобы не терять времени, собрался и поехал на ближайший рынок за цветами. Найти цветы в январе в советской Москве, это, конечно, еще тот квест. Но мир не без добрых людей. Мне подсказали, у кого можно купить цветов. Почему-то нисколько не удивился, когда торговцем оказался кавказец. Он окинул меня оценивающим взглядом и достал из-под прилавка пять красных гвоздичек.

— Пятнадцать рублэй, — объявил он.

— Послушайте, мне на свадьбу, а не на похороны. — разочарованно ответил я. — Может, розы есть?

Джигит снова молча полез под прилавок и выложил пять некрупных розовых роз.

— Другое дело! — обрадовался я. — Сколько?

Крякнув от такой цены, расплатился. А что делать? Свадьба это вам не день рождения. Без цветов не то совсем. Торговец, увидев деньги, стал шустрее шевелиться. Достал газеты, завернул цветы в несколько слоёв, чтоб не замёрзли на улице.

Пока я ездил за цветами, Галия успела сделать причёску с помощью соседки и сидела на кухне, лак на ногтях сушила.

Ну, это надолго. Хоть мы и начали собираться с самого утра, всё равно в итоге чуть не опоздали. То не могли придумать, во что завернуть подарок. В конце концов, решили подарить так, без обёртки, солидной будет. То убеждал жену взять вторые туфли с собой, без каблуков, мало ли, ноги устанут. Не убедил.

Приехали в ЗАГС, а там народу!.. Фирдаус сам увидел меня и замахал нам рукой. Диану было не узнать: принцесса из сказки. Фирдаус денег на платье не пожалел. Да и сам выглядел с иголки. Красивая они пара все-таки, как бы там ни было. И видно, что влюблены оба, что добавляет красоты паре.

Оксану тоже не сразу узнал: причесалась, приделась, в такую женщину интересную превратилась. Понятно, почему отец в свое время от нее голову потерял. Светка тоже была чудо как хороша.

Фирдаус гордо стоял в окружении настоящих красавиц, которые старались держаться к нему поближе, мало кого зная из присутствующих.

Отец тоже тут был. Один, без семьи. Предусмотрительно.

Остальных людей я не знал. Свидетеля тоже первый раз видел.

Оксана, увидев меня, обрадовалась, подошла к нам с женой.

— Ой, спасибо, что пришли! — вдруг сказала она. — А то со стороны Фирдауса столько народу, а моя девочка, как безродная. Кроме матери и подруги, никого. А тут хоть побольше гостей с нашей стороны...

— Ну что вы! — ответил я. — Как мы могли пропустить такое событие?

Мы постояли совсем немного, успели только розы от газет освободить. Я с удовольствием отметил, что с цветами только мы пришли. У Дианы, конечно, был букет. Но из гостей больше ни у кого цветов не было.

Нас пригласили в зал. Фирдаус не поскупился на живую музыку и профессионального фотографа. Церемония была вполне обычная, сколько раз присутствовал на свадьбах. Если бы ещё регистраторша не сбивалась, произнося фамилию Эль Хажж, вообще было бы очень торжественно.

Наконец, фотограф нас отпустил, и все бросились поздравлять новобрачных.

— Ну что, Диана Эль Хажж? — добрался я, наконец, до сестры. — Поздравляю. Будь счастлива.

Галия вручила ей розы и кто-то из гостей сказал:

— Наша невеста самая красивая!

Гости рассмеялись и Фирдаус пригласил всех продолжить праздник в ресторане.

Нас ожидал кортеж из шести машин. Гости начали рассаживаться. Галию я пристроил в одну из машин, рядом с Оксаной. Больше там места не было, поэтому сам поехал вместе с какими-то парнями, наверное, друзьями Фирдауса.

Машины повезли всех через Красную площадь, где новобрачные вышли пофотографироваться и голубей выпустить. Много времени это не заняло. Все-таки свадьба зимой имеет определенные ограничения. В платье по морозу долго не поскачешь.

В ресторане нас провели в отдельный зал, небольшой, но очень уютный. Пока шли к своему залу, многие озирались вокруг, охая и ахая. Ресторан поражал воображение и масштабами, и убранством. Впечатление производил неизгладимое. Жаль, что он просуществует не так и долго.

Оксана подсуетилась, чтобы мы с женой сидели вместе с ней и отцом поближе к новобрачным, типа, родне почётные места. Думаю, сыграло роль еще и то, что мать Дианы не знала никого из друзей жениха и явно чувствовала себя не очень уверенно. А тут, какие ни какие, а все-таки свои, знакомые...

Стол был шикарный, закуски на любой вкус. Посередине стола в хрустальной вазе стояли мои розы. Не зря бегал с утра за ними. На горячее были котлеты по-киевски. Потом вынесли осетрину целыми рыбинами. Черную икру... Вспомнил, что ресторан «Арбат» как раз был одним из мест в Москве, где черная икра была практически всегда. С удовольствием посмаковал несколько бутеров, наслаждаясь давно забытым вкусом.

Гости периодически вставали, подходили к новобрачным, дарили подарки без шума и пафоса, говорили что-то поздравительное. Подарки складывали на вспомогательный столик у стены. Мы с женой тоже подошли, вручили свой фолиант. Диана выразительно зыркнула на меня, поняв намёк. А Фирдаус оценил! Пожал мне руку, сияя улыбкой во все зубы.

А хорошо, что тамады с микрофоном не было. Так неловко себя каждый раз чувствую, когда заставляют прилюдно подарки дарить. Сразу ощущение возникает, что все сравнивают и оценивают, насколько подарок лучше/хуже предыдущих. Чувствуешь себя странно.

Пока сидели за столом, заходился от смеха, наблюдая за женой. Она потихоньку с ближайшего блюда с рыбой таскала по одному ломтики лимона, пока все не съела. А там лимона три, наверное, было, если не больше. На кислом у нее явно пунктик. Надо

ассортимент продуктов дома пересмотреть в свете новых вкусовых привычек. А то чую, придется как-нибудь вечером в неурочное время за «чем-нибудь кисленьким» бежать.

Постепенно все расслабились, выпили и закусили не по одному разу, перезнакомились между собой. Атмосфера стала более раскованной, начались шутки, смех, народ потянулся танцевать.

Танцпол был в общем большом зале, играла попеременно как живая музыка, так и записи. Гости из нашего зала почти все вышли на танцпол. Мы с Галией тоже встали из-за стола, как только заиграла медленная мелодия.

Во всей суматохе последних дней у меня не было возможности глубоко прочувствовать, что я скоро стану отцом. Как я мечтал о сыне когда-то! Не сложилось. Может, в этой жизни жена подарит мне наследника, — думал я, прижимая её к себе. С другой стороны, девочки тоже такие очаровательные. В дочке я души не чаял в свое время.

Вдруг взгляд мой упал на соседнюю пару. Отец решился пригласить Оксану на медленный танец. Эта была самая необычная пара из всех, что я видел за обе свои жизни. Взрослые люди, на пионерском расстоянии, глядя в разные стороны, пытались закрыть свои гештальты. Это было видно по их лицам. Начали с поджатых губ, а закончили вполне мирным диалогом. Во всяком случае, они не орали и говорили по очереди.

Ну, вот и хорошо. Глядишь и общаться нормально начнут.

Друзья Фирдауса со своими подругами устроили «Ручеёк» на танцполе. Мы с Галией тоже приняли участие. Постепенно к нам присоединилось много разного народу. Подвыпившей ресторанной публике беготня под музыку зашла на «ура». Периодически все прерывались на крики «Горько!». Свадьба у нас получилась очень веселая и шумная.

Ближе к вечеру, когда мы вернулись за стол, вынесли торт. Никто не продавал его кусками, как это принято на многих свадьбах в двадцать первом веке. Нам просто разложили его по тарелкам, а ещё чуть позже принесли мороженое.

Наелись, натанцевались, нахохотались. Свадьба получилась очень молодежной, легкой по атмосфере. Никто ни на кого не давил, не заставлял ничего делать. Но при этом чувствовалось отсутствие семейного уюта, той неповторимой атмосферы, которая возникает на свадьбе, когда присутствуют многочисленные родственники. Но ничего. Подозреваю, что семейного колорита молодым с лихвой хватит в Ливане. Там такие события отмечают широко, родни много. А здесь просто репетицию провели.

Под конец вечера почувствовали с Галией, что устали. Появилось стойкое желание поскорее попасть домой. Подошли с женой к новобрачным, ещё раз поздравили, попрощались до завтра.

Диана, вставшая ни свет ни заря, уже еле держалась на ногах, вымученно улыбаясь. Фирдаус держался молодцом, проводил нас.

— Так, мы ждём вас завтра к трём. — напомнил я ему.

Мы с женой вернулись домой чуть живые. Не стал тащить Галию на общественный транспорт, взял такси, дежурившее у ресторана. Галия, сонно поцеловав меня и почему-то поблагодарив еще раз за подаренную сумочку, сразу поплелась в спальню, а мне пришлось ещё круг по району с Тузиком сделать.

А завтра ещё день рождения...

•
○ *

Москва. Квартира Макаровых.

— Вера! — раздражённо позвал жену первый заместитель министра иностранных дел СССР Семён Николаевич Макаров. — Опять уборщица всё по местам разложила! Я же просил не трогать мои вещи!

— Дорогой, не уборщица, а помощница по хозяйству. — тут же оказалась рядом с ним жена. — Я сама с ней вместе твой кабинет убирала вчера, мы ничего не трогали.

— А где книга? Я тут вчера оставил. — показал он на спинку дивана в гостиной.

— Ой. — заулыбалась жена. — Это Витя взял. Читал всю ночь. И сейчас читает.

— Мемуары Жукова? — недоверчиво переспросил замминистра. — Правда, что ли? Ну, тогда пусть читает. Не ожидал, что ему интересно будет.

Не скрывая своей гордости за сына, он притянул к себе жену.

— Серьёзный у нас парень вырос. Молодец! А я потом успею ещё прочесть.

•
○ *

Глава 3

Москва. Квартира Ивлевых.

Встали пораньше. Галия сразу впряглась в готовку. Помогал, чем мог. Около десяти утра уже приехали Лёха со Светой.

— Захотелось встретиться заранее, — смущаясь, шепнул Лёха, объясняя столь ранний приезд. — поговорить с тобой хотел.

Света принялась помогать Галие. А мы с Лёхой перетащили обеденный стол из кухни в большую комнату.

— Хочу Свету со своими познакомить... — поделился друг. — Но мама так настроена категорично... Боюсь, учудит что-нибудь. Света расстроится. И мне стыдно будет... Вы не могли бы с Галией тоже с нами поехать? При вас маман постесняется сцены закатывать. И вообще, глядя на вас, надеюсь, она смягчится. А то только и слышу: молодой еще, рано всерьез к кому-то привязываться, еще двадцать раз в других влюбиться успеешь...

— А ты что, жениться собрался? — удивлённо посмотрел я на друга.

— Я, в любом случае, на Свете женюсь. — упрямо заявил Лёха. — Чего бы мне это не стоило. Не сейчас, конечно. Надо учиться закончить, работу найти, на ноги встать. Но потом точно. И хотелось бы, чтобы всё было по-человечески, чтобы мои родители к Свете так же хорошо относились, как и я.

— А, кстати, с мамой-то понятно, а отец твой что говорит?

— Отец говорит, что жену надо тщательно выбирать. Но если уверен, что встретил хорошую девушку, надо жениться, иначе на ней женится кто-то другой.

— Молодец у тебя батя. — рассмеялся я. — Мысли правильные у него.

— Какие мысли? — услышали мы сзади. В дверях стояла Света и с любопытством смотрела на нас.

— Да Лёха предлагает нам всем вместе в Загорск съездить, компанию вам составить, — сказал я, глядя на Лёху. — Ты не против будешь?

Света радостно улыбнулась.

— Конечно, поехали! Вместе веселее.

— Ну, тогда надо будет решить, когда поедем, — я почесал в затылке. — у меня работа в ближайшие две недели. График такой, что не продохнуть. Но в выходные по идее смогу. Может быть...

— Хорошо! — Лёха с готовностью кивнул. — Значит в выходные съездим.

Мы вместе вернулись на кухню. Вдвоем девчонки справились с готовкой намного раньше, чем планировали. Мы сидели вокруг стола, слушали музыку, неспешно пили чай и вспоминали вчерашнюю свадьбу.

Света была искренне рада за подругу, восхищалась её мужем и высказала мысль, что хорошо бы и Диану с Фирдаусом взять с собой в Загорск в первый раз.

— Пусть родители Лёши увидят, в каком солидном кругу я вращаюсь. — наивно предложила она.

Мы с Лёхой переглянулись. Только этого не хватало. Не рассказывать же Свете, что Лёха

когда-то был без ума от Дианы. Чужая душа — потёмки. Как может отреагировать женщина на то, что её кто-то разлюбил? Вся эта комбинация может рвануть самым неожиданным образом и в самый неподходящий момент. Тем более, блин — это же Диана! Когда с ней что-то просто проходило? Я-то это понимаю. А понимает ли Лёха?

Увидев, что он набирает в грудь воздуха, чтобы что-то ответить Свете, я отрицательно мотнул головой, глядя прямо ему в глаза.

— Посмотрим, Свет. — нейтрально ответил Леха, видимо, надеясь, что она не вернется больше к этому вопросу.

— Фирдаус собирается Диану в Ливан везти, со своими родителями знакомить. — встрял я.
— Это уже скоро совсем, так что вряд ли получится.

— Жаль. Ну ладно, — пожала плечами Света и тут же улыбнулась. — Поедем вчетвером тогда.

Девчонки пошли ставить готовиться горячее. А мы с Лёхой, пользуясь неожиданно появившемся свободным временем, повесили в спальне подаренную мне на днях акварель. Одна беда — под наши обои не очень смотрелась. Но не переклеивать же обои из-за этого.

Вскоре подошли Витя с Машей. Последними подтянулись Эль Хажжи.

Праздник получился шумным и весёлым. Фирдаус принёс армянское гранатовое вино, даже не знал, что у нас такие делают. Явно, из закромов «Берёзки». Попробовали. Неплохой вкус!

За столом сидели не особо долго, где-то через полчаса уже начались танцы. За стол иногда возвращались выпить-закусить, но чисто символически. Хорошо, что компания получилась однородно-молодежная. Все были на одной волне, никто не скучал, вздыхая в сторонке. Диана с Фирдаусом только после свадьбы, полные надежд и впечатлений перед грядущей поездкой в Ливан, Светка с Лехой и Маша с Витькой, студенты, только сдавшие первую сессию, причем удачно, да вдобавок влюбленные, мы с Галией тоже влюбленные студенты, но еще и с дополнительной новостью, которая обещает перевернуть всю нашу дальнейшую жизнь. В общем, все хотели расслабиться, повеселиться, снять напряжение от предшествующих событий. Так что мой день рождения случился очень вовремя.

Витя в одном из перерывов между танцами попытался обсудить со мной мемуары Жукова. Я очень удивленно от него это услышал. Мы говорили на эту тему буквально раз, причем вскользь, когда я упомянул, что неплохо бы автограф его заполучить на свой том мемуаров, а потом посетовал, что мечтать не вредно. Неужели на Витьку так этот разговор подействовал!

— А чего ты решил почитать их? — с любопытством спросил друга.

Тот сначала смутился, а потом объяснил, что отец собрался их читать, ну и Витька заинтересовался. И сейчас оторваться не может, затянуло очень.

— Это да. Согласен с тобой. Человек он огромной значимости для нашего времени, с опытом богатым. Меня в его мемуарах многие моменты зацепили. Давай только более подходящей обстановки дождемся, чтобы обсудить все спокойно.

Витька согласно кивнул, обернувшись на хохот, раздавшийся в комнате. Мы потянулись к источнику веселья. А то, как это, смеются, и без нас. Непорядок. Оказалось, что Диана с Фирдаусом рассказали всем историю о том, как Оксана думала, что Фирдаус негр.

— Представляете, мама все время, пока не приехала в Москву и не увидела Фирдауса, психовала, что он черный, — смеялась Диана. — Все нервы себе вытрепала.

— А как так вышло? Почему она так решила? — поинтересовался, посмеявшись со всеми над ситуацией.

— Отец говорит, она Ливан и Ливию перепутала.

— Понятно, — я ухмыльнулся. — Ну да, звучит похоже.

Наблюдая за Дианой и Лёхой, к своему облегчению, не заметил между ними напряжённости или натянутости. Диана была настолько поглощена своими чувствами, что не замечала ничего и никого вокруг, кроме своего возлюбленного. А Леху, к счастью, уже успело переключить на другую, так что он нисколько не жалел об утраченном. Ну и хорошо, одной проблемой меньше.

Улучив момент, обсудили с Лехой более обстоятельно планы на неделю. Тот снова что-то стал переживать, как родителей к Свете расположить. Пришлось поговорить с ним подробнее. А то наломает дров. Спешит вечно куда-то, мечется. Ничего путного при таком подходе не выйдет. Поскольку в будни я точно не смогу в Загорск с ними ехать, надо все детали с Лехой утрясти и постараться успокоить его хоть немного. Со Светой, что ли, еще пообщаться■...

— Пусть эту неделю Света погостит у нас, — предложил я. — И Галие не так одиноко будет. И тебе не надо куда-то спешить. Пообщаетесь в свое удовольствие, погуляете по городу, в кино, в театр сходите. Да и вообще, я тут поразмышлял, а чего ты так торопишься Свету с родителями знакомить? В чем необходимость это прямо сейчас делать?

— Ну как, — растерялся Леха. — Она же моя девушка. Я хочу, чтобы они подружились, понравились друг другу.

— Леха, смотри на вещи реально. Твоя мать уже заранее против Светы настроена. Одного твоего желания мало, чтобы ее мнение поменять. Тут время понадобится, да и правильный момент для знакомства тоже важен, кстати. Слушай, а когда у тебя день рождения?

— В марте.

— Так это же совсем скоро. У меня идея. Может, потерпи до марта. Пригласишь нас на день рождения, в том числе и Свету, представишь её родителям, а там, глядишь, она им

понравится. Да и повод будет более подходящий, чтобы кроме девушки, еще и друзей с собой притащить. Кроме этого, твой день рождения — это важный праздник, и для тебя, и для матери. Ей психологически сложнее будет претензии предъявлять твоей девушке, побоится тебе настроение и праздник испортить.

— Ну, ты солидно все обосновал, не придерешься... Вот только... Мы уже в Москву, возможно, переберемся к марту... — задумчиво ответил Лёха.

— Прекрасно. Ехать в гости будет ближе. — пожал плечами я.

— Ты не понимаешь. Маму переклинило на том, что мы станем москвичами...

— Вот именно. Попомни мои слова, переедет она, поживет в Москве немного, оглядится, увидит, что тут миллионы таких. Глядишь, и придет в чувство. — предположил я, усмехнувшись. — Будет гораздо спокойнее смотреть на многие вещи. Иллюзии исчезнут. Так что, давай, горячку не пори. Всё лучше делать не спеша и в правильное время. Пока гуляйте по Москве, наслаждайтесь общением друг с другом.

— Но Света уже думает, что мы в этот ее приезд к моим поедем.

— Сначала съезди к её отцу и брату. — ехидно посоветовал я. — А к твоим, объясни, пока не время ехать: отец неожиданно квартиру новую выбил, все на чемоданах, нервничают. Скажи — мол, переезд — не самое лучшее время для знакомства. А ты хочешь, чтобы все прошло идеально. И в будущем запомни — девушкам очень нравится, когда парень говорит, что хочет сделать все идеально. С мужской точки зрения не могу объяснить, почему — но вот так оно все и работает. Очень мощный аргумент для женской натуры.

— Ну, звучит разумно. Попробую. — приободрился Лёха. — Может ты и прав.

Вот-вот! А то заладил, всех подружить, всем понравиться. С таким настроением провал обеспечен. Еще, не дай бог, со Светой на этой почве конфликт какой выйдет. Только выполз из депрессии, на человека стал похож... Нам оно не надо. Это его вареное состояние месяцами порядком мне на нервы действовало. Слово стержень вынули из человека, раскис в соплю, я уже боялся, что он экзаменационную сессию завалит. Вовремя же я его со Светкой познакомил! Взбодрился, другим человеком стал.

Эль Хаджи уехали первыми. Оказалось, что у них самолет утром. Фирдаусу, очевидно, не терпелось представить жену родителям. Вопрос о приглашении их к Лехе отпал сам собой.

Слышал краем уха, как Диана рассказывала девчонкам, какой большой и красивый дом у Фирдауса на родине. Он ещё подлил масла в огонь, пояснив, что у них свадьбы играют с гораздо большим размахом, сотни гостей, праздник на несколько дней. И ещё он сказал ей не брать с собой свадебное платье. Там у неё будет совсем другое. Диана уже представляла себя принцессой из восточной сказки.

Провожал сестру, откровенно волнуясь за неё. Успокаивал себя только тем, что Фирдаусу

надо доучиться и он, по-любому, вернётся к февралю в Москву. Да и Ливан страна вполне прогрессивная. Никаких хиджабов и засилья религиозных традиций. Диане там точно понравится. Вот понравится ли Диана родне Фирдауса — другой вопрос. Но, на самом деле, если подумать, то в первый приезд волноваться об этом еще рано. Диана языка не знает, ляпнуть что-то не то ей проблематично. Вот когда выучит, тогда могут быть вопросы...

Витя с Машей тоже вскоре ушли.

Лёха просидел у нас допоздна, пока я не притащил для Светы раскладушку, прозрачно намекая, что ему пора. Света, кстати, идею отложить поездку в Загорск до весны поддержала с энтузиазмом, как и предложение погостить у нас. Ей явно не терпелось насладиться каникулами в столице, на соблазны которой она уже успела глянуть одним глазком на Дианиной свадьбе. Так что с Лехой они попрощались, договорившись, что он заедет за ней завтра в десять утра, и они сразу пойдут гулять. Галия с ними идти отказалась, сославшись на урок рисования завтра. Ага, как же! Рисовать она только после обеда пойдет. Небось уже запланировала с книжкой и тарелкой вкусняшек в свое удовольствие весь день просидеть. Хитрюга!

Ну а мне завтра предстояло начало серьёзной эпопеи. Договорились с Константином Сергеевичем, что в первый день я приеду к девяти в общество «Знание» и познакомлюсь с водителем. Он просил ещё взять бланков командировочных удостоверений и проштамповать их, по возможности, побольше в разных местах, где мы будем. Похоже, мутят что-то господа с суточными. Но мне всё равно, как они мои деньги проведут.

Был ли у меня мандраж? Был, конечно. За свои знания я не волновался, а вот за связки — это да. Чтобы снизить негативный эффект, уже несколько раз дома потренировался говорить медленнее. А то я быстро говорю. Подумал, что двойная выгода будет. Кроме того, что связки меньше страдать будут, еще и солиднее выглядеть буду. Медленно говори — и покажешься всем старше и серьезнее.

Ну и конечно, я старательно выполнял упражнения, прописанные мне врачом. То самое диафрагмальное дыхание вырабатывал, которое резко нагрузку на связки снижает. Вот скоро и узнаю, насколько это хитрая штука работает.

Кроме этого, придумал еще несколько фокусов. К примеру, решил, что в перерывах, когда меня важные люди будут к себе в кабинеты завлекать, буду стараться не сам говорить, а их стараться разговорить. Тот же Дейл Карнеги учил, что, дав человеку выговориться, ты ему больше понравишься, чем если он был вынужден тебя слушать. Вспомнил по этому поводу одну знакомую женщину, которая меня всегда восхищала своей способностью разговорить любого человека. И те приемы, которые она для этого использовала. Вот и попрактикуюсь в этом ее хитром искусстве. Пусть связки между выступлениями максимально восстанавливаются.

Водитель оказался очень приятным мужичком по фамилии Сквородка. Ему было лет сорок пять, шустрый и весёлый. Сначала подумал, что он про фамилию шутит, но он мне права показал, видя, что я не верю.

— Яков Васильевич Сквородка. — прочитал я. — Очень приятно. Я Павел.

Константин Сергеевич протянул мне стопку командировочных удостоверений.

— Одно оформляй себе, одно водителю в каждом месте. — наставлял он меня. — И проси еще несколько проштамповать, говори, бухгалтерия вредная, на каждом шагу придирается, вдруг переписать потребует.

Не стал ему говорить, что на все точки одной командировки одно удостоверение должно быть. Пусть думает, что я не понимаю, чем они тут занимаются.

Ездить нам предстояло на выдавшем виды УАЗике. Часов в десять утра выехали мы в Пушкино, это недалеко по Ярославскому шоссе. Сквородка — водила со стажем и при обществе «Знание» не первый год работает, ему ничего объяснять не надо было. У него свой список с объектами был. Так что я получил возможность в дороге немного к лекции мыслями собраться.

На первом же предприятии, а это оказался Пушкинский хлебозавод, меня встречал председатель профкома. Долго извинялся, что директора сейчас нет, в столицу поехал. И даже хотел мне экскурсию сперва устроить.

— Увы, товарищ, не получится! — всячески показывая сожаление, пожал плечами я. — С удовольствием остался бы у вас на недельку-две, тут так вкусно пахнет! Но у меня всего час десять на всё! И на лекцию, и на вопросы, и на доехать на следующий объект.

— Ты иди работай. — с серьезным видом заявил Сквородка. — А я командировки нам пока отмечу.

Председатель профкома показал водителю, где ему отметят командировочные удостоверения и с явным сожалением на лице привел меня в актовЫй зал, небольшой, но уютный. Контингент собрался посмотреть на лектора из Москвы, в основном, женский, все в белом. Пока их растормошил, пока заставил себя слушать и донёс до них простым языком, то, что они не поняли с первого раза, уже и на вопросы не осталось времени. С самыми настойчивыми пришлось говорить на ходу, проводили меня до самого УАЗика. В машине обнаружил на заднем сидении несколько больших кульков.

— Это что там? — поинтересовался я.

— Пряников нам насыпали в дорожку. — подмигнул мне довольный водила.

— А командировочные отметили?

— Куда они денутся? — усмехнулся он, выруливая из ворот предприятия.

— А ничего не говорили, почему не заполнены?

— Может, и говорили... — хитро посмотрел на меня Сквородка. — Но я водитель, в

бухгалтериях не смыслию, мне сказали — я принёс, отмечайте.

Ну, с таким соратником не пропадёшь. — усмехнулся я про себя.

— Я тут по времени прикинул, — серьёзно сказал он. — обедать будем на заводе «Серп и молот».

— А сейчас куда? — потянулся я за своим списком.

— Прямо по курсу электромеханический завод. — торжественно объявил Сковородка.

На проходной меня уже ждали. Попросил пропустить моего водителя и помочь ему оформить бумажки для бухгалтерии.

— А то времени у нас в обрез! — сделал я озабоченное лицо перед секретарём комсомольской организации завода, и тот тут же попросил кого-то из охраны заняться УАЗиком перед воротами, отдав соответствующие распоряжения. Правда, с директором пришлось посидеть минут десять, и я немного попрактиковался в искусстве поменьше болтать самому, побольше заставляя говорить собеседника.

Та же история повторилась на «Серпе и молоте», короткий разговор с директором, сорок минут на лекцию в огромном зале, и Сковородка выловил меня на выходе из него.

— Ну, ты могёшь! — восхищенно заявил он. — Точно диктор с радио.

— А вы что, Яков Васильевич, лекцию решили послушать? — усмехнулся я.

— Так обед же у нас. — как ни в чём ни бывало заявил он. — До следующей конторы нам лишние сорок минут дали. Так что имеем право на отдых.

Местный комсорг проводил нас в заводскую столовую. Парнишка пытливый, всё хотел меня подловить, каверзные вопросы задавал.

— Ты дашь поесть человеку? — в конце концов наехал на него Сковородка. — У нас обед. Нам ещё в больницу, горком и на две фабрики сегодня ехать.

На самом деле, я не ел не из-за того, что комсорг вопросы задавал, а ждал, пока суп остынет. Я же помню наставления Серафимы Михайловны из Бурденко: горячее так же опасно для голосовых связок, как и холодное.

Глава 4

г. Пушкино.

Не сказать, что очень связки натрудил, но ещё четыре лекции впереди. Так что осторожность не помешает. Деньги на кону стоят очень солидные, да и не нужно мне, чтобы Константин Сергеевич в будущем, думая над тем, предложить ли мне что-нибудь лакомое, вспоминал,

что я с чем-то не справился. Это общество «Знание» просто кладёшь возможностей, которые ни в коем случае нельзя утратить.

В горкоме отстрелялся быстро. Партийное начальство больше меня хотело оценить, чем лекцию послушать. Любопытно им, похоже, было, кого им там Москва прислала. Тут, конечно, используемая мной в других местах тактика по сбережению связок, меньше говорить и больше слушать, была мной отброшена в сторону — не то место и время для нее, тут большие шишки. И прекрасно разбираются в людях, поэтому могут неправильно понять мое нежелание говорить самому, как признак того, что я в чем-то не разбираюсь. Оно мне надо?

Задав, для начала, мне несколько идеологических вопросов, второй секретарь горкома, оценив мои ответы, перешёл на обсуждение лично его интересовавших тем, не давая слова коллегам. Очень интересно пообщались с ним и, прощаясь, он крепко пожал мне руку со словами:

— Приятно удивлён и рад знакомству.

- - *

Бейрут.

Лететь пришлось с пересадкой в Сирии. Наконец, Эль Хажжи долетели до ливанской столицы Бейрута. Про нее Диана прочитала совсем немного в Большой Советской Энциклопедии, готовясь к поездке. Но реальность оказалась гораздо красочнее. Ещё когда самолёт заходил на посадку, Фирдаус обратил внимание Дианы на огромный порт внизу. Море охватывало город с трёх сторон. Множество домиков, море зелени в городе и вокруг, любимый мужчина рядом, крепко сжимавший ее руку в своей — все вместе создавало совершенно неповторимую, будоражащую кровь атмосферу!

Родители не встречали Фирдауса в аэропорту, они ждали дома. Встретил их старший брат Фирдауса, Амаль. Он с любопытством разглядывал Диану, пока они ждали багаж. Не понимая ни слова на арабском, Диана могла только старательно улыбаться ему в ответ на поток непонятной речи. В этот момент она, конечно, пожалела о том, что так плохо старалась на первых занятиях арабским языком в посольстве. Диана очень остро ощутила, каково это — не понимать ни слова.

Братья крепко обнялись при встрече, на радостях, что сразу же обрадовало Диану — видно, что они любят друг друга и соскучились. Прямо, как они с Тимуром — подумала она, но тут же настроение испортилось, когда она вспомнила, что теперь она, чтобы защитить брата, агент КГБ.

Братья принялись что-то обсуждать. Фирдаус переводил только малую часть их оживлённого разговора, потому как оба тарахтели со скоростью пулеметной очереди. Казалось бы, Диане должно было быть не очень комфортно присутствовать рядом, не понимая большую часть

сказанного, но это ощущение быстро прошло — она так долго ждала этой поездки и была так поражена непохожестью Ливана на ее родную страну, что полностью погрузилась в созерцание такого нового и необычного мира вокруг. Да и то, что Фирдаус так радовался, встретив брата, грело сердце.

Наконец, они получили свой багаж и направились к выходу из аэропорта где, как оказалось, их ждала представительная иномарка с водителем. Красивая машина — но на фоне пальм вокруг особенно приятно выглядящая для глаза.

Тут и случился небольшой инцидент — пока водитель, выхватив чемоданы из рук братьев, грузил их в багажник, мимо Дианы промелькнула небольшая черная собачка, вырвавшаяся из рук у пожилой дамы, не усмотревшей за ней. Ее поводок зацепился за туфли Дианы и едва не опрокинул ее на землю, слегка развернув. Будь собака хоть раза в два больше, Диана и упасть бы могла от такого неожиданного толчка. Но тут владелице собаки повезло — наклонившись, Диана ухватила поводок, и вскоре уже вручала беглянку подоспевшей хозяйке. Та начала благодарить на арабском, и Фирдаус выручил Диану, обрушившись с ответным потоком слов на нее. На этом и разошлись.

В машине Диана во все глаза смотрела в окно. Резкая смена климата поразила её. В Сирии они просидели в аэропорту всего час, пересадка была короткой. И вид был на летное поле, так что там увидеть, какова местная природа, не получилось. А теперь Диана была очарована. Стройные кипарисы, пальмы, горы, вечнозеленые кустарники и море... Казалось, все дороги ведут к морю. Необычные по очертаниям дома из белого кирпича, новые звуки, удивительно и так ярко одетые люди на улицах.

Особенно её поразило обилие машин в городе. Со всех сторон раздавались автомобильные гудки. Машин было много, и они были совсем не похожи на те, к которым она успела привыкнуть в Москве. А потом неожиданно на город опустилась ночь. Стемнело моментально. Сумерек не было вообще. Только что, казалось, было светло и вдруг зажглись фонари по всему городу и свет в зданиях. Мечети вечером казались сказочными замками.

Проехав по центральным улицам города, машина остановилась возле огромного четырёхэтажного дома. Первый этаж отличался высотой и яркими витринами, а остальные — причудливыми эркерами без острых углов. Диану поразили значительно скруглённые углы здания, делавшие его очень необычным и похожим по форме на торт с кремом.

Девушка засмотрелась, выходя из машины.

Семье Эль Хажж, как оказалось, принадлежал верхний этаж этого необыкновенного дома.

●
○ *

Галия сидела на кровати в спальне, уютно завернувшись в плед и увлеченно читала одну из новых книг. Рядом, свернувшись клубочком, спал Мурчик, тархтя, как небольшой трактор. Тузик разлегся на полу возле кровати и тоже дрых. На тумбочке стояла чашка с чаем и

тарелка с печеньем. В квартире было очень тихо, слышно было только тиканье часов и их мелодичный перезвон в начале каждого часа. Этот день был просто идеальным.

Паша уехал на работу рано. Света тоже побежала гулять с Лешей еще утром. Галия была дома одна. Она чувствовала покой и умиротворение. После суматохи и напряжения первой сессии она впервые по-настоящему отдыхала, делая не то, что надо, а то, что хочется.

Где-то вроде капала вода. Галия мельком отметила этот звук, удивившись немного. Но книга была интересной, вставать с кровати не хотелось, и она довольно быстро отвлеклась, подумав, что ей показалось. Пока на страницу внезапно не упала капля...

•
○ *

Первый день прошёл. Мы возвращались домой. Старался меньше говорить, опасаясь за голос. Это единственная проблема, которая могла осложнить мне жизнь. А в остальном всё оказалось очень даже неплохо.

Яков Васильевич сам прокладывал нам маршрут, отмечал документы, следил за режимом нашего питания и отдыха. Ну, так вполне можно гастролировать.

Он подвёз меня до дома и обещал завтра к восьми заехать. Дал ему свой номер телефона, показал, в какой квартире живу, чтобы он мог зайти за мной, если раньше приедет. Вытащили презенты из машины — московского гостя не оставили без подарков, хоть и знали, что мне заплатят за каждую лекцию! Семь свёртков, наверное, с продуктовыми наборами, и настольный деревянный набор с ручкой и с выгравированной головой Ленина из горкома. Пытался поделиться с шофером, дав ему наугад один из пакетов, но тот, к моему удивлению, отказался, сказав, что возьмет что-нибудь только в конце нашего совместного турне.

— Я посигналю под окнами завтра утром, если что. — протянул мне руку водителя.

Мы попрощались, и я пошёл домой. В подъезде для позднего вечера было подозрительно шумно. Побежал по лестнице, на втором этаже под нами суета, дверь нараспашку. Бегом поднялся к себе на этаж. А там!..

Двери к нам в квартиру и соседям открыты. У нас кромешная тьма и вода на полу, аж тапки плавают. Галия в слезах стоит с тряпкой в руках, Иван железной кружкой воду в ведро собирает. Сверху кто-то в двери кулаками молотит. Короче, полный бедлам.

Бросил свои свёртки на столе на кухне. Подошёл к жене, забрал у неё тряпку.

— Успокойся, дорогая. Подумаешь, соседи залили! — обнял я её. — Брось это всё!

— Но паркет!.. — начиная рыдать, всхлипнула жена.

— Чёрт с ним! А то на этом и закончится твоё будущее материнство! — строго сказал я ей.

Иван удивлённо взглянул на нас, ничего не сказал, но придвинул ведро к себе поближе.

— Я сейчас вернусь. — благодарно сказал я ему. — Не давай ей наклоняться.

Побежал наверх, там в квартиру соседей над нами ломались Ирина Леонидовна и Марк Евгеньевич, наш старший по подъезду.

— Там есть кто дома? — спросил я.

— Игорь был. — ответил дед. — Музыка вечером орала.

— Может, с ним случилось что! — с надрывом предположила соседка.

— Давно стучите?

— Минут двадцать уже.

— Надо милицию вызывать, — сказал я. — Пусть дверь вскрывают, может, правда, поплохело человеку. А воду как перекрыть? Сантехника вызвали? Аварийку какую-нибудь? Давайте сами воду перекроем! В подвале же можно перекрыть? А то до первого этажа все квартиры прольёт.

— Я звонил в ЖЭК минут десять назад. — засуетился Марк Евгеньевич. — Что-то не идёт никто... Может, я в запаре старый адрес продиктовал?

Мы спустились к нам на этаж.

— А что без света, кстати? Проводку коротнуло? — спросил я, заходя к нам.

— Я в щитке всё отрубил, чтоб током никого не долбануло. — ответил Иван.

— Это правильно. — сказал я и подошёл к телефону. Хорошо, что он от электросети не зависит.

Вызвал милицию.

— Позвони-ка в ЖЭК ещё раз! — попросил старший по подъезду. — Вдруг я, дурак старый, адрес неправильно назвал. Всё перестроиться не могу...

Рукой поманил деда к телефону, пусть сам звонит, а сам бегом побежал в подвал. Только бы он не был заперт. Помнится, в советское время не запирались ни чердаки, ни подвалы.

Дежурный свет в подвале был символическим. Огляделся по сторонам в поисках выключателя. Почти вслепую нашарил его и врубил свет, лихорадочно высматривая, где кран, который нужно закрыть.

Не разбираясь в системе водоснабжения многоэтажных зданий, откровенно сказать,

растерялся. Там было столько труб!

Пока я пытался по их виду сообразить, где тут отопление, а где водоснабжение, со стороны входа послышались шаги.

Слава богу, сантехник пришёл.

— А ну, не трожь ничего! — рявкнул на меня мужик с трёхдневной щетиной, в засаленной телаге и сапогах.

— А вы ходите быстрее! — весь на нервах, огрызнулся довольно резко я и пошёл к выходу.
— Тут уже два этажа пролило.

Хотя, он прав, конечно. Что бы я мог сделать? Только закрутить все подряд краны, вентили и заглушки, до которых мог бы дотянуться.

— Иди отсюда. — буркнул он мне в спину.

Сделал вид, что не расслышал и вернулся к нам в квартиру. Какой смысл с ним сейчас цепляться. Тем более, вызвав милицию перед этим. Они меня после драки и примут.

— Сейчас воду перекроют. — сказал я, раздеваясь, а то так и носился в пальто и шапке.

Переодевшись, стал помогать собирать воду. Паркет мой, бедный паркет... Ещё и Галя носом хлюпает.

Вскоре наверх мимо нас прошли два милиционера. Марк Евгеньевич резво поднимался за ними.

— Откройте! Милиция! — услышали мы зычный бас и настойчивые удары кулаком в дверь.

Потом ещё раз. Бесполезно.

Потом, судя по звукам, милиционеры приняли решение, что там может быть человек в опасности и просто вынесли дверь то ли с плеча, то ли с ноги. Наши штатные двери без особых усилий выбить можно.

Мы с Иваном раз собрали воду, она натекала, второй раз собрали.

— Это бесполезно. Надо наверх идти, там воду собирать. — сказал я.

Мы с соседом подхватили ведро и тряпки и пошли наверх. Иван так и не выпускал металлическую кружку из рук.

В квартире соседей сверху застали картину Репина «Приплыли».

Пол на кухне и коридоре залит водой. На кухне стоял голый мокрый Игорь, хозяин квартиры,

прикрывался маленьким полотенцем и совершенно офигевшими глазами смотрел на милицию и соседей.

— Все живы? — спросил я, переступая через порог.

— Все. — ответил недовольный Марк. — Заснул он, видите ли, в ванной. Пить надо меньше!

— Надо воду собрать, а то всё ещё вниз протекает. — объяснил я милиционеру, вопросительно посмотревшему на меня.

Он кивнул, и мы с Иваном тут же принялись за дело. Подтянулись соседи со второго этажа под нами. Не довелось познакомиться с ними раньше. Ну, вот теперь и повод появился! Супружеская пара под пятьдесят. Муж сразу присоединился к нам. А жена полная, ей трудно по полу ползать. Зато ничто не мешало ей высказать Игорю всё, что думает о нём весь подъезд.

— У меня шкаф залило, дорожка в коридоре вся мокрая! Как её теперь сушить! — расходилась всё больше и больше соседка.

— Правильно-правильно! — поддержал её Марк. — Надо ещё поднять вопрос о компенсациях для пострадавших квартир.

Компенсации — это, конечно, хорошо. — подумал я. — Но если по-честному, то мне только паркет жалко. А остальное всё равно переделывать надо было бы, как дом осядет. Конечно, хотелось бы не в свинарнике до этого времени дожить с отваливающимися обоями и потолками в жёлтых пятнах. А вдруг мебель на кухне пострадала? ДСП от влаги вспучивается... Ой, прямо страшно смотреть, что там у нас.

Хорошо, хоть прихожую не успел купить! — думал я, подтирая остатки воды в коридоре.

— Дайте пройти. — услышал я недовольный голос сзади. — На пороге квартиры стоял тот самый сантехник. — Что тут? Воду можно открывать? А то люди без воды сидят.

Мы переглянулись с Иваном и ринулись в ванную. Стояк перекрыли, и когда милиционеры вскрыли квартиру и вытащили из ванны пьяного соседа, вода уже не текла. Проверил краны, закрутил.

— Всё, открывайте. — сказал я сантехнику. Он молча кивнул и ушёл.

— А почему не сработал слив-перелив в ванне, и вода через край на пол полилась? — озадачился я, заглядывая под ванну.

— Да не ищите там ничего. — встал напротив ванной один из милиционеров. — Верхний слив, вон, тряпкой забился, — показал он на угол ванны, где лежало что-то, похожее на женское бельё. — видимо с батареи упала, а этот не заметил.

Весь полотенцесушитель, и правда, был завешен мелкими женскими вещами и мужскими

носками. А где Ритка, кстати? — озадачился я.

— Игорь, а где твои-то, жена с дочкой? — спросил я, выходя из ванной.

— Уехали в гости. — еле ворочая языком, ответил пьяный сосед. — С ночёвкой. А я отдыхаю.

— Отдохнул! — раздражённо махнула на него рукой Ирина Леонидовна.

— Ну, мы тут всё вроде вытерли. — решил я, что мне здесь больше делать нечего. — Пойду, а то у меня жена перепугалась сильно. Нужен буду, зовите. — обратился я к Марку и попрощался с соседями со второго этажа.

Иван вышел из чужой квартиры вместе со мной, а Ирина Леонидовна осталась Марка поддержать в его нелёгком деле защиты порядка и справедливости в отдельно взятом подъезде.

— Ох, сдаётся мне, не просто так его жена и дочь в гости посреди недели умотали. — задумчиво проговорил я.

— Ты тоже так подумал? — усмехнулся Иван.

— А не запойный ли у нас соседка?

— Только этого не хватало. — проворчал Иван. — Не приведи господь такого соседа иметь!

У нас на этаже между открытыми дверями обеих квартир дежурила на пороге встревоженная Галия. Рядом стояла Лина с шестого этажа и Лёха, который провожал Свету к нам домой, но задержался выяснить, что у нас происходит.

Увидев нас, Лина бросилась к Ивану.

— Ну, что там? — не в силах скрыть любопытства, спросила она.

— Давайте все проходите к нам. — вдруг распорядился Иван, обнимая за плечи Лину, а обращаясь ко мне. — У вас свет теперь дня два включать нельзя, пока проводка не просохнет.

— А лучше три. — кивнул я, соглашаясь. — Раздевайтесь. — махнул я рукой в темноту своей квартиры, глядя на Лёху и Свету. Будем зимовать при свечах.

— За что нам такое наказание? — расстроено спросила Галия.

— Ну что ты? Это же так романтично. — возразила ей, раздеваясь, Света.

г. Москва

— Это не наказание, дорогая, и не трагедия. Это всего лишь внезапные бытовые хлопоты. Все же живы-здоровы. Правильно? — обнял я жену и подтолкнул легонько к соседям в квартиру.

Лина прошла на кухню, поняв без слов Ивана, который одними глазами показал ей на стол и чашки в серванте. Галие неудобно было сидеть, и она пошла ей помогать.

— Провести три дня без света зимой, конечно, так себе перспектива. — заметил я. — Темнеет рано. А Галия хотела на каникулах дома посидеть, новые книги почитать.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь. — пожал плечами Иван и прошёл навстречу Лёхе со Светкой, скромно топтавшимся у входа.

— Знакомьтесь, — поспешил я к ним. — Моя одноклассница Света и мой однокурсник Алексей.

— Иван. — представился им сам хозяин и пригласил в большую комнату.

Вскоре к нам присоединилась Ирина Леонидовна. Остаток вечера прошёл в приятной компании за интересной беседой. Все успокоились и смирились с неизбежным. Нашли фонарик, запасы свечей. Девчонки умудрились блинов напечь и накормить нас ужином между разговорами.

Лёхе со Светой и Ивану с Линой расходиться явно не хотелось, но у меня завтра напряжённый день, и глядя на Галию, подумал, что она тоже не прочь уже отправиться на боковую.

Оставил жену ещё немного посидеть в хорошей компании, а сам извинился и под предлогом того, что с собакой надо гулять, ушёл.

У лифта на первом этаже столкнулся с Анной Аркадьевной. Она беседовала с моей соседкой снизу, которая вытащила свою мокрую дорожку на лестницу и пыталась как-то вывесить её между этажами, чтобы с неё стекла вода.

Поздоровался со взволнованной Анной Аркадьевной.

— Ой, Паша! — обрадовалась она, увидев меня. — Всё готово. Только как же теперь?

— Придумаем что-нибудь... — озадаченно ответил я. — Можно я к вам жену пришлю? А то сам я сейчас занят с утра до вечера!

— Конечно. А сильно у вас там всё... попортилось? — поинтересовалась Анна Аркадьевна.

— Ещё не знаем. — развёл руками я. — Мы без света на несколько дней остались. А в темноте поди определи...

— Да-да. — подтвердила моя соседка снизу. — Я даже боюсь завтрашнего утра.

— Кстати, мы с вами так и не познакомились. — вспомнил я. — Меня Павел зовут.

— Ольга Владимировна. — ответила она. — Очень приятно.

— А что на первом этаже? — кивнул я на дверь из нашего стояка. — До них тоже наверняка дотекло.

— Ой, а они, наверное, ещё и не знают. — притихшим голосом ответила Ольга Владимировна. — Постучись к ним. Но они, скорее всего, не дома, раз вместе с нами тут не бегали.

Так и оказалось. Анна Аркадьевна взглянула на меня сочувственно, мы попрощались без слов, и я пошёл на улицу. Подморозило, выпавший накануне снег поскрипывал под ногами. Небо прояснилось и стала видна полная луна.

Вернувшись, вспомнил про продуктовые наборы. Так забегались и закрутились с этим водным бедствием, что я их поставил в уголок и забыл про них. Начали распаковывать вместе с Галией и Светой. Сразу стало понятно, что дарили мне в основном то, что осталось после празднования Нового года. Видимо, запасы создали солидные, чтобы на всех хватило, и еще и в январе осталось.

Так что в основном мне досталось море конфет, да копченая колбаса с консервами. Консервы оказались ценными по нынешним временам — венгерский зеленый горошек «Глобус» и «Лечо натуральное», югославский клубничный джем, и советская ветчина. Очень порадовали две банки индийского кофе и две пачки чая со слонем. Но Галия и Света обрадовались больше всего, к моему удивлению, именно советской ветчине. Но удивлялся я недолго — для меня тут же открыли банку, и я вспомнил этот вкус. Да, однозначно, вещь!

•
○ *

Бейрут.

Теплый ветерок щекотал Диану, сидящую на террасе верхнего этажа. Семья Фирдауса приняла Диану очень тепло, во всяком случае, все улыбались.

Мать Фирдауса вообще очень ей по душе пришлась. Нуралайн, высокая, статная, в деловом брючном костюме, и видно, что в ее годы она была очень красивой. И сейчас, несмотря на морщины, еще вполне симпатичная. А уж духи ее! Надо будет потом попросить Фирдауса ей такие же купить. Но не сейчас, а уже в Москве, сейчас неудобно может оказаться, если она такими же духами надушится.

Фирдаус ей уже рассказал, еще в Москве, что имя Диана в Ливане имеет аналог — Дина. Переводится, как «долина, наполненная прекрасными цветами». Нуралайн попросила у нее разрешения звать ее именно так. Диана охотно согласилась. Уж больно красиво звучит

перевод на русский! Можно и Диной побыть!

Тарек, отец, тоже был представительным мужчиной. Небесно-голубые глаза, волосы русые, почти не облысел еще, несмотря на то, что ему за пятьдесят. Руку ей галантно поцеловал. Костюм у него красивый, синий, такие красивые Диана раньше даже у Пашки не видела. Фирдаус потом пояснил, что эти костюмы для отца шьет портной в Италии. И стоят они больше тысячи долларов за штуку, ему самому такие дорогие еще не положены, он же студент, на деловые переговоры, на которых должен достойно выглядеть, как отец, пока не ездит.

А то, что она пока не могла принять участия в их разговорах... Ну, а как, если она всего несколько слов выучила?

Гораздо интереснее любоваться с высоты на вечерний восточный город, живущий полной жизнью. Невероятные впечатления после зимней заснеженной Москвы!!!

•
○ *

Пошел вечером гулять с собакой. Пройдя немного по двору, увидел старого знакомого, копающегося в куче строительного мусора.

— Родька! — позвал я. — Привет! Ты что там делаешь?

— Гвоздь толстый большой нужен. — серьезно ответил он, подходя ко мне. — А можно его погладить? — переключился он на Тузика. — Не цапнет?

— Не цапнет, гладь. Зачем тебе гвоздь-то? — поинтересовался я, терзаемый смутными догадками. — Пугач хочешь сделать?

Он замялся.

— Слушай, — мне не понравилось, что он гуляет всё время один. — а хочешь Тузика на поводке поводить? — решил разузнать о нём побольше.

Пацан с готовностью согласился, и я торжественно вручил ему поводок.

— Мы, когда гуляем, тут по району круг делаем. Тебя не хватятся искать, если ты со двора уйдёшь? — поинтересовался я.

— Не хватятся. Дед на дежурстве. — небрежно ответил малой и гордо направился в сторону улицы.

— Ты с одним дедом живёшь? — потрясённо спросил я. — А родители?

— Папу служить отправили за границу. А мамы у меня нет.

У меня сжалось всё внутри.

— Давно мамы не стало? — спросил я.

— А её у меня никогда не было. — деланно равнодушно ответил Родька. — Бабушка была, но умерла в том году.

Во дела... Знал бы...

— А дед где дежурит?

— Он в гаражах сторожем сутки через трое.

— Это ты целые сутки один?

— Так я уже большой. — уверенно ответил Родька. — На старой квартире я ещё маленький был, за мной соседка наша по квартире присматривала.

— Как же вы в кооперативном доме здесь оказались? — произнёс я мысли вслух.

— Это папа получил. — гордо ответил Родька.

— Ничего не понял, но ладно... — ответил я задумчиво. Надо с дедом поговорить, что у них тут происходит? Не дело, что ребёнок один целые сутки.

•

◦ *

Бейрут.

Диане нравилось здесь всё. Реальность превзошла самые смелые её мечты. Именно о такой жизни она мечтала, наблюдая сейчас, как мать Фирдауса управляется с прислугой.

Завтра их ждёт путешествие в загородный дом Эль Хажжей. Фирдаус объяснял, что там находятся плантации, с которых, когда-то, начинался их семейный бизнес. Сейчас их семья вышла на другой уровень и занимается торговлей фруктами по всему Ближнему Востоку и Западной Европе.

Диане было не очень интересно вникать в суть этих разговоров. Её больше интересовал сам загородный дом.

Посмотрим, что там. — в предвкушении думала Диана, засыпая. — Свадьба, наверное, будет там. Здесь не видно никаких приготовлений. Надо поскорее выйти замуж по ливанским законам.

— Очень важно, — наставляли её перед отъездом соседки по общежитию. — чтобы он женился на тебе не только по нашим правилам, но и по правилам своей страны! А то окажется потом,

что наш ЗАГС ему не указ и у себя на Родине он холостяк при живой-то жене.

•
○ *

Сделав круг по району, мы вернулись в наш двор и ещё на подходе услышали, как женский голос остервенело звал:

— Родька! Чертяка. Родька!

— Опа. А тебя ищут. — усмехнулся я. Не всё, значит, правда, что он мне тут насочинял. — Тут он! — крикнул я, увидев у второго подъезда женский силуэт, зябко обнимающий себя за плечи.

— Тётка Шурка. — удручённо пояснил Родька. — Щас опять орать будет...

— Где тебя носит! Ирод! — зло заголосила женщина, так и стоя у дверей второго подъезда. Подойдя ближе, разглядел даму с шуплой фигурой лет за сорок-сорок пять. Она вышла на улицу в одном платье и домашних тапках. — Девять часов, тебя дома нет! Вечно шляешься где-то допоздна! Почему тебя искать всегда надо!

— Это я виноват. Пошёл с собакой гулять и предложил ему компанию мне составить. — вступился я за парнишку, рассчитывая, что она сбавит обороты.

Но вместо этого злобная мегера набросилась на меня.

— Тебя кто спрашивал, вообще? Иди, куда шёл! — откровенно по-хамски ответила она мне, схватила за ухо Родьку и бесцеремонно потащила в подъезд.

Лицо малого исказила гримаса боли, но он молча терпел, привстав на цыпочки и пытаясь поспеть за тёткой.

— Эй, эй, эй! Вы что творите! — зашёл я в подъезд вслед за ними. — Я же вам сказал: он не виноват! Отпустите его! Вы как с ребёнком обращаетесь!

— Да мне вообще плевать на него! Помогаешь, помогаешь, и вот она благодарность! — зло зашипела она, отпустив ухо Родьки. — Вот сообщу, куда следует, что у нас тут беспризорник!

— Он не беспризорник. — ответил я. — У него отец и дед есть. И в чём ваша помощь заключается, помогаете за уши таскать?

— Я, между прочим, за него отвечаю, когда дед на сутках! Родька, домой! — оскорблённо ответила женщина, развернулась и пошла к лифту. — Последний раз сегодня! Дальше сами! Как хотите!

Вот, так так...

— Стойте. — остановил я её. — В какой квартире они с дедом живут?

— В сорок пятой. — ответил за неё пацан.

— Давай, Родька, слушайся тётю Шуру, я завтра вечером к вам зайду, с дедом твоим познакомлюсь.

Шура демонстративно повернулась ко мне спиной, а Родька с тоской в глазах посмотрел на меня. Кивнул ему, прощаясь, и подмигнул, чтоб подбодрить. Они уехали на лифте.

Ну, Родька, конечно, сорванец. Но ему и так досталось от жизни. А то, что он домой не хочет идти, это объяснимо, если там так встречают.

Вернувшись домой, застал у нас Галию и Свету. Лёха уже уехал, боясь опоздать на электричку.

Сели на кухне, рассказал им про пацана, про его соседку.

— Может, он и трудный ребёнок, — сказал я девчонкам. — но у него есть много причин быть таким. Что-то не даёт мне мимо пройти. Хочу завтра сходить к его деду познакомиться.

— Пусть у нас остаётся, когда дед на дежурстве. — сразу предложила Галия.

Вот, уверен был, что она так и скажет. — хмыкнул я про себя. — Мы с женой, на удивление, в одном направлении мыслим.

Света поохала-поахала и быстро переключилась на восторженные рассказы о Московских центральных магазинах.

— Такое пальто сегодня видела! — мечтательно рассказывала она. — Я его примерила, сразу совсем другой стала. Даже Лёша сказал, что у меня, в этом пальто, даже взгляд другой стал.

— Что за пальто-то такое волшебное? — из вежливости поддержал я разговор.

— Не поняла, из чего оно. И не каракуль, каракуль я знаю, а что-то похожее, не знаю...

— Так спросить надо было у продавцов. — усмехнулась Галия.

— Ой, они так смотрели на нас пренебрежительно, что даже подходить к ним не хотелось.

— На этикетке надо было посмотреть. — подсказал я.

— Да, какая уже разница. Всё равно, мне не купить такое. Сто девяносто рублей!..

— Ой, забыл совсем! — хлопнул я себя по лбу, услышав про деньги. — Галия, позвони, пожалуйста, завтра на работу нашей соседке с шестого этажа Анне Аркадьевне. Я

договорился о мебели в прихожую, но выбирать лучше тебе самой. Чтобы нравилось.

Оставил ей номер телефона и деньги с запасом. Может, ещё что-то присмотрит, пуфик какой-нибудь. Прихожая большая, всё поместится.

— Договаривайся сразу о доставке и сборке. А то мне некогда будет в ближайшее время мебелью заниматься. — наставлял я жену. — Справишься?

— Я Свету попрошу со мной съездить. — вопросительно взглянула Галя на нашу гостью.

— Конечно, о чём разговор! — с готовностью отозвалась та. — Всё выберем, купим, привезём и соберём. Не волнуйся. Мы ещё Лёшу с собой возьмём.

— Ну, если ещё и Лёша с вами будет, то я спокоен. — рассмеялся я.

На следующий день только открыл глаза, увидел разводы на потолке спальни и вспомнил, что нужно вставать и идти оценивать ущерб.

С тяжёлым сердцем вышел в коридор. Разводы на потолке... Обои, вроде, на месте... Паркет... Паркет, к моему огромному удивлению, выглядел вполне нормально. То ли воду быстро собрали, то ли не зря я в три слоя паркет лаком крыл. Так. А что на кухне? Если бы линолеум одним куском лежал, то ещё куда ни шло, но кухня большая, через стыки вода под линолеум может затечь...

Мебель. Фух, пронесло. Вода стекала по стенам, мебель мы, к счастью, к ним вплотную придвинуть не смогли, хоть и старались. Повезло, что стены не очень ровные. Мебель была слегка влажной наощупь, но не более того.

Вошёл на кухню и только успел собраться и позавтракать, как услышал под окном настойчивые автомобильные сигналы.

Выглянув в окно, увидел серо-голубой УАЗик общества «Знание» и, чмокнув жену, поспешил одеться.

— Девчонки, свяжитесь с Анной Аркадьевной. — напомнил им я. — А то, смотрю, уже намылились куда-то.

— Да. — счастливо улыбаясь, ответила мне жена. — Хочу съездить, посмотреть, что там за пальто такое необыкновенное.

— Лёху хоть дождитесь. А то приедет, поцелует двери в пустую квартиру.

Сел в машину, поздоровавшись со Сковородкой.

— Ну что, готов, лектор? — улыбаясь, спросил он меня.

— Ой, Яков Васильевич. Меня вчера сосед сверху залил, света три дня теперь не будет. —

начал рассказывать я. — Даже не знаю, куда мы сейчас едем.

— Ну, едем мы в Загорск. Время у тебя маленько есть, почитай что-нибудь. — озабоченно ответил водила. — Пирожок, вон, возьми, моя дала в дорогу. Потоп — это беда, конечно. Нас тоже раз залило, кран сорвало. Но быстро все перекрыли, легким испугом отделались.

Пирожков было много, явно на двоих. Понюхал один. С капустой.

— Пирожок — это хорошо. Спасибо. — улыбнулся я, почувствовав искреннюю заботу мадам Сквородки и достал список предприятий из портфеля, набитого специальной литературой, которую вручил мне Константин Сергеевич в обществе «Знание» перед началом моих гастролей. — Итак, у нас сегодня восемь точек. Одна, опять, горком...

— Война войной, а обед по расписанию. — важно проговорил Сквородка. — Где там обедать придётся?

— На кондитерской фабрике. — прикинул я временные интервалы. — Надеюсь, не конфетами.

Малые города, вдали от исторического центра, мало чем отличаются друг от друга, но предприятия и их коллективы все разные. В Загорске довелось нам посетить старинную фабрику Загорской росписи. Вот, уж откуда уходить не хотелось. Загорская роспись дополняется выжиганием по дереву, очень красиво и необычно. Засмотрелся на один сундучок-шкатулку. Его мне в благодарность за лекцию и подарили.

Вот, жена порадуется. — думал я, пристраивая добычу на заднем сидении нашего УАЗика.

•
○ *

Квартира Ивлевых.

Ещё вчера, когда Света рассказывала про пальто, которое меряла в ГУМе, Галия заметила с каким сожалением и разочарованием она махнула рукой, когда говорила, что у неё никогда не будет такого.

Девушки успели подружиться. Света оказалась неплохой девчонкой, соответственно возрасту наивной, но в остальном очень душевной и порядочной. Было заметно, как Света комплексует из-за того, что она «провинциалка». Стесняется того, как одета, как говорит, хотя, на самом деле, она хорошо воспитана, начитана и далеко не глупа.

Галия созвонилась с Анной Аркадьевной, как велел Паша, та назначила встречу после трёх часов дня. Девушки дождались Лёшу, и когда он приехал, Галия уговорила их показать ей то необыкновенное пальто, которое «даже взгляд меняет». Перед выходом из дома Галия втихаря сунула в сумочку двести рублей, доставшихся от гадалки, которые не давали ей покоя в последнее время.

Глава 6

г. Москва

После обеда поехали в горком, там меня допрашивали уже не так предвзято, как вчера в Пушкино. Видимо, обмен информацией между районами налажен.

Потом был лакокрасочный завод, хлебозавод. А потом мы попали на фабрику детских игрушек. Какие же очаровательные куклы там выпускали. Просто нет слов. И лица милые, живые, наверняка, вручную раскрашенные. И платьица сложные, многослойные, даже бельё на куклах есть. И тапочки-туфельки съёмные. Стекланные глазки у кукол моргают. И причёски на каждой. Вроде, всего лишь игрушка, но сразу оценил, сколько в одном изделии деталей, компонентов и все из разных материалов. Это же какое многопрофильное производство должно быть! И сразу подумал про Аришку. Вот кто такую продукцию точно оценит.

— Что-то наш лектор в куклы заигрался! — услышал я над ухом насмешливый девичий голос. — Подарить вам куколку?

Местная комсорг, сопровождавшая меня по территории фабрики, такая дерзкая оказалась, все подкалывала меня и посмеивалась. Я не обижался — незамужние девчонки так свой интерес демонстрируют к перспективным парням. Приятно, что она меня к таким относит. Несмотря на то, что первым же взглядом, я видел, заметила мое обручальное колечко.

— Мне одной куклы мало. — ответил я.

— Многодетный, что ли? — удивилась она. — И когда успел?

— Это дело нехитрое... — подыграл я.

Аришке надо, по-любому, и себе про запас: вдруг, доча родится.

Вручили мне торжественно две куклы, упаковали в коробки, всё чин чинном. Девки на упаковке поглядывали на меня, еле сдерживая смех. Даже неловко стало. Что такого? Ну, выбрал парень две куклы?.. А что, вы, красотки тут делаете — автоматы, что ли? Выбор у меня разве есть?

На обратном пути Яков Васильевич завёл разговор задумчиво о том, сколько у нас под Москвой разных производств. В каждом городе, куда мы приезжали, были заводы и фабрики с неплохим ассортиментом товаров. Работают, стараются.

— Куда все эти товары деваются? — спрашивал он.

Непростой вопрос. Ругать мне власть и плановую экономику, объясняя суть происходящего,

не с руки. Шофер так, судя по всему, неплохой мужик, но никто не мешает ему параллельно стучать в КГБ. И такие непростые вопросы обычно люди, связанные с КГБ, вот так вот невинно и задают, в надежде спровоцировать человека на откровенность. И нет, у меня не шпиномания, я просто знаю, куда попал. Диссидентов комитет предпочитает выявлять на ранних этапах, поэтому миллионы людей и стучат ему старательно по всей стране.

Был бы я реально семнадцатилетним пацаном, не знал бы этого. Но я человек общительный, и круг знакомых у меня обширный. И после краха СССР смысла им держать язык за зубами не было уже никакого. Как оказалось, сразу несколько моих коллег по заводам в СССР активно стучали в КГБ. Тогда меня никто не предостерег язык придерживать во время общения с ними. А вот когда СССР развалился, меня уже и просветили. Это хорошо, что я был до мозга костей советский человек, поэтому ничего неудачно для себя им не ляпнул.

Василич, задав вопрос, вопросительно поглядывал на меня в зеркальце, ожидая экспертного ответа.

— Если честно, я лучше голос поберегу, потому как в двух словах это не объяснить. — напомнил то, что с шофёром уже и обсуждали, что я опасаюсь за свои связки.

Тот кивнул.

На всякий случай сразу решил спросить уже у него что-нибудь. Помимо моих подарков, у нас сзади ехала ещё коробочка с конфетами с кондитерской фабрики и ещё несколько свёртков, не знаю, с чем.

— Не смотрел, что на лакокрасочном заводе дали? Надеюсь, не скипидар?

— Да, нет. Консервы разные. — ответил он безразлично.

— Консервы — это хорошо. — ответил я, и уставился в окно.

День был тяжёлый, но голосовые связки выдержали. И встречали меня везде доброжелательно. На кукольной фабрике особо позабавило, как комсорг язвой прикидывалась, но на деле меня откровенно клеила. На что она рассчитывала? Что я кольцо с пальца сниму, и после своих лекций вместо возвращения в Москву поеду к ней знакомиться? Или просто технику свою совершенствует по подкату к парням?

Не заметил, как задремал.

●
○ *

Бейрут.

Засыпая, Фирдаус с радостью и облегчением думал, что Диана пришлась ко двору в доме его родителей.

— Шикарная. — только увидев её в аэропорту заявил Амаль. — Поздравляю, брат!

— Глаза у неё, для женщины, слишком умные. — усмехнулся отец, с иронией глядя на сына.

— Скромная девушка. — одобрительно заметила мать, — но сразу видно, с характером.

Мать у него и у самого была с характером, так что, видимо, знала, что говорила. Хотя пока что он этого характера и не заметил особо — все у них было так тихо и спокойно! И матери очень понравилось, когда Фирдаус рассказал ей, что ее французские духи Дине понравились. И то, что она согласилась, что ее будут Диной звать, а не Дианой. Хотя Дианы тоже встречались в Ливане, но имя это все же французское. Имя Дина как-то, с ее точки зрения, этой советской девушке больше подходило.

Осталось только сказать Диане, что в этот приезд свадьбы не будет. А ей почему-то так важно, чтобы они поженились по всем правилам: и по советским, и по ливанским.

•
○ *

— Приехали. Просыпаемся! — раздалось у меня над ухом.

— Во меня разморило. — заторможенно огляделся я. — Спасибо, Василич.

— Подарки забирай. — напомнил он мне, кивнув на заднее сиденье.

— Опять все?

— Все.

— Ну, конфеты хоть давай поделим. — обескураженно предложил я.

— Иди уже, давай! Я же тебе сказал: в конце возьму. — отказался Сквородка, накладывая мне на коробку с конфетами, которую я так и держал в руках, свертки, коробки, а сверху водрузил сундук-шкатулку.

— Вперёд! — хохотнул он вешая мне мой портфель на один палец. — Не споткнись.

— Дверь хоть в подъезд открой. — попросил я и потащил свою добычу домой.

Дверь в подъезд он мне открыл. Мы попрощались, а на третий этаж мне пришлось тащиться пешком, потому что лифт я вызвать не смог: руки заняты. В следующий раз надо пару авосек с собой взять, чтобы вот так не тащить, в руках. В прошлый раз все было пристойно — свертки поменьше были, не такие габаритные, и почти одинаковые по размеру.

Развернувшись спиной, постучал пяткой в дверь и вскоре меня впустила домой ошарашенная моим видом жена.

— Ого!.. — только и смогла вымолвить она.

— Шкатулку снимай. А то еще свалится, расколется. Жалко будет.

Остальное отволок на кухню и пошёл раздеваться. Галия с любопытством начала распаковывать в свете свечи мои трофеи. Снова конфеты, консервы из Венгрии и Болгарии.

— Надо начальнику отложить. — сказал я. — Буду выходной, отвезу ему.

Галия помогла мне собрать одну коробку для Константина Сергеевича, и мы припрятали ее в высокий узкий шкаф, который мы называли между собой «колонкой».

— Где наша влюбленная парочка? — поинтересовался я у жены.

— Лёша Свету в театр повёл. — ответила она, накладывая мне сырников, и загадочно улыбнулась.

— Ну, хорошо. А то я пацану соседскому обещал зайти к ним, с дедом познакомиться.

— А, конечно, сходи. Конфет возьми! — Галия тут же начала сворачивать кулёк из газеты.

— А мы сегодня на мебельной фабрике были...

— О, прекрасно. Выбрали?

— Выбрали и даже купили. Завтра уже привезут. — радостно сообщила жена. — Только сборщики в субботу будут. Анна Аркадьевна с ними сама договаривалась, в цех с нами ходила.

В субботу, так в субботу. Я хоть дома буду и проконтролирую.

— Денег, главное, хватило? — спросил я.

— Хватило. Я и диван там присмотрела. Надо будет купить, как деньги появятся.

— Конечно, дорогая, всё купим. Но, сначала, холодильник. Весна скоро.

Галия отсыпала мне кулёк конфет, и я пошёл в сорок пятую квартиру в соседний подъезд.

Звонка не было. Постучал. Ничего. Ещё постучал. Вместо нужной мне двери открылась соседняя.

— Что, не открывают? — зыркнула на меня вчерашняя знакомая Шура. — Сильнее стучи, глухой он.

— Кто, Родька?

— Какой Родька? Дед глухой. Родька твой, небось, на улице шляется.

— Ничего я не глухой. — открылась, наконец, нужная мне дверь. — Ну, чего ты напраслину наговариваешь человеку? — он посмотрел мне прямо в глаза. — В сортир уже нельзя зайти...

— Здравствуйте. — улыбнулся я как можно шире. — А я к вам.

Протянул ему кулёк с конфетами, и пока он соображал, что со мной делать, проскользнул в квартиру.

Растерянный дед передал зачем-то кулёк Шуре и рукой показал мне проходить на кухню. Снял сапоги и прошёл в практически пустую кухню. Стол, плита, один табурет и ещё один стол-гумба. Всё видавшее виды. Штор на окнах нет. Дед и Шура прошли за мной в кухню и вопросительно уставились на меня.

— Меня Павел зовут. Я в соседнем подъезде живу. — улыбаясь, чтобы разрядить обстановку, представился я. — С парнишкой вашим подружился. Он хороший...

Шура выразительно хмыкнула при этих словах, села на единственный табурет и на автомате развернула мой кулёк, который так и держала в руках. Дед же шикнул на неё тихонько.

— Все в его возрасте шалят, это нормально. — сказал я, глядя на Шуру, которая взяла из кулёка одну конфету и протянула кулёк деду. Ну, повезло, орала она в прошлый раз громко, конечно, но, похоже, чужого ей не надо. А то уже думал, что снова придется за конфетами идти, чтобы пацана угостить.

Деду было не до конфет, он сильно волновался.

— У Родьки ум пытливый и энергии много, его просто в мирное русло направить надо. Я собственно, что пришёл, он мне какие-то ужасы нарасказывал, что у него мамы нет, бабушка умерла, папу за рубеж служить услали... — я вопросительно смотрел на деда. Тот молчал, глядя в окно. — Так это правда?

— Что матери нет и бабушка умерла правда. — ответила за деда Шура.

— А отец?

— И отец за рубежом служит. — кивнула она.

— Сочувствую. — тихо проговорил я, глядя на деда. — Как вас зовут?

— Андрей Егорович. — буркнул он.

— Андрей Егорович, если какая помощь нужна, с Родькой позаниматься там, не знаю... Любая помощь. Мы с женой в соседнем подъезде, квартира восемьдесят один, и всегда готовы помочь.

Дед посмотрел на меня удивлённо. Думал, похоже, что жаловаться на внука буду.

— Я ему про авиамодели рассказывал, он заинтересовался очень. Через полторы недели я посвободнее буду, приглашу его к себе. Вы не против? И сами заходите, я вас с женой познакомлю.

Дед что-то невнятное буркнул в ответ, но принципиальных возражений от него я не услышал, уже хорошо.

— Не ругайте его, пожалуйста, так сильно, как вчера. — собираясь уходить, обратился я к Шуре. — Он же ещё ребёнок. И потом, ему и так от жизни досталось. Зачем добивать?

Она мотнула вызывающе головой, но промолчала.

Чудные они оба какие-то. Попрощался и вышел на улицу.

— Ро-одька-а! — крикнул на весь двор.

— Оу! — послышалось из-за трансформаторной будки и показался знакомый силуэт.

— Ты что там делал! — почуяв неладное, наехал я на него. — Родька! Не смей к трансформатору лезть! Знаешь, сколько хороших, но слишком любопытных пацанов в трансформаторных будках заживо сгорело!

— Как это?

— Так это. Люди горят, когда ток по ним как следует вжарит. Это тебе не шутка! Жди меня здесь. Сейчас за собакой схожу, пойдём гулять и расскажу.

•
○ *

Квартира деда Родьки.

Этот странный парень ушёл. Улыбка его нисколько не обманула старого вояку: хоть и молод, но глаза внимательные, цепкие, всё осмотрел, всё приметил.

— Ну, что скажешь, мать? — встревоженно спросил Андрей Егорович соседку

— Конфеты вкусные. — усмехнулась она. — Попробуй.

— Ай, отстань. Как тебе парень этот?

— Не будет он никуда кляузничать.

— Откуда знаешь?

— Ну, ты же сам слышал, как он про Родьку сказал, что ему и так от жизни досталось. Не бойсь, старый. Ложная тревога.

— В том-то и дело, что старый. — грустно проговорил дед. — Стал. Совсем. И делать что, ума не приложу. Не прошу себе, если Родька в интернате окажется.

— К отцу его отправляй.

— Куда? В Йемен? — с отчаянием в голосе спросил он.

— Не похоже на название немецкого города... Ты ж говорил, он в Германии... — удивлённо посмотрела на него соседка.

— Вот, трепло я старое!.. — воскликнул испуганно дед. — Молчи, Шура. В Германии он.

•
○ *

Шёл домой с двоякими чувствами после посещения квартиры деда. С одной стороны, кооперативная квартира, с другой, слишком бедно в ней. Или им, так же, как и мне, досталась квартира из десятипроцентного горкомовского фонда?

И надо выяснить, почему Родька не охвачен дополнительными занятиями и кружками в школе.

Вывел пса на улицу. Родька терпеливо ждал меня. Ах да. Трансформаторная будка.

— Знаешь, что я тебе скажу, — начал я. — электродуга зрелище, конечно, яркое, но смертельное.

В девяностых сын одного нашего сотрудника сильно обгорел в результате этого занятия. Ему было уже девятнадцать, подозреваю, что он не ради развлечения в трансформаторную будку полез, небось, цветмет искал. Но не важно... Важно, что он получил ожоги более шестидесяти процентов тела. И почему-то наши коллеги шептались, что парень — не жилец. Однако, два раза в неделю весь наш коллектив добросовестно собирал деньги на очередную порцию крови для переливания. В девяностых за всё надо было платить...

Парень тот выжил, но остался глубоким инвалидом. Через что пришлось пройти ему и его семье я в подробностях и красках рассказывал Родьке всю нашу прогулку. Возможно, я напугал его слишком сильно, и пацан никогда не станет электриком и будет бояться менять перегоревшие лампочки, став взрослым. Но сейчас задача — сохранить ему жизнь и здоровье.

— Но хватит о грустном. — удовлетворённо отметив произведенный моим рассказом эффект, предложил я. — Расскажи лучше, как дела в школе? Ты когда перевёлся — с начала года?

— Нет, мы в конце ноября только переехали. Я хотел в старой школе остаться, но дед не разрешил, ездить далеко. — пожаловался Родька.

— Успел с кем-нибудь подружиться в школе?

— Нет ещё...

— Надо в кружки какие-нибудь записаться, там быстрее друзей найдёшь. Или в секции спортивные. Куда ваши ребята ходят? Поспрашивай их.

— Угу... — безынициативно промычал Родька.

Что-то мне это не нравится. У пацана явные проблемы с коммуникабельностью. За два месяца ни с кем не задружился? Это умудриться надо.

Порасспрашивал его об одноклассниках, никто, со слов Родьки, его не обижал, но, похоже, в коллектив дети его не приняли. Куда классный руководитель смотрит? Почему в кружки и секции не пристроили? Надо будет деда на школу натравить, а то это никуда не годится.

Расставаясь, договорились с Родькой встретиться завтра в половине девятого, пойдём опять с собакой гулять.

— Только деда обязательно предупреди, что с Павлом из восемьдесят первой квартиры идёшь, чтобы он знал, где ты.

— Ему не интересно...

— Здравствуйте, приехали. Это тебе так кажется. Он тебя в окно видит, поэтому не спрашивает. А вообще, домочадцы обязательно должны присматривать друг за другом. Это безопасность! Уходит кто-нибудь из дома, говорит, куда пошёл и когда вернётся. И если не вернулся, родные беспокоиться начинают, искать. Как бабуля одна рассказывала, пошла она в сарай курей кормить, а там поскользнулась, упала и встать не могла, старенькая совсем была. А сын дома телевизор смотрел. Кричи-не кричи, всё равно, не услышит. Такой сын оказался, что только к ужину заметил, что матери дома нет и искать её пошёл. Ох, она тогда на него обиделась! Ведь, сказала же, уходя из дома — я в сарай. Понять её можно, несколько часов пролежала. А сыну и в голову не пришло задуматься: что это старая, слабая женщина может столько времени в сарае делать? Так что, Родька, дед за тобой, как может, присматривает. И ты за дедом присматривай, он уже старенький, мало ли что. Хорошо?

Родька согласно кивнул, сильно озадаченный. Ну, пусть подумает, ему полезно.

Подвёл его к самому подъезду и показал кивком головы на деда, вглядывающегося в темноту улицы. Его чёткий силуэт загородил незашторенное окно на кухне.

— Понял? — спросил я малого.

— Понял. — смущённо улыбнулся он.

г. Москва

Вернулся домой, а Галя тут же налетела с расспросами:

— Что там случилось? Смотрю в окно, стоите и стоите, не расходитесь.

— Да поговорил немного с пацаном. — обнял я жену. — Игры у него опасные, сам себя развлекает... Инструктаж провёл по технике безопасности.

— Жалко его, — нахмурила брови Галя, — не должны дети одни бродить. Поиграл бы с кем-то!

— Не знаю пока, чего он так в одиночку бродит, — пожал плечами я. — Буду разбираться. Сделаю из него нормального пацана.

— Ты его в следующий раз к нам в гости приводи, пообщаемся, — предложила Галя.

— Да, так и планирую.

Вскоре Лёха привёл Свету из театра.

— Ну, нет слов! — воскликнул я, увидев на Свете элегантное пальто ниже колена из каракульчи на поясе и раскрыл пошире входную дверь, чтобы рассмотреть получше. — Вы купили-таки его? Молодец! — одобрительно взглянул я на Лёху.

— Это не я. — смутился друг и кивнул на мою жену.

— Не понял... — повернулся я к ней.

— Нашла применение тем двумстам рублям. — счастливо улыбаясь, ответила Галя. — Помнишь?

Конечно, я сразу понял, о каких деньгах она говорит.

— Ну, ты даёшь! — улыбнулся я и притянул её к себе.

— Я отдам! — поспешила заверить меня Света.

— Можешь не торопиться. — ответил я. — Как сможешь, так отдашь. Но пальто!.. И правда, бомба. — расхвалил я обновку.

Лёха, чмокнув Свету на прощанье в щёку, умчался на электричку, а мы стали готовиться ко сну. У меня завтра продолжение гастрольного тура.

•

○ *

Бейрут.

Диану сморило рано после длительной прогулки на катере по морю, и Фирдаус, уложив ее спать, наслаждался поздним вечером в кругу родителей. Как же он соскучился по своим! Там, в Москве, ему не хватало уюта и покоя родного дома и общества родителей.

Вдруг он вспомнил Пашкины пророчества по поводу будущего его страны.

— Что случилось? — мать сразу заметила тень раздражения на лице сына.

— Да брат Дины, как-то, такого наговорил!.. — в сердцах воскликнул Фирдаус. — Из головы не идёт, хотя, понимаю, что какие-то фантазии.

— Что за фантазии? — больше из вежливости спросил отец.

— Да, ерунда. Брат у Дины интересный, конечно, экземпляр, иногда очень необычные моменты подмечает, но он ещё очень молод и наивен. — хмыкнул Фирдаус. — Он уверен, что Ливан ждёт новая гражданская война, представляете!

Отец с матерью переглянулись с серьёзным видом.

— А что ещё он говорил? — мягко, но настойчиво спросила мать.

— Что все мы сидим на пороховой бочке, которая вот-вот рванёт. — вспомнил дословно слова шурина Фирдаус, удивляясь серьёзной реакции родителей на свои слова. — У него, вроде, есть какой-то профессор знакомый, специалист по нашему региону...

— Давай-ка сын, вспоминай всё, что тебе говорили. — велел Эль Хажж старший. — Дословно. Не спеши, мы никуда не торопимся.

Фирдаус старательно вспоминал всё, что мог. И про гражданскую войну, которая накроет Ливан к семьдесят пятому году, и превратит его из богатой процветающей страны в развалины, и про подорожание нефти в следующем году, и про акции танкерного флота...

Родители слушали с задумчивым видом, многозначительно переглядываясь между собой.

— Значит, говоришь, настаивал на том, чтобы его долю денег ты не хранил ни в коем случае в Ливане? — настойчиво расспрашивал его отец, — А где советовал хранить?

— Германия, Франция, США, вроде. — пораженно, видя такой интерес, отвечал Фирдаус.

— Предупреждён, значит вооружён. — хлопнул себя по коленям Эль Хажж старший, приняв какое-то решение. — Спасибо, сын. Хвала всевышнему, что надоумил отправить тебя в Москву.

Что это значит? — потрясённо думал Фирдаус в повисшем молчании. — Его отец никогда не выглядел легкомысленным человеком, которого легко убедить всякой чушью. Значит...

Всё-таки Пашка прав, и уже есть реальные предпосылки для войны? Как не хотелось в это верить...

- - *

Мытищи. Офицерское общежитие.

— Ну что, ты дозвонишься Пашке? — спросил Пётр жену, вернувшись со службы. — Когда он собирать всех будет?

— Не застала. — ответила Инна. — Галия сказала, он работает сейчас целыми днями. Завтра буду на дежурстве, позвоню вечером.

Пётр улыбнулся собственным мыслям. Часто, уезжая на новое место службы, офицеры продают часть семейного скарба, который не влазит в контейнер. Пётр подсуетился и выкупил у одного из офицеров два одинаковых диковинных торшера, привезенных откуда-то из-за границы. На бамбуковых стойках, установленных на резных деревянных подставках, плетёные кружевные абажуры светло-бежевого цвета.

Конструкция торшеров была довольно хрупкой, старые владельцы опасались, что они не доедут в контейнере к новому месту службы. И вообще, как прокомментировала эту покупку Инна, это старьё какое-то. Но Петр сразу оценил эти вещи: тонкая ручная работа. И вообще, Пётр считал, что такие предметы с историей могут очень заинтересовать шурина, и ему не терпелось увидеть его реакцию на такой подарок. Единственное, он никак не мог определиться: подарить Пашке оба торшера или же один оставить себе. Инна заявила, что ей они не нравятся, слишком невзрачные, и Пётр склонялся к тому, что отдаст оба.

- - *

На следующий день Сковородка привёз меня в Ногинск. Уже подметил, что в каждом районном городе мы, в обязательном порядке, посещали хлебозавод и горком. Остальное уже все шло в случайном порядке. Предприятия мелькали перед глазами, как в калейдоскопе. В Ногинске, правда, запомнился мне завод топливной аппаратуры, где в одном месте мы прошли по стальной шестигранной плитке на полу. И, конечно, завод резинотехнических изделий. Почему-то я решил, что именно там изготавливаются изделия № 2 и хотел поговорить о качестве продукции, но хорошо, что уточнил. На этом заводе люди, как оказалось, занимались серьёзными делами, обеспечивали запчастями текстильную промышленность и, даже, атомную энергетику.

- - *

Бейрут.

Фирдаус много времени проводил с родителями. Диане оставалось только сидеть рядом и терпеливо ждать, пока они наговорятся, и он вспомнит про неё.

Она развлекалась дегустацией незнакомых сладостей и фруктов.

Амаль сидел рядом, произносил название фрукта на арабском и показывал, как его едят. Но мыслями он был с братом и родителями и озабоченно прислушивался к их разговорам.

Диане поначалу было очень любопытно. Виноград, апельсины, бананы, яблоки она и так знала, а вот, белую продолговатую малину, которую Амаль называл Тут, Диана пробовала с любопытством. И Мангу тоже. Манга, вообще, очень понравилась. Ашта интересная на вкус, но Диана стеснялась плевать при Амале косточками, а удалять их так ловко, как он, ножом у неё не получалось. По этой же причине она не схватилась сразу за арбуз и дыню, хотя очень хотелось.

Когда Амаль отвлёкся на родителей и брата и пересел к ним поближе, Диана дала волю своему аппетиту и натрескалась всего от всей души. Никогда в жизни она не видела столько разнообразных фруктов сразу.

- - *

Объехав восемь мест, мы возвращались домой. Темно, метель. Ехали медленно. Вдруг впереди фары выхватили буханку, зарывшуюся в сугроб. Сковородка сразу включил правый поворотник.

Мы остановились за буханкой и вышли посмотреть, нужна ли помощь.

— Занесло. — констатировал Сковородка очевидное, когда к нам вылез из машины мужик лет сорока. — Тебя, кстати, вообще не видно. — сообщил Василич коллеге. — В последний момент заметили, метель такая...

— Дёрнуть бы надо. — попросил буханочник.

— Надо — дёрнем. — ответил Сковородка. — Трос есть?

— Естественно.

— Пащ, бери сигнальный фонарь и маши, как следует, чтоб в нас никто не въехал. — дал мне армейский сигнальный фонарик Василич. — Включи на красный свет и маши то в одну сторону, то в другую.

Мужики занялись спасением буханки из сугроба, а я старательно махал, меняя руки. И правильно делал: несколько машин собралось и с одной, и с другой стороны, пока наш УАЗ тянул из болота этого бегемота.

В принципе, быстро управились. Если бы ещё трос не сорвался один раз, что доставило

впечатлений. Ох, и испугался я, что крюк нам в лобовуху прилетит и стекло разнесет вдребезги. Но крюка, слава богу, не было, узлом вязали.

Дальше ехали без приключений. Предусмотрительно захватив из дома авоськи, в этот раз покинул машину Сквородки самостоятельно. Попрощался с ним за руку. И искренне поблагодарил за помощь. Он и опекал меня, и помогал.

Дома меня ждала прихожая в коробках, вскрывать их не стал, ещё перепутаю что-нибудь или потеряю крепёж в темноте. Всё равно, в субботу приедут специально обученные люди собирать нам мебель. Что там Галя, интересно, выбрала? Не придётся ли рога перевешивать?

Жена пришла чуть позже меня, у художников пропадала. Ужин у неё был уже готов. Пока рассказывала про свои эксперименты в живописи, накрыла стол. Ужинали при свечах. И правда, романтично.

Потом она принялась разбирать мои авоськи. Делала она это уже буднично, без восторженных ахов-охов, как раньше. На автомате раскладывала продукты по полкам: консервы к консервам, колбасу к колбасе, конфеты к конфетам...

К хорошему быстро привыкаешь. — усмехнулся я мысленно.

Вскоре Лёха привёл Свету, сдал мне её по описи и остался стоять в нерешительности.

— Паш, поговорить бы... — шепнул он, кивком вызывая меня в подъезд.

Что опять стряслось? Вышел с ним на лестницу.

— Работа нужна. — прямо сказал он. — Посоветуй что-нибудь. Деньги нужны. — он провёл ребром ладони по шее.

— Зачем?

— Тебе отдать и вообще... Ты где работаешь?

— Лекции читаю в обществе «Знание».

— Устрой меня. — уставился он на меня с мольбой.

— Нет, друг. Это не так просто. Меня туда серьёзный человек устроил по своей собственной инициативе. Ещё кого-то он устраивать точно не будет. Но он может помочь со стройотрядом на лето. Перед поступлением в универ он моей бригаде отличный объект организовал в Святославле, мы с ребятами за месяц по шестьсот рублей заработали.

— Правда, что ли? — загорелся Лёха. — А что за ребята?

— Святославские. Но причем здесь они? Тебе надо свою бригаду собирать здесь, в Москве.

— А ты?

— А я не могу. У меня уже есть работа. Да и особые у меня обстоятельства летом будут. Нужно будет жене больше внимания уделять. На Юга ее повезу. Ветер, солнце и вода!

— А что надо было делать, чтобы такие деньжищи так быстро заработать?

— Мы, вот, полы бетонные заливали на производстве. Целый цех подготовили под станки новые.

— Блин... Это же тяжело. — сразу сник Лёха.

— Зато оплачивается хорошо и сильным станешь. В твоём возрасте самое время мышцы наращивать. Вот жениться будешь, невесту нужно будет на руках переносить через лужу какую. Ты сейчас вообще сможешь, к примеру, Светку поднять? Она девушка видная, не воробушек какой на сорок кило.

Сразу было видно, такая постановка вопроса Леху серьезно озаботила. Раньше он точно о таком не думал, сразу стало видно по напряженному лицу. Ну, лицевые мышцы, у него так точно очень неплохо работают.

— Ты прав, мышцы нужно сильные иметь,— все же согласился он со мной.

— Ну и тебе деньги нужны?

— Нужны.

— Тогда работай. Собери бригаду, а насчёт объекта я поговорю, как людей найдёшь. Я сейчас много где выступаю по заводам, связями обрастаю. Уверен, что сделаю несколько звонков, и работу для комсомольского отряда точно предложат неплохую.

— Паша! Инна звонит! — выглянула на лестницу жена.

— Ну, ладно. Всё. Давай. — засобирался Лёха, обуреваемый новыми размышлениями. Ему полезно знакомиться с разными сторонами жизни, не только с учебниками и художественными книгами всю жизнь дело иметь придется. — На электричку побежал.

Мы пожали друг другу руки и разбежались.

— Привет, братик. — подозрительно ласково начала Инна, едва я взял трубку. — Когда день рождения праздновать собираешься?

— Да, собственно, уже отпраздновали же! — ответил я.

— Как это! Когда?

— Помнишь, у бабушек старый Новый год встречали? Вот тогда и за мой день рождения

посидели. Это же не юбилей какой значимый, всего лишь семнадцать лет. К чему слона из мухи раздувать?

— Да? Это ты когда придумал? — обиженно спросила сестра. — Только что?

— Ин, что ты хочешь?

— Как, что я хочу? Нормальных семейных отношений хочу с посиделками за общим столом по праздникам.

О, кто-то вспомнил про нормальные отношения!.. Вот только понимание «нормального» у нас, увы, не совпадает.

— Ин, сейчас не до праздников. Работаю как вол. Приезжаю ближе к ночи домой. Все, что могу — упасть и лежать вповалку.

— Мы, вообще-то, тоже работаем. — оскорбилась сестра. — Я же не прошу в будний день праздник устраивать. В выходные...

— Посмотрим.

— Не посмотрим, а мы с Петром приедем в субботу. — поставила меня перед фактом сестра. — Пока.

Даже возразить ничего не успел. Вот так, значит. Ну, и что мне делать? Уехать куда-нибудь из дома? Как приехали бы, так и уехали бы. Вот приколы получились бы! Ну и война на всю оставшуюся жизнь.

С другой стороны, худой мир лучше крепкой ссоры. Сестра, хоть и удивительна бестактна, а все же беременна. Ох, как хочется надеяться, что после родов она помягче станет, не так категорично будет за меня решать, что мне хранить в тайне, а что нет. Хотя кого я обманываю... Беременность тут совершенно ни при чем. Иллюзии — это приятно, но капец как вредно иногда.

Но вопрос все равно остается актуальным. Все же сестра... И она же поздравить напрашивается, а не денег занять. Ну и Петр мне вообще ничего плохого ни разу не сделал. Нормальный мужик. С ним ссориться абсолютно не с руки.

— Что там случилось? — вывела меня из раздумий жена.

— Инна с Петром в субботу приедут меня с днём рождения поздравлять. — развёл руками я. — Поставила перед фактом, причём в категоричной форме и положила трубку. Я даже ответить ничего не успел.

— Ну, и ладно. Пусть приезжают. — ответила жена. — Встретим. У нас полно всего.

— Я помогу со столом. — тут же добавила Света.

— Ну, если все не против, — пожал плечами я. — То и я не против.

Собрался и пошёл с Тузиком на улицу. А то Родька, вон, уже у подъезда караулит.

•

○ *

Святославль. Квартира Якубовых.

Загит пошел в магазин. Воспользовавшись моментом, что осталась в квартире одна, Оксана решила позвонить сестре в Балашиху под Москвой. Перед этим она долго, очень долго думала, что делать с беременностью Галии, и решила, что сдаваться без боя не будет. Не пускает ее муж в Москву к дочке, не снимает дочка телефон, когда она звонит, что же, есть у нее еще одна возможность на нее повлиять!

— Машуль, здравствуй, дорогая. — грустным голосом приветствовала она сестру.

— Привет. Что случилось? Голос такой убитый... — сразу почувствовала неладное Мария.

— Галия беременна... — начиная рыдать, сообщила Оксана.

— Ну вот. Я так и знала! — воскликнула сестра. — Я так и знала!.. Только поступила!.. Зачем вы её только в Москву отпустили! Сейчас бы уже на третьем курсе была. А теперь без диплома и с дитём на руках.

— Да кто меня слушал! — ещё громче зарыдала в трубку Оксана.

— Что собираетесь делать? — спокойно спросила Мария.

— Рожа-а-ать хотят!

— Как рожать! Галия же на первом курсе только. Они там с ума посходили, что ли?

— Так, а я тебе о чём? — начала успокаиваться, почувствовав поддержку, Оксана. — Меня как никто не слушал, так никто и не слушает. Загит вообще запретил мне в Москву показываться. Галия слышать меня не хочет. Не понимает, дурочка, что жизнь себе ломает из-за этого пацана, за которого замуж выскочила. Свалился он на нашу голову. И что только нашла в нем? В рот ему смотрит, никого вокруг не видит и не слышит...

— Вот тетеря влюбчивая! Ну, я с ней поговорю. — рассерженно пообещала Мария. — Где они сейчас живут?

Оксана продиктовала сестре адрес новой квартиры Ивлевых и номер домашнего телефона.

— Это Пашка, мерзавец, Галию против меня настраивает. — жаловалась Оксана сестре. — Ты, смотри, при нём с ней не разговаривай. Пригласи её пройтись куда-нибудь. А лучше, вымани её из дома к метро, как будто времени нет, а хочешь с прошедшими поздравить.

— Разберусь. — ответила ей решительно настроенная сестра. — Подъеду к ней в субботу. Отзвонюсь потом.

— Спасибо, дорогая.

- - *

Не успел выйти из подъезда, как Родька кинулся к нам, приветствуя на ходу, забрал у меня поводок и гордо повёл Тузика по двору.

Проходя мимо второго подъезда, поднял голову и, заметив на посту в окне Родькиного деда, помахал ему рукой. Родька, увидев мой жест, тоже помахал деду. Тот помахал нам в ответ, и Родька радостно рассмеялся. Вот и хорошо. Первичную сигнальную систему для начала наладят, а там, глядишь, и общаться нормально станут. А школу к ногтю прижмем, так вообще все на лад пойдет. Займут парнишку делом, не так боязно за него будет.

Дорогие читатели! Мы рады, что книгу читает ПЯТЬ ТЫСЯЧ человек. Мы обрадуемся еще больше, если каждый из читателей поставит лайк. ЗАРАНЕЕ СПАСИБО!!!

Глава 8

- - *

г. Бейрут

Когда утром вся семья выехала загород, Диана всерьез настроилась, что муж собрался сделать ей сюрприз и провести свадьбу по местным обычаям. Ну, а зачем, иначе, он подарил ей шикарное белое платье с вуалью как раз накануне и попросил его надеть? Диана рассчитывала на пышное сказочное мероприятие, представляя себе свадьбу с сотнями гостей. Она ожидала, что поместье, как она про себя называла загородный дом Эль Хажжей, будет празднично украшено и будет много слуг.

Каково же было её удивление, когда их совершенно буднично встретил один-единственный дворецкий. Ни гостей, ни музыки.

Дом, конечно, большой и красивый, двухэтажный. По всему периметру первого этажа крытая терраса. Сколько же тут комнат? — потрясённо оглядываясь, подумала Диана.

Нуралайн, мать Фирдауса, сходила на кухню, распорядилась там насчет чего-то, объявила всем, что обед будет в два часа и все разошлись по своим комнатам отдыхать. Облом! Причем полный. Диана закипела. Нет, внешне она оставалась спокойной, но кто-то должен был ответить за опрокинутые ожидания...

Быстро переодевшись с дороги, Фирдаус потащил Диану показывать те самые плантации, с которых начиналась история семейного успеха. Они вышли из дома, прошли немного по

каменистой дороге с лёгким уклоном вверх и вдруг дорога пошла вниз, а там...

— Что это? — разочарованно рассматривала Диана длинные ряды невзрачных невысоких деревьев с редкой бледно-зелёной листвой на сухой, жёлтой как песок, земле, простирающиеся далеко вправо и влево.

— Это оливковые деревья. — гордо ответил Фирдаус.

— Скорее, оливковые кусты. — не удержалась и съязвила Диана. — Они не засохли?

— Нет. С чего ты взяла?

— Цвет у них какой-то нездоровый.

— Нормальный цвет. — удивился Фирдаус. — А какой он должен быть, по-твоему?

— Зелёный. — невинно ответила Диана. — Пошли назад.

Не дожидаясь мужа, она развернулась и пошла к дому, не оглядываясь.

— Дина, ты куда? — удивлённо смотрел ей вслед муж.

— Я Диана. Диной стану после свадьбы. — помахала она ему рукой.

Только этого не хватало. Мать была права, когда говорила, что жена у него с характером. — подумал Фирдаус и пошёл вслед за Дианой.

— Постой. Свадьба будет не раньше лета. — догнал он её и развернул к себе лицом.

— Почему? — уставилась на него жена.

— Это серьёзное мероприятие. Будет много народу. Это не один день нужно организовывать. И, самое главное, сначала ты должна принять ислам. А ты ещё, даже, согласия на это не дала.

Диана смотрела на него потрясённо.

— С юридической точки зрения, наш брак, заключенный в Москве, законен и в Ливане тоже. У нас светское государство. В смысле, будет законен после некоторых процедур, я сейчас, как раз, этим занимаюсь. Поэтому можно и не принимать ислам, если не хочешь. — поспешил добавить он.

— А почему ты мне раньше об этом не сказал? — возмутилась Диана.

— Ты же комсомолка. Как бы я тебе это в СССР предложил? Хотел, чтобы ты сначала приехала, посмотрела, что это такое, как мы тут живём.

Обратно к дому они шли вместе. Диана молчала.

Неужели без этого не обойтись? — думала она. — Религия же — опиум для народа. Но как ещё узаконить брак по всем местным правилам? Чтоб уж наверняка... — она вспомнила, как брат ей выговаривал, что она не взяла паузу, когда её КГБ-шник поймал. — Не буду сейчас говорить ни да, ни нет. Вернусь в Москву и посоветуюсь с Пашкой. — решила она.

— Это очень серьёзный вопрос. — наконец сказала она мужу. — Мне надо время подумать.

— Разумеется. — с готовностью согласился Фирдаус.

•

○ *

Пятницу мы со Сковородкой провели в Кашире. Всё бы ничего, но связки во второй половине дня начали сдавать. Появилась осиплость и сухость в глотке. Серафима Михайловна предупредила, что так всё и начинается.

Молчание и тёплое питьё. — вспоминал я её рекомендации на такой случай. — Ни в коем случае, не пытаться шептать.

— Голос сорвал. — тихо сказал я Василичу после последней пятничной лекции.

— Твоюждивизию! — воскликнул озадаченный водила. — И что теперь? В понедельник едем?

— Пока буду лечиться. — пожал я плечами и показал жестом, что умолкаю.

— Да-да. — с пониманием отнёсся Сковородка к моей проблеме. — Блин, вот же засада!

Он ещё немного попричитал и умолк, видя, что я сижу с закрытыми глазами. Решил, наверное, что я задремал. На самом деле сна у меня не было ни в одном глазу. Наоборот, лихорадочно вспоминал рекомендации доктора из разряда «немедленная помощь». Эх, а ведь завтра ещё Инна собралась приехать и мастера приедут мебель собирать. Что ж за напасть-то такая? Вот и как тут помолчишь?

Придётся переписываться с людьми, как глухонемой. А что делать? Голос надо восстановить до понедельника.

Поднялся на этаж с авоськами в каждой руке. Жены не было дома. Вместо неё записка на кухонном столе: «Ушли в кино на восемь. Две серии. Ужин на плите. Люблю!».

Ну, и хорошо. Меньше говорить придётся. Разложил дары от благодарных слушателей, поужинал и в полдевятого вывел Тузика и Родьку гулять. Блин, и побаивался — надо же голос восстанавливать, куда мне на холод, но пришлось. Тузик свои права прекрасно знал, и настаивал на прогулке, а взглянув в окно, увидел там и пацана у подъезда, и сразу понял, что он нас с Тузиком ждет. Ладно, решил, что за выходные подлечусь уже, и вышел все же.

Опять помахали деду в окно. Развлекал пацана, разговаривая с ним жестами. Он не всё понимал, но старательно отгадывал.

Вернувшись с прогулки, нагрел себе киндзмараули с пряностями и лечил связки при свете свечи. Решил, что ночь ещё переживём без света. А завтра уже попробуем включить. Надеюсь, все уже точно просохнет и ничего не коротнёт.

Галия со Светой вернулись одни. Лёха довёл их до подъезда и рванул на электричку.

Написал девчонкам на их же записке, что сорвал голос, говорить не могу. Они поохали-поахали, и начали взахлеб пересказывать мне новый фантастический фильм «Солярис».

С ума сойти! «Солярис» Тарковского только вышел! Лёха очередь за билетами отстоял. Хорошо, говорить ничего не надо было. Улыбался и кивал, кивал и улыбался. Фильм я этот прекрасно помнил. Не фонтан, конечно, но смотреть вполне можно. Актеры хорошие многое значат. Если случайно по телеку поймаю, и будет совсем нечего делать, то пересмотрю. Но специально в кино точно бы не пошёл.

На следующее утро приготовил несколько тетрадных листков и карандаш в ожидании сборщиков мебели и Жариковых. Перетащил в большую комнату стол с кухни, раз уж гости будут.

Сборщики приехали к девяти. Они сами всё делали, я только оттаскивал освобождающиеся коробки на помойку.

В разгар всего этого хаоса явились Жариковы с двумя невообразимыми торшерами. Аж забыл, что говорить нельзя.

— Где вы это взяли? — осипшим голосом спросил я, не скрывая восхищения.

— Где взял, там больше нету. — ответил довольный Пётр.

Пришлось объяснить, что мне говорить нельзя, буду переписываться и опять замолчал.

Мы с Петром перенесли торшеры в большую комнату и поставили возле музыкальной системы, которая была чуть темнее торшеров, но всё равно смотрелась с ними очень гармонично.

— Ух ты! — восхитился Пётр. — Ин, смотри, как вписались здорово!

Показал ему большой палец вверх и обнял Инну, изображая всеми силами благодарность. Петра обнимать не стал. Мы еще с ним мало водки выпили для такого.

Петр переключился на пластинки и вскоре дом наполнился эстрадными ритмами. На розетки шел отдельный предохранитель, они у нас были по тем стенам, где не затопило, так что там уже электричество врубили. Предохранитель на верхний свет врубить пока еще не решался.

Инна ушла на кухню к девчонкам, периодически возвращаясь и что-то выставляя на стол.

Вскоре приехал Лёха. Оставил их с Петром в большой комнате развлекать друг друга, а сам вышел в коридор к сборщикам, а то их все бросили. Но они своё дело знали, неспешно собирали нам уже второй шкаф.

В какой-то момент зазвонил телефон. Сам говорить не могу, жестами позвал жену. Она, взяв трубку и сказав пару слов, показала мне, что это ей звонят. Не стал стоять над душой, переключил внимание на сборщиков.

А Галия вдруг засобиравалась, оделась, сказала, что тётка, мамина сестра, мимо едет, надо встретиться у метро, подарки забрать. Предложил проводить, но она категорически воспротивилась:

— Сам же говорил, не стоит лишний раз на холод, пока голос восстанавливаешь. Я быстро!

И счастливая ускакала, чмокнув меня в щёку.

Хотел крикнуть ей вдогонку, чтоб не задерживалась, у нас же гости. Но вовремя вспомнил, что надо молчать. Надеюсь, она и сама это понимает.

Тем временем Света с Инной хозяйничали у нас на кухне. У Галии курица осталась в духовке, девчонки её вынимали периодически и поливали выделившимся соком, чтобы корочка была хрустящая.

А Галия всё не возвращалась.

Сборщики уже собрали вешалку. Прикинул, как это всё могло бы стоять, по замыслу жены. Мы выставили все шкафы в ряд вдоль одной стены. Рога пришлось снять. Если Галия как-то по-другому хотела их поставить, то потом переставим с парнями.

Расплатился со сборщиками и отпустил их.

Написал, что пойду к метро Галию искать, не нравится, что её долго нет. Показал записку Петру и Лёхе и начал одеваться.

Не успел я выйти из квартиры, как увидел жену, поднимающуюся по лестнице.

Всю в слезах, рыдающую навзрыд.

Бросился к ней, забыв про всё на свете. И дверь оставил открытой.

— Что случилось! — прохрипел.

— Тётка меня свиньёй неблагодарной назвала-аа...

— За что? — Тут уже на шум выскочили в прихожую и все наши гости.

— Что с матерью не хочу обща-ааться.

— Какое, вообще, её дело! — взорвался я.

Галия разрыдалась ещё больше. Завел ее домой, прижал и гладил по спине, скрипя зубами. Потом только до меня дошло, что она так и стоит в пальто.

— Я разберусь, дорогая. Раздевайся.

Отвёл её в спальню, уложил. За нами увязались Инна со стаканом воды.

— Попей. — настаивала она, протягивая Галие стакан.

— Ни о чём плохом не думай. — уговаривал я жену.

Она перестала всхлипывать и вдруг сказала, глядя в одну точку:

— Она говорит, что я себе жизнь ломаю. Что сейчас нельзя рожать.

— Забудь. Родная, забудь! — уговаривал я. — Всё у нас будет хорошо. Летнюю сессию сдадим, в Крым рванём, на море. Здоровья перед родами набираться и витаминов.

Наплакавшись, Галия задремала под мои уговоры. Инна так и сидела всё время рядом. Молча. Может, дойдёт, теперь, хоть что-нибудь... Учитывая, какие взгляды я на нее злобные периодически бросал, должно дойти.

Пётр заглянул к нам как-то, но Инна махнула на него рукой, типа, скройся, не до тебя.

Укрыл жену, только нос оставил. Шторы задёрнул. Сон лучший антидепрессант.

Мы с Инной вышли на цыпочках из спальни и прикрыли за собой дверь. За столом в большой комнате сиротливо сидели наши напряжённые гости в полной тишине. Заглянув, Пётр увидел, что Галия спит и выключил музыку.

— Вот тебе и праздник. — проговорил я, усаживаясь за стол. — Кто ж знал, что сестра у тёщи такая же настырная окажется...

— Тебе же нельзя разговаривать. — спохватилась Инна. — Попей чего-нибудь тёплого и молчи.

— Что случилось-то? — осторожно спросила Света.

— Мать с тёткой Галию заставляют аборт делать! — переполненная искренним негодованием ответила Инна.

— Ого! — воскликнул Лёха.

— Галия беременна? — ошарашено спросила Света.

Я бессильно схватился одной рукой за голову. Ну, за что!

— Ой... Извини... — пробормотала сестра в ответ на очередной мой злобный взгляд.

— Что собираешься делать? — серьёзно спросил Пётр.

— Тёща у меня ненормальная баба. — ответил я. — Видимо, и сестра у неё такая же. Значит, с ней говорить — время попросту терять. Попробую с тёткиным мужем поговорить.

— Правильно. — одобрительно кивнул зять. — Нечего лезть, куда не просят. — при последних словах он выразительно взглянул на жену, а та заёрзала под его взглядом.

Пока не начало темнеть, молча ковыряли остывшую курицу, думая каждый о своём.

— О, надо же свет попробовать включить. — сказал я, вспомнив, при этом, почему-то свои рассказы про электродугу, которыми Родьку пугал.

Но всё обошлось. Ничего не коротнуло. Прошёл по квартире, лишний свет выключил, кое-где выключатели остались в положении «включено». В спальне не догадался проверить. И вскоре к нам присоединилась разбуженная Галия. Выглядела она хреново, заспанная и с припухшими глазами. Ещё и с виноватым видом поглядывала на гостей. А те на неё с сочувствием, и только Инна не поглядывала, а наоборот — прятала глаза.

Ну, лёд тронулся, похоже.

— Как ты себя чувствуешь? — положил я руку ей на живот, раз уж все знают.

— Вроде, нормально.

— Тянущие боли внизу живота? Поясница? — взволнованно зашептала Инна, наклонившись к ней через стол.

— Да нет, всё нормально. — смущенная всеобщим вниманием ответила жена. — Что вы тут сидите, как на поминках?

Все выдохнули, как мне показалось, с облегчением, зашевелились, а то моргнуть боялись.

Галия хотела что-то на столе поправить, за курицу схватилась, чтобы разогреть. Но я остановил её.

— Поздно уже греть, дорогая, полкурицы уже съели. Сама давай поешь. Лучшее лекарство от стресса — это сон и вкусная еда.

— Да, салатик попробуй. — засуетилась Света вокруг Галии.

Обстановка разрядилась. Осадочек, конечно, остался. Но остаток дня прошёл в спокойной обстановке, без приключений. Пётр музыкальный фон обеспечивал с явным удовольствием, диджей, блин.

Часам к семи Жариковы уехали. Галия со Светой ликвидировали последствия нашего сабантуя, а Лёха помог мне перевесить рога в новое место, определенное Галией, а потом вернуть стол на кухню.

Заметив, что Галию утомил этот сумасшедший день, погнал её в спальню. Лёха со Светой остались на кухне.

— Ложись, отдыхай. Не думай о плохом, дорогая. — подсунул я ей книгу, которую она читала. — Позвоню сейчас твоему отцу, узнаю, что там за муж у твоей тётки. Она не побеспокоит тебя больше, я приму меры.

— Не надо звонить отцу! — резко села в кровати жена. — Ты что! Родители, точно, разведутся.

— И что ты предлагаешь? — с недоумением спросил я. — Не спускать же это на тормозах.

— Тогда с Маратом об этом поговори. — умоляюще сложила руки жена. — И попроси его, чтобы отец не узнал.

— Хорошо. — согласился я. Какая мне разница, от кого информацию получать?

Заказал разговор с квартирой Якубовых. Надеялся, что Марат подойдёт, но не повезло, трубку взял Загит. Хотя тоже неплохо, главное — не Оксана взяла трубку. Не сразу Загит меня узнал из-за голоса, да и трещало в трубке все, как обычно. Пришлось выкручиваться на ходу. После общих фраз и невинным обменом новостями спросил, ведёт ли Марат ещё тренировки на механическом заводе? Услышав, что ведёт, сразу попросил его к телефону. Загит не заподозрил подвоха и позвал сына.

— Здорово. — заинтригованно взял трубку шурин. — Что случилось?

— Рядом никого нет? — уточнил я.

— Говори.

— Сегодня тётка ваша приезжала из Балашихи, Галию до нервного срыва довела, на аборте настаивала.

Марат на том конце аж присвистнул удивлённо.

— Тяжёлая артиллерия подтянулась. — озабоченно сказал он.

Вот, даже, как. Мария ещё похлеще Оксаны, что ли? Только этого нам не хватало.

— Что, совсем тяжелый случай? — озабоченно спросил я.

— Поверь мне на слово — да. — ответил Марат. — Ты ей слово, она тебе десять. Непрошибаемая вообще. Бетонный бункер с пулеметом на ключевом направлении атаки взвода. На полностью открытой местности.

Ну, если Марат на свой десантный жаргон перешел от волнения, значит, так оно все и есть. Похоже, ему эта тетка тоже немало нервов испортила в детстве. Значит, с ней мне бесполезно что-то обсуждать, правильно я все понял...

— Мне бы их телефон и как звать её мужа. — попросил я. — И кем работает тоже. И где.

— Понял. Перезвоню.

— Спасибо, брат.

Он перезвонил, и я всё старательно записал на моих листочках, с помощью которых я с утра общался со сборщиками и всеми остальными. Так, Артем, замдиректора таксопарка. Ну, невелика шишка... Авось он не упертый баран, это главное.

Только тут вспомнил, что надо молчать и пошёл греть себе вино с пряностями. А с Тузиком гулять отправил Светку. Про Родьку она уже знала, и я лично в окно убедился, что она его подобрала. Помахал пацану рукой, показал на горло, замотанное шарфом. Тот все понял, вроде бы, взял поводок Тузика и пошёл рядом со Светкой. Ну, ему полезно, пусть учится с разными людьми общаться, а то какой-то диковатый.

Глава 9

г. Москва

Четыре раза набирал за выходные полученный от Марата телефон. Идея была проста — представиться, как муж Галии, договориться встретиться с мужиком и переговорить лично, один на один. В том, что этот разговор должен состояться вживую, а не по телефону, я уверен был на сто процентов. Такие вещи по телефону не обсуждают. Тут в глаза смотреть нужно человеку.

Но не повезло от слова совсем. Каждый раз отвечал женский голос, и я клал трубку. Похоже, муж у сестры Оксаны вообще телефон дома не берет, значит, так его не выщемить. Эх, беда, придется импровизировать! Позвонил в пятый раз, и попытался заставить Марию его позвать к трубке. Представился, как сотрудник районного комсомола, мол, необходимо обсудить членские взносы таксистов-комсомольцев. И был отправлен равнодушным голосом звонить на работу в понедельник, сейчас, мол, мужа дома нету.

Значит, нужно его ловить в будни на работе. Но в будни я не могу его поймать у таксопарка, у меня же эти долбанные лекции от рассвета до заката. И хотелось максимально быстро разобраться с этим вопросом, но понял, что мужа тётки Галии придется отлавливать после окончания лекций.

Остаток субботы и всё воскресенье молчал, делал упражнения и лечился. Галя обживала шкафы в прихожей, читала и ходила в гости к художникам. Лёха со Светой съездили на вокзал, взяли билеты до Брянска и обратный для Лёхи на Москву. Они решили-таки познакомиться Лёху с отцом и братом Светы в эти каникулы и собрались завтра уезжать.

Утром в понедельник попрощался с ними, вернусь — они уже уедут.

Ездили мы со Сквородкой в Рузу. Очень волновался, как мои связки выдержат вторую неделю гастролей. Говорил медленно, тихо, стараясь не перенапрягаться. Правильно Дейл Карнеги писал — это делало мои выступления гораздо эффективней. Люди быстрее успокаивались и начинали вслушиваться, лучше осознавали сказанное и проникались уважением. Правда, на одном предприятии произошёл досадный инцидент.

Это было уже в конце дня, одна из последних точек. И я устал, и народ в зале уже домой собрался. Закончил благополучно лекцию, начались вопросы. Как вдруг какой-то сильно «уставший» гражданин в робе лет тридцати встал, пошатываясь.

— Товарищ, лектор! — поднял он руку как школьник. — А вот, нам всё время говорят, что коммунизм уже на горизонте. Это правда?

— Конечно, правда. — ответил я, вспоминая, что там за подвох с этим горизонтом. А! Вспомнил.

— А что такое горизонт? — хитро спросил меня работяга.

— Что такое горизонт? — ответил я вопросом на вопрос, не поддаваясь на провокацию. Хочет пошутить по идеологической линии, так пусть сам это и делает, а мне не с руки. Я-то помню, где живу.

— Горизонт, товарищи, — торжественно оглянулся он на зал с поднятым вверх указательным пальцем. — это воображаемая линия, которая удаляется при приближении к ней.

Все ожидаемо засмеялись. Кроме руководства предприятия, сидевшего передо мной в первом ряду. Вот этих скорезило на месте.

— О, я смотрю, вы природоведение очень любили в детстве. — ответил я, когда народ в зале отсмеялся и замер, ожидая от меня ответный пас. — Похвально, похвально. А какой основной принцип коммунизма? От каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот, сначала, положи руку на сердце, ответьте, товарищи, сами себе на вопрос: вы отдали обществу всё, что в ваших силах? Все свои способности используете в труде на благо общества? Конечно, нет. Ну а чего, тогда, удивляетесь, что коммунизм всё не наступает? Или вот лично вы, товарищ, что задали вопрос, так шатаетесь оттого, что на работе устали и все силы отдали?

Тут уже зал засмеялся над работягой, который, однозначно, задал вопрос, потому что осмелел от выпитого. Но не настолько, чтобы продолжать со мной дискуссию. Сел поспешно и прикинулся ветошью.

Парторг, сидящий в первом ряду, рядом с директором, несколько раз нервно оглядывался, этого бедолагу, однозначно, на карандаш взял. А после лекции меня директор лично пошёл провожать через свой кабинет и очень просил не принимать близко к сердцу пьяный бред их бестолкового наладчика.

— Покрасовался перед бабами, дурак. — с досадой проговорил он, вручая мне традиционную коробку с дарами. — Весь коллектив под монастырь подвёл.

— Ещё, пока, не подвёл. — принял я коробку с благодарным кивком. — Но профилактическую работу с ним провести надо, а то мало ли что.

— Полностью с вами согласен, товарищ лектор. — обрадованно поддержал меня директор, сообразив, что я стучать не собираюсь, куда следует. — Спасибо вам и будьте здоровы.

Разбирая мою добычу за этот день, Галия именно в этой коробке нашла потом пятьдесят рублей и с удивлением показала мне.

Рассмеялся тоже, немало удивлённый. Ну, допустим, коробку с дефицитом они мне заранее собрали, но пятьдесят рублей когда директор успел туда подсунуть? На глазах же у меня всё время был, фокусник.

Галия положила передо мной купюру. Смотрел на неё, смотрел, вспоминая растерянное лицо директора... Я и так бы никому ничего доносить не стал, зря он так... Но однозначно будет тупо ехать к нему на электричке на следующей неделе, чтобы вернуть. Сейчас-то Сковородка туда меня не повезет, у нас уже другие направления в работе. Ясно, что если я припрусь все же, директор сделает морду кирпичом, и скажет, что деньги не от него. Не осмелится забрать, вдруг я уже приехал от органов, и его тут же повяжут за дачу взятки.

Идея пришла в голову неожиданно. Но мне она понравилась. Взял трёхлитровую банку, бросил в неё купюру и поставил на подоконник.

— Это что? — не поняла моего перформанса жена.

— Это копилка с добровольными пожертвованиями на коляску и кроватку для малыша.

Галия улыбнулась. Видимо, идея пришлась ей по душе, потому что, выйдя из кухни и вернувшись, вскоре заметил в банке ещё один рубль.

На ночь опять нагрел себе вина, чтобы поддержать связки. Всё-таки не легка лекторская работа такими вот темпами. Вспомнилось, как я обрадовался, когда мне её только предложили, думая, что пронесет, не будет проблем с голосом. Как же я ошибался.

Бейрут.

Амаль и Фирдаус с женой вернулись в Бейрут. Родители предпочли остаться за городом. Когда Фирдаус уехал ненадолго по делам, Диане пришлось сидеть одной на террасе в городской квартире Эль-Хажжей. Вернее, Амаль был всё время рядом, но языковой барьер делал невозможным их общение.

Да... Придётся в срочном порядке учить арабский. — думала Диана. — Чтобы к лету, хоть что-то говорить и понимать.

Когда муж вернулся и предложил ей прогуляться по старому городу, она с охотой согласилась.

Они вышли из дома втроем с Амалем и направились пешком вдоль по улице.

•

Бейрут.

Резидент КГБ в Ливане решил лично посмотреть на нового перспективного агента «Скворец». Припарковав машину в сорока метрах напротив дома Эль-Хажжей, он дождался, когда семья вышла на прогулку. Диана ярко выделялась, сразу было видно, что она не местная. Местные даже зимой так быстро, порывисто не ходят — не принято. Климат обычно жаркий, люди привыкают передвигаться степенно, даже в молодом возрасте, чтобы не потеть.

Так-то у резидента имелась фотография агента, он был недавно в Москве на инструктаже, там и посмотрел дело. Имелось и мнение завербовавшего ее старшего лейтенанта, который всячески ее расхваливал. Но огромный опыт резидента не позволял полагаться на фотографию. И на мнение старлея, который, конечно, всячески стремился показать всем, что сделал очень важную работу. Этот что угодно напишет с этой целью, не понимая, что сам себе копает могилу, если ошибся. Разведка не место, где можно перехваливать совсем незнакомого тебе агента, разумный человек скорее опишет его в полутонах и выразит определенные сомнения, чтобы подстраховаться, если что-то пойдет не так. Вот что значит отсутствие опыта.

Внимательно посмотрев на семью, прошедшую мимо него, он завел машину и отъехал, сделав определённые выводы. Скворец — очень эмоциональна и взбалмошна. Это было видно по взглядам, что она бросала и на мужа, и на других членов своей новой семьи. Мимика девушки была очень выразительна, эмоции сразу же отражались на лице, скрыть их или замаскировать она даже не пыталась. За примерно двадцать секунд, пока семья проходила мимо его машины, выражение лица девушки сменилось раз пять. Скорее всего, эмоционально она еще незрела, серьезных секретов он бы ей доверять не стал. Значит,

Скворца придется использовать только в крайнем случае, если совсем уже выхода не будет. И быть готовым к тому, что это будет одноразовый вариант.

- - *

Москва. Квартира Ивлевых.

Каникулы какие-то получились суматошные. — думала Галя, оставшись, наконец, одна на целый день. Гости разъехались, Паша на работе. Тишина и покой. Только она улеглась поудобнее с книжкой в руках, как раздался телефонный звонок.

Кто это может быть? А вдруг опять тётка? Вспомнив её напористость и беспардонность, Галя непроизвольно вжала голову в плечи и неподвижно ждала, когда телефон перестанет звонить.

А часа через полтора в дверь постучали.

Тузик зашёлся лаем у входной двери. Неужели, тётка, не дозвонившись решила приехать?

Галя, чуть дыша, на цыпочках подкралась к двери и глянула в глазок.

За дверью оказалась соседка сверху Рита. Галя подумала, что та пришла поговорить насчёт потопа и открыла ей дверь.

— Добрый день. — заискивающе улыбаясь, проговорила Рита. — Можно позвонить? Очень надо.

Делать было нечего, уже открыла дверь, не закрывать же её теперь перед соседкиным носом. Галя сделала шаг в сторону и пропустила соседку в квартиру, рукой показывая на телефон.

— Спасибо. Я быстро.

Галя ушла на кухню, чтобы не стоять у соседки над душой. «Быстро» растянулось минут на пять. И ладно бы соседка просто говорила. Но где-то посередине разговора она начала на кого-то орать. Натуральным образом орать! Тузик, испугавшись, начал лаять на соседку.

Галя, раздираемая противоречивыми чувствами, не спешила закрыть где-нибудь пса, чтобы не мешал. Она представила себе, как Рита вот также явится, когда уже родится маленький, и начнёт вот так же орать... Будущая мать сама еле удержалась, чтобы не облаять соседку вместе со своим псом.

В конце концов, психанув, Рита с громким стуком шмякнула трубку на место и ушла, хлопнув дверью. Ни тебе спасибо, ни тебе извиниться хоть за такое поведение. Словно ей все должны вокруг по гроб жизни.

Больше не буду ни к телефону подходить, ни дверь открывать. Всё! Нет меня дома. —

решила Галия.

- - *

Галия стала бояться телефонных звонков. Если меня не было дома, она к телефону вообще не подходила. Это мне Диана невольно сообщила, когда они вернулись с Фирдаусом в Москву.

— Где вы пропадаете целыми днями? — удивлённо спросила сестра, дозвонившись-таки в пятницу вечером. — С обеда звоню.

А я-то знаю, что Галия весь день дома была. Эх, надо заканчивать с этой историей с родственничками. А то у бедной моей девочки фобия разовьётся.

— Можно, мы заедем к вам завтра? — в открытую стала напрашиваться сестра. — Мы с подарками из солнечного Ливана. — игриво добавила она.

— Ну, заинтриговала. — рассмеялся я. — Приезжайте, конечно. Когда вас ждать?

— Часов в одиннадцать не рано?

— Хорошо, приезжайте в одиннадцать. — пригласил я сестру и попрощался до завтра.

Эк, ей припёрло. С утра пораньше встретиться готова. Что там стряслось, что ей так не терпится? Или это не у неё, а у Фирдауса появились ко мне вопросы? Но он сам бы позвонил. Ладно, к чему гадать? Утро вечера мудренее.

Василич, когда привёз меня сегодня из Солнечногорска к дому, напомнил, что подарки последнего дня идут ему и Константину Сергеевичу.

— С Константином Сергеевичем я сам поделюсь. — ответил я Сковородке. — Это всё себе забирай.

— Серьёзно? — недоверчиво глянул он на меня.

— Конечно! Две недели меня катал...

Расстались мы, если не друзьями, то добрыми коллегами.

Поужинав, решил, наконец, дозвониться мужу тёщиной сестры из Балашихи, договориться с ним о встрече, чтобы закрыть уже этот вопрос. И надо же, повезло — в этот раз мне впервые ответил мужской голос. Наверное, эта его Мария куда-то вышла.

Сначала он вообще не хотел со мной разговаривать, пытался на жену стрелки перевести. Еле заставил его меня выслушать.

— Послушайте, я же вам звоню, а не вашей жене. Я как мужчина с женщиной хотел бы с вами поговорить.

— О чём?

— Это не телефонный разговор. Можем мы с вами где-то пересечься в ближайшее время? Я подъеду. Где вам удобно было бы встретиться?

— Завтра я работаю.

Решил не выдавать, что знаю про него много. Прикинулся, что понятия не имею, где он работает:

— А где? В Балашихе?

— Почему? В Москве. — важно ответил он и продиктовал мне адрес своего таксопарка.

— А где вас там искать?

— Нигде. На вахте скажете, что к замдиректора Епихину, вас отведут.

Отлично. Договорился с ним, что приеду завтра часам к четырём. Ну и хорошо, всё не в Балашиху тащиться.

Потом созвонился с Константином Сергеевичем, предложил ему встретиться. Он сразу понял, о чём речь, или ему Сквородка уже расклад мой выложил. Предложил начальнику встретиться со мной завтра вечером, после таксопарка часов в пять. Хотелось двух зайцев сразу убить. Но они с женой вечером в театр собрались.

— Может, утром? — предложил Константин Сергеевич.

— Утром у меня гости. — вспомнил я про жаждущую встречи Диану.

Договорились, что он встретит меня с дарами у своего метро в воскресенье утром. Позвоню ему, как буду выезжать.

•
○ *

Квартира Епихиных.

Артём Епихин не имел никакого желания участвовать в семейных разборках родственников своей супруги. Он их не знал и знать не хотел. Ему хватало одной Марии с её темпераментом и упрямством. Он научился жить рядом с ней, но стоило это ему огромных усилий. Приходилось быть в семье жёстким и требовательным, чтобы дома жена держала в узде свой скандальный нрав и не втягивала его в свои конфликты вне семьи. Только большой заработок и уважение на работе позволяли ему сдерживать амбиции его жены. Страшно

даже представить, что было бы, если бы он мало зарабатывал, и не имел хорошей работы. Она бы его точно к стене прижала...

И тут на тебе. Какой-то её родственник звонит и требует встречи. Голос хорошо поставлен, говорит уверенно и грамотно. Как и рыбак рыбака, начальник начальника видит издали. Представив себе такого же, как и сам, солидного мужчину, он неохотно, но согласился на встречу.

— Что там с твоей племянницей? — решил он навести справки у жены, желая подготовиться к предстоящему завтра разговору.

— Ничего! — начиная заводится с полуоборота, ответила ему жена. — С ума сошла и всё. Только на первый курс поступила и рожать собралась. Никого слышать не хочет. С матерью не разговаривает. Неблагодарная! И со мной теперь тоже. А что я такого сказала? Я ей правду сказала! Рожать сейчас нельзя! А она от меня просто взяла и убежала! Представляешь! Бросила посреди улицы! Бестолковая дура!..

Быстро уловив суть проблемы, Артём уже пожалел, что начал этот разговор. Он и сам был не прочь иногда, просто взять и убежать. Только дети и останавливали. Он встал и вышел из кухни, давая понять жене, что продолжать этот разговор больше не хочет.

•
○ *

В субботу к одиннадцати приехали Эль Хажжи. Привезли несколько штук манго и небольшую дыню. Расположившись на кухне, сразу принялись за дегустацию. Точнее, Эль Хажжи и я попробовали символически, во основном всё досталось Галие, которая была в восторге от манго. Я-то что, помню еще, каков манго по вкусу. Меня им не удивить.

Не сразу, но всё же наши гости обратили внимание на банку на окне.

— Это что ещё за элемент интерьера у вас такой интересный? — удивлённо спросил Фирдаус.

— Храним деньги в банке. — ответил я, улыбаясь. — А если серьёзно, это копилка, собираем на нужды малыша.

До них долго доходило, о чём я, но, когда дошло, они оба очень шумно отреагировали, набросились на нас с поздравлениями, Диана даже взвизгнула от избытка чувств. Ну, хоть кто-то за нас рад.

В стеклянный банк тут же полетел четвертной от Фирдауса.

У Галии было задумано для гостей чаепитие. Она заранее нарезала бутербродов с разной колбаской, выставила конфеты. Через некоторое время Фирдаус собрался покурить на балкон и глазами позвал меня с собой.

На кухне у Ивлевых.

Девушки остались одни.

— Чем от тебя так вкусно пахнет? — восторженно спросила Галя, наклоняясь к волосам Дианы.

— Это духи французские. У Фирдауса мать такими душилась, я такие же попросила мне купить.

— Ох, ничего себе!.. Ну, как тебе семья Фирдауса? — с любопытством спросила Диану Галя.

— Мне нормально. Все понравились. У него много родственников, все очень доброжелательные. Я им, вроде, тоже понравилась. Я же языка не знаю, кто их разберёт, что они там говорят, улыбаясь. А я думаю, дура — ну чего я в школе не учила французский? Только делала вид, что учусь! Фирдаус сказал, они там все его знают, мне и арабский был бы не нужен!

— И то верно. Язык тебе надо срочно учить. А вообще, как тебе там? Интересно было?

— Ой, Галя. Как на другой планете побывала. Бейрут такой красивый город. Дома практически все из белого камня. Ночью город ярко освещён, кругом огни, фонари, витрины. На центральных улицах светло ночью, как днём. Всё по-другому. И так интересно, после нашей зимы лето настоящее. Все ходят в майках, платьях. Только вечером легкие кофты набрасывают. Очень тепло. Фирдаус говорит, что, когда летом поедем, там настоящая жара будет. У нас такой не бывает. А еще у них в магазинах все продавцы улыбаются и сами предлагают тебе товары, представляешь? И товаров так много, на любой вкус! Бегают за тобой и уговаривают купить!

— Не может быть. — не поверила Галя.

— Точно тебе говорю. На рынке так еще и за руку могут схватить, в магазин потащить. А товаров каких хочешь, сколько хочешь. Я столько вещей красивых никогда не видела. А продуктов! Больше, чем у нас в «Берёзке».

— Я не была никогда в «Берёзке». — растерянно ответила ей Галя.

— Ну, сходим как-нибудь. Я что хотела тебя спросить... Фирдаус пластинки стал покупать. — начала рассказывать Диана тихонько, чтобы их не услышали в комнате. Галя кивнула, типа, ну нормально. — Но трогать их не разрешает. На Пашку ссылается. Скажи, их правда трогать нельзя? Или блажь?

— Я не трогаю. — сразу серьёзно ответила Галя. — Паша пластинок всегда по две штуки одинаковых покупает. Одну можно слушать, а вторая спрятана.

— Зачем?

— Паша говорит, они со временем коллекционной редкостью станут и будут очень дорого стоить.

— Да? Когда?

— Ну, лет через двадцать, наверное.

— Ну-у-у... — разочарованно протянула Диана. — Это долго. Я к тому времени старушкой стану.

— Ничего. Детям в наследство достанутся. Ради детей подождать не жалко.

•
○ *

— Рассказал своим родителям о твоих пророчествах по поводу Ливана. — заговорил Фирдаус, когда мы остались одни. — Они очень серьёзно отнеслись к этому. Как бы мне ни хотелось забыть твои слова, но вынужден просить тебя повторить их. Мои считают это очень важным, а я боюсь, в первый раз не придавал твоим словам должного значения и слушал невнимательно. Отец расспрашивал обо всем в подробностях, но я не так много смог вспомнить.

Я осмотрелся по сторонам. Хорошо хоть, зима, никого на балконах нет. Одни мы отмораживаемся потихоньку. Ну, можно потихоньку и обсудить наши вопросы.

— У вас там что-то началось уже? Что-то происходит тревожное? — тихо спросил я. До означенных мною событий ещё полно времени. — Почему твои родные так всполошились?

— Да в стране все спокойно вроде. — Фирдаус тоже осмотрелся, кивнул мне, в знак понимания, и стал говорить значительно тише. — Я думаю, родители волнуются, потому что в последнее время бизнес туго идёт. Прибыль падает. Кругом какие-то проблемы.

Я неспешно изложил все то, что ему говорил раньше. И про гражданскую войну, и про нефть в 1973. А потом добавил свои соображения по его семейному бизнесу:

— Думаю, что в данном случае одно с другим не связано. Кризис в стране, если вдруг начнется, почувствуют все. Его ни с чем не перепутаешь. Ну а что касается вашего бизнеса... Вам надо проанализировать факторы, которые влияют на состояние дел в нем. У вас там что-то другое, вряд ли связанное с проблемами всей страны... Обычно все так.

— И что, например?

— Ну, откуда же мне знать? Это надо отчетность по годам смотреть. Да еще взглянуть на состояние дел в отрасли в целом. Может, это общие для всех проблемы. Подорожание сырья, или рабочей силы, или электроэнергии. Я ж не знаю, что у вас там конкретно.

— Мы фруктами торгуем. Какая электроэнергия?

— Ну хорошо. Давай так. Ты с отцом хорошо поговорил по этой теме, владеешь нюансами?

— Да, много раз все обсуждали, знаю я все! — пожал он плечами.

— Ну тогда первый вопрос — что-то принципиально поменялось в вашем бизнесе в последнее время, с тех пор, как вы заметили снижение доходности?

— Ничего не менялось...

— Вы сами фрукты выращиваете? Или перепродаёте?

— И так, и так.

— Закупочные цены, может, выросли?

— Нет, примерно такие же.

— Рабочие забастовки устраивают, требуют прибавки зарплаты?

— Нет, у нас хорошие работники, мы их не обижаем, и они себя нормально ведут.

— Ну, не знаю... А у других как? У вас есть конкуренты? У них тоже прибыль снизилась?

— А вот этого не знаю. — Фирдаус вопросительно посмотрел на меня.

— Вот это надо точно узнать. Потому как если проблемы только у вас, тогда ищите у себя. Это у вас где-то что-то изменилось не в лучшую сторону.

— Я понял... Как искать?

— Ну, смотри, у вас есть цена, по которой вы продаёте свой товар. Она состоит из себестоимости товара, плюс сопутствующих затрат на приобретение, хранение, реализацию, рекламу и так далее, плюс в нее заложена ваша прибыль. Если прибыль оказывается меньше, значит, что-то не учли в себестоимости или сопутствующих затратах.

Ваша задача достаточно проста — найти то, что не учли или то, что значительно подорожало в последнее время. И исходя из этого уже принимать решение: или повышать цену при продаже, или искать возможности снизить себестоимость и сопутствующие затраты. Это так, первое приближение только. По-хорошему, надо садиться и документы анализировать на всех этапах. Потому как еще возможен фактор, что у вас внутри кто-то играет в темную против вас. Возможно, конкуренты наняли, чтобы вас разорить, или просто

грабит вас втихую, пользуясь вашей доверчивостью. В свой карман кладет то, что к вам раньше попадало. Возможностей масса! Договориться, к примеру, с теми, кому вы фрукты свои оптом продаете, чтобы те цены закупочные снизили для вас в свою пользу, за откат в карман. Или увеличить нормы испортившихся фруктов, а на самом деле якобы испорченный товар налево продавать.

— Я понял... — зловеще нахмурившись, проговорил Фирдаус.

Глаза у него вспыхнули от одной мысли, что кто-то из их сотрудников может их обкрадывать или пытаться разорить. Ему сейчас в руки автомат и можно на афишу фотографировать, как главного героя фильма про революцию или войну. Харизма так и прет! Че Гевара ливанского разлива!

В стеклянную дверь балкона постучали. Обернувшись, мы увидели улыбающуюся Диану.

— Вы там не замёрзли?

— Да, пошли. — согласился с женой Фирдаус, с трудом натягивая на лицо обратно улыбку. Он вернулся в комнату и в шутку схватил холодными руками Диану за шею. Она завизжала, он её отпустил, хихикая и ушёл на кухню вслед за Галией, чай пить. Мы остались с сестрой одни. Подумав, что всё, что им нужно было, мы уже обсудили, хотел идти вслед за Фирдаусом, но Диана остановила меня.

— Постой, Паш. Дело есть. Совет нужен.

— На балкон пойдём? — улыбаясь, спросил я, оттирая замерзшие уши. Они у меня большие, есть чему замерзать.

— Зачем? Дверь закроем и всё, — на полном серьёзе ответила сестра и закрыла изнутри двери нашей с женой спальни.

— Фирдаус ждёт моего решения, — начала Диана. — буду я ислам принимать или нет. Говорит, брак, заключенный в СССР и так будет в Ливане действителен, а если я хочу свадьбу по их обычаям, то нужно ислам принимать. Вот так, значит. Что посоветуешь?

О! Вот в чём дело.

— Ну, для начала, ты должна понять, что религиозность очень распространена в большинстве странах, кроме Советского Союза и стран соцлагеря. В религиозности, как таковой, нет ничего страшного и плохого. Что касается конкретно ислама. Если бы ты была крещёной по православным обычаям и была истинно верующим человеком, то переход в другую веру, действительно, был бы для тебя очень серьёзным шагом, отказом от христианской веры. Но это же не твой случай, верно?

— Ну, какая из меня христианка! — хихикнула Диана, — я и церковь изнутри ни разу не видела!

Ну, примерно так я и предполагал. Просто нужно было убедиться. А то мало ли, в их семье просто прячут свою религиозность в советском государстве ото всех. Поэтому я продолжил рассуждать:

— Ну, раз ты, на сегодняшний день, являешься некрещённой атеисткой, то, принимая ислам, тебе не надо ни от чего отказываться. Ты ничего не теряешь, другими словами. А интегрируешься лучше и в страну, и в семью. Для них ислам — не что-то напускное, это важная часть их жизни. Принятие ислама — это знак твоего уважения к их традициям. Ну и в прогрессивном исламе, а в Ливане ислам прогрессивный, права женщин неплохо защищены. В особенности с материальной точки зрения.

— Да? — хитро посмотрела на меня сестра. — Спасибо...

Мы вышли в кухню. Фирдаус вопросительно взглянул на меня. Незаметно махнул рукой, типа, ничего серьёзного.

Эль Хажжи посидели у нас ещё символически и засобирались.

Проводили их, ещё раз поблагодарив за гостинцы. На удивление благожелательно пообщались. Даже радостно на душе стало.

Диана изменилась в лучшую сторону, найдя свое счастье. Успокоилась как-то, стала доброжелательней и искренней по отношению к окружающему. А еще она явно стала сдержаннее, более терпеливой. Фирдаус на сестру определенно положительно влияет. Самое главное, чтобы у них все и дальше складывалось благополучно. Диана пока трудностей в семейной жизни не видела толком. Интересно, как будет справляться?

•
○ *

Таксомоторный парк.

Артём любил чёрные субботы. Провести день в тишине своего кабинета гораздо приятнее, чем в доме с двумя малолетками, которые постоянно выясняют отношения друг с другом и окружающим миром, и крикливой женой, пытающейся перекричать обоих детей.

Он пил чай с шоколадным вафельным тортом с орехами и наслаждался тишиной. Зазвонил городской телефон. Артём с досадой потянулся за трубкой.

Звонила жена и, не скрывая радости, сообщила, что позвонила её портниха: можно забирать новое пальто.

— Ты когда придёшь с работы? — спросила супруга, явно намыливаясь слинять на весь сегодняшний вечер.

— Как обычно. — отрезал Артём. — А может и задержусь. Сегодня муж твоей племянницы попросил с ним встретиться.

— Кто Пашка? Нечего с ним разговаривать! Нашёл ты, на кого время тратить! Оболтус малолетний.

— Мне так не показалось. — возразил ей муж.

— Когда кажется, креститься надо! — завелась уже жена. — Гони его в шею!

— Чтобы прогнать, сначала его надо дождаться. Короче, когда буду, тогда буду. — глубокомысленно заявил Артём и положил трубку.

А сам мысленно пытался сопоставить свои ощущения от телефонного разговора с этим Пашкой и словами жены о нём. Неужели, он ошибся?

•
○ *

Надо постепенно втягиваться в текущие дела. Выпал немного с этим двухнедельным лекционным марафоном. Сегодня мне ещё предстоит встретиться с мужем тётки Галии. Надеюсь, он окажется вменяемым, как Загит.

К четырём часам я уже стоял у кабинета заместителя директора таксомоторного парка Епихина Артёма Геннадьевича в ожидании, когда появится хозяин кабинета. Тот подошёл с озабоченным видом минут через пять, на ходу доставая ключи из кармана чёрного рабочего халата, надетого поверх на хороший дорогой свитер и джинсы.

— Тебе чего? — небрежно спросил он, подозрительно взглянув на меня и зашёл к себе в кабинет, даже не пригласив и не поприветствовав.

— Артём Геннадьевич? — уточнил я для проформы, заходя следом за ним. — Я Павел, муж племянницы вашей супруги. Мы договаривались с вами о встрече.

Хотел подойти и протянуть ему руку, но мужик зашёл за свой стол, смерил меня оценивающим взглядом, и на лице его досада сменилась пренебрежением. А кого он ждал? У племяшки девятнадцати лет отроду мужу должно было быть лет под сорок?

— И чего ты хочешь? — с вызовом спросил он, снимая халат и явно намереваясь уже уходить с работы.

— Хотел, чтобы вы поговорили с женой. — вежливо и спокойно начал я. Тон держал холодный, его реакция мне совсем не понравилась. — Мария в прошлую субботу довела мою жену до нервного срыва. Мы очень не хотели бы ни с кем из родни ссориться, но подобное поведение недопустимо...

— Слышь, ты, — вдруг перебил он меня, опёрся обеими руками на стол и уставился на меня с раздражённым видом. — Не хочет он ссориться... Кто тебя спрашивает, что ты хочешь? Хотелку отрасти сначала! Сопляк. Будет он ещё взрослых людей уму-разуму учить, указывать, кому и что делать.

— Н-да! Хамство — это у вас семейное, похоже. — ответил я. — Многое объясняет.

Он порывисто выскочил из-за своего стола и рванул ко мне, явно собираясь мне врезать. А я тут же, с радостной ухмылкой, шагнул ему навстречу. В результате Артемка недобежал, замер в метре от меня со сжатыми кулаками. Вспомнил, что ему за сорок, а я в самом расцвете сил, подумал, наверное, как потом будет объяснять в милиции драку на работе, в своем собственном кабинете. Ну и вид мой агрессивный его, видимо, впечатлил — понял, что бежать в ужасе я не собираюсь.

— Уходи, не доводи до греха! — сказал он мне, пытаясь изобразить воинственный вид.

— Я сейчас уйду, но, когда вернусь, ты этому не обрадуешься.

Постоял мгновение, глядя ему в глаза, развернулся и вышел из его кабинета. Мужик такой же неадекват, как и его жена, оказался. Родственнички, блин.

Вернувшись домой, не стал Галие рассказывать, что встретился безрезультатно. Пока ехал, родилась одна мыслишка. Забегу к Сатчану завтра, обсудим. Если выгорит, так хвост прищемлю этому хаму, вмиг риторику сменит. Возраст мой ему не понравился, видишь ли. С молодыми не разговаривает. Рожу ему разукрасить кулаки чесались, конечно, но не вариант, на самом деле. Это не студентик зеленый зарвавшийся, вроде Рафаэля. Таких на место надо ставить по-взрослому. Так, чтоб и спустя месяцы, в холодном поту просыпался.

Попросил Галию к завтрашнему дню подготовить мне коробку для Константина Сергеевича. Она радостно сообщила, что уже всё разделила. Хватит и бабушкам, и бате, и соседям... Ну да, привёз я в этот раз много.

Вечер провели у художников, занесли им гостинцы, нас, естественно, уговорили остаться на чай. Говорить много не мог, связки ещё будут восстанавливаться какое-то время после такой эпопеи. Мы с Михаилом Андреевичем повесили ещё пару работ в прихожей, а потом он показывал мне альбом с полотнами из итальянских музеев.

В воскресенье, созвонившись с Константином Сергеевичем из «Знания», встретился с ним в вестибюле метро и вручил приличных размеров коробку. Кратко обсудили с ним результаты моего турне.

— Отзывы прекрасные! — поделился тот со мной. — Если бы не твоя учёба, можно было бы такие выезды в область организовывать регулярно. Одним днём. Без перегрузок. Раз в месяц, к примеру... — мечтательно произнёс начальник. — Уже посыпались заявки... А городов больших и малых в Подмосковье пруд пруди!

— Раз в месяц можно день выкроить. — заинтересовался я такой возможностью заработать за день рублей восемьдесят-сто. Это же намного больше, чем я за несколько выездов по организациям за целый месяц обычно имею. Ну и нет неоплачиваемых лекций, как класса. А вот подарки, как раз-таки, всегда есть. И полезные в хозяйстве. Кроме горисполкомовских, конечно, тем положено всякую идеологическую фигню дарить по определению.

— Прекрасно! Тогда продумаем варианты. Может, какой-то определенный день выделим? И из прошлой нагрузки — тебя «Дары природы» уже заждались, кстати. — вспомнил Константин Сергеевич. — Сможешь на этой неделе начать?

— Конечно.

Мы попрощались, он обнял свою коробку и, весьма довольный ее весом, потащил домой.

Глава 11

г. Москва

Остаток воскресенья провели, неожиданно для себя, на горке недалеко от дома отца. Вернувшись домой, я созвонился с отцом, хотели с женой навестить их, закинуть гостинцы. А тот велел нам тепло одеться и выдвигаться к ним, как можно скорее. Приехали и не раздеваясь, все пошли сразу на горку. С санками и ледянками. Мы с отцом и детьми катались с высоченного спуска недалеко от проспекта Мира несколько часов, пока не стемнело. Галия с Кирой стояли, сверху наблюдая за нами. Дети были в восторге. Да и мы с отцом тоже. Катались и отдельно, и парами, и паровозиком.

Каждый раз подниматься приходилось довольно далеко и высоко. Мокрые от снега и вспотевшие от нагрузки мы вернулись к ним домой. Пока раздевались и развешивали сушиться мокрое шмотьё, девчонки разогревали обед.

Остаток вечера провели в шумной семейной обстановке, отмечая последний день каникул. Завтра начало второго семестра. Незаметно пролетел отдых, если его можно так назвать, и вот уже снова на пары.

Прощаясь с Кирой и отцом, мы сообщили им новость о беременности Галии, раз уж и так много народу в курсе уже, то лучше пусть узнают от нас.

Надо было видеть их ошарашенные лица. Несколько мгновений они приходили в себя.

— Мог бы и сам догадаться. — произнес, наконец, отец. — А то все не мог понять, почему Галия с горки не катается... Ох, ребята, трудно вам будет!

— А мы на что? — тут же пихнула его локтем в бок жена. — Поможем. Вещей детских полные антресоли, ванночка есть, коляска есть. Кроватку Василий освободит, да? — обратилась она к младшему. — Тебе уже четыре года будет, купим тебе взрослую тахту.

— Ну, так-то да. — согласился тут же папаня — И с учёбой помогу. — посмотрел он многозначительно на Галию. Она благодарно и немного смущенно кивнула.

— Ничего. И родится малыш, и вырастет. — уверенно сказала Кира. — Маленьким ещё никто не остался.

Рассмеялся и обнял её, прощаясь. Какая же она, всё-таки, разумная. Повезло с ней отцу.

Хочется верить, от нее он уже не уйдет.

Домой вернулись в хорошем настроении и принялись за подготовку к началу учёбы завтра. Пока собирал бумаги в портфель, вспомнил про доклад на конференцию. Сделал пометку себе, завтра обязательно зайти к замдекана по науке. Уже вот-вот нужно будет выступать, насколько помню предварительные договоренности.

Эмма Эдуардовна моему появлению обрадовалась:

— Паша, хорошо, что зашел, а то я уже думала за тобой сама идти. Значит, так — конференция стартует послезавтра. На все время ее проведения ты освобождаешься от занятий. Первый день конференции пленарное заседание и доклады самых важных участников, профессоров, доцентов и зарубежных участников. А твой доклад и еще двух студентов нашего факультета намечены в секциях на второй день. Завтра забеги ко мне снова, я тебе и программу конференции покажу. Уже финальную сделают. А то пару человек не сможет приехать из других университетов.

Текст доклада у меня был полностью готов — переделал немного, в связи с замечаниями замдекана. Появилось в первой части больше цитат Маркса и Ленина, а как же иначе-то, я их маловато внес, как оказалось. Думал по одной достаточно, но нет, оказалось нужно по две-три от каждого классика. Отвык уже, подзабыл немного реалии и интенсивность использования деятелей марксизма-ленинизма и всяких «решений съезда» в науке этого времени.

Но содержательная часть доклада осталась без изменений, это самое приятное. Поняла Эмма Эдуардовна, что я дело предлагаю и оценила это. И, скорее всего, и те, кому она его тоже показывала. Сейчас все страхуются на всякий случай, время такое. По крайней мере, одна из правок на тексте, что она мне вернула, была точно мужским почерком вписана. И по цвету чернил отличалась от других.

Приятно было видеть своих сокурсников, соскучился уже. Хорошие ребята и девчата, очень наивные, но возраст такой, я это понимаю. Трех студентов мы потеряли по итогам экзаменационной сессии, но был шанс, что кто-то из них все же пересдаст и вернется к нам. Как я выяснил, все трое, двое парней и девчонка, пали жертвой расслабона в общежитии. Так загуляли в Москве, вырвавшись из-под строгого контроля родителей, что к сессии оказались абсолютно не готовы. Недоценили объем материала, который надо за короткое время выучить. После школы это распространенная ошибка. Многие по этой причине в первую сессию либо сдают плохо, на тройки, либо вылетают.

Сегодня все трое выбывших были центральной темой обсуждения в группе. Как мне показалось, многих факт возможного скорого отчисления сокурсников заставил призадуматься. Оно и понятно, было у нас еще несколько весьма загульных персон. Но в этот раз им повезло больше. Кто-то с восторгом рассказывал, как вытянул единственный билет из всех, что выучил, кто-то удачно списал.

Еле отсидел на парах, так рвался к Сатчану в гости. Прямо места себе не находил. И сразу к

нему и поехал после занятий.

— Так, ты уже по поводу меховой фабрики приехал, освободился? — обрадовался он.

— Еще три дня нужно на конференцию с иностранцами, там мое присутствие контролировать будет замдекана, и можно будет и фабрикой заняться, — ответил я, — но пока еще один вопрос возник неожиданно. Хочу воспользоваться твоим районным «Комсомольским прожектором», чтобы срочно кое-кого на место поставить. Можешь организовать?

— Ого, какой ты мстительный! — усмехнулся Сатчан, но тут же посерьёзней, увидев мое выражение лица, — похоже, кто-то тебя конкретно так из себя вывел?

— Да родственник по линии жены оборзел. Его жена шляется к нам и лезет в наши дела так нагло, что Галию до слез доводит. А он пальцы гнет, хамит и меры принимать не хочет. Хочу ему намекнуть очень прозрачно, что так дело не пойдет. Чтобы он свою благоверную раз и навсегда приструнил.

— Ну понятно, согласен, это уже хамство так себя вести, — сосредоточенно кивнул Сатчан, — особенно для родственника.

— Ну так!

— А что за предприятие у него, и кем он там? — спросил Сатчан с интересом в глазах.

— Таксопарк, пару километров от тебя расположен, номер пять. Он там замдиректора.

— Замдиректора? В таксопарке? Ну тогда ясно, что он выпендриваться начал, там простые ребята не работают. — тут же отреагировал Сатчан. — Ну а что, мне это тоже полезно может быть, там же наверняка есть, что нарыть, чтобы мы отчитались?

— Поверь, нарою, — кивнул я, — дефицитные запчасти, махинации с выручкой, торговля бухлом шоферами, на крайний случай. Более чем уверен, что там много чего есть того, что они не жаждут засветить. И мне завтрашнего дня как раз хватит, чтобы застрашать родственничка. И подсобрать нарушений для отчетности, чтобы он очень внимательно меня слушал в следующий раз.

Сатчан, не откладывая, прямо при мне сделал звонок главе районного Прожектора. Он мне как раз недавно жаловался, что предшественник его запустил работу, и «прожектора» в районе только на бумаге и числились. А Сатчан взялся за дело всерьез, и теперь все они начинают оживать. Правда, еще жаловался, что энергичных людей из комсомола в «прожектора» еще можно найти, а знающих и понимающих, что нужно делать — пока что не получается. Ну так мне таких и не нужно, я сам знаю, что делать, остальные мне чисто для декораций нужны.

Сразу после разговора с Сатчаном я и поехал на назначенную встречу. У главы Комсомольского прожектора Пролетарского района работа заканчивалась через двадцать

минут, так что сразу с ним у проходной и договорились встретиться. Какой-то приборостроительный завод, в СССР их было так много, и очень жаль, что в девяностые их массово позакрывали. Я смотрел как-то статистику по Германии, так они на этом приборостроении десятки миллиардов евро экспорта делают, в том числе и в Россию. Что уж про Китай говорить... сколько технологий мы в девяностые загубили, сколько талантливых инженеров от нищеты эмигрировало... Все время забываю, когда про это рассуждать начинаю, что сейчас 1972, следовательно — все это еще предстоит.

Сатчан по моей просьбе как следует накрутил парня, так что, когда мы с ним встретились, тот был полностью готов сотрудничать. И четко понимал, кто из нас главный. А то мне еще с ним бодаться не с руки, хватит и козлистого родственничка Галии.

— Савостюк Илья, — представился он мне, крепко, но без излишней напористости пожимая руку. Впрочем, после бетонных работ я руки больше людям пожимать не боялся, хватка у меня теперь была крепкая, то, что надо.

Илья был явно не из славян, а из семитского племени, но мне это было чисто для сведения. Никогда мне не мешала ни с кем работать национальность человека. Чуть ниже меня ростом, глаза умные — вот это для меня и важно. Надеюсь, у него не только внешний вид умного человека будет.

— Значит так, Илья, — начал инструктировать я его прямо на улице, — завтра к десяти сможешь свою команду собрать?

— Лучше к двенадцати, мне нужно будет отпросить девчат и ребят с рабочих мест, а сейчас уже поздновато для этого. Да и не уверен, что прямо на завтра у всех получится.

— Хорошо, предварительно договоримся к двенадцати. Сразу в двенадцать делаешь звонок директору пятого таксопарка, оповещаешь его, чтобы ждал нас скоро с визитом по линии комсомола. Если будет отбрехиваться или пытаться говорить, чтобы попозже, гни свою линию — мол, тебе большое начальство велело, и ты ничего не знаешь. Пусть сразу поймет, что с ним с позиции силы разговаривают, а не юродивые робко на пороге топчутся, конфетки выпрашивая. Понятно?

— Понятно!

Мне понравилось, что глаза парня засветились интересом. Ага, он не робкого десятка, сработаемся! Да и какому амбициозному пацану не понравится в таком возрасте директоров предприятий строить! Кем он у себя на приборостроительном работает — ясно, что невелика шишка. Вряд ли мастером, всего лет на шесть меня старше, небось только после вышки пришел. А раз в Комсомольский прожектор напросился бесплатно работать, то всяко, амбиции у него есть.

— В половине первого встречаемся все на проходной таксопарка, чтобы они в панике уже начали бегать, но никаких следов замести за собой еще не успели. Дальше я буду говорить, что делать, а вы мне подыгрывайте. Что касается других инструкций на месте — ходим,

осматриваем все придирчиво, пусть каждый прихватит тетрадку пустую и старательно в нее время от времени что-нибудь малюет. Хоть песиков с котиками рисуйте, они все равно будут думать, что вы туда компромат заносите. Я один буду без тетради, и пока они на ваши записи будут зачарованно таращиться, буду делом заниматься. Все понятно?

— Понятно, как не понять! — послушно кивнул Илья.

— Так, когда ты точно будешь знать, сможешь ли собрать всех завтра? — уточнил я у него.

— Через пару часов, я думаю, — неуверенно ответил он, пожимая плечами. — Пока дозвонюсь до всех...

— А тебе можно позвонить как-то, узнать результат?

— Нет, у меня нет телефона.

— Тогда давай, пиши мой. Набери вечером, предупреди, получилось ли всех организовать на завтра, — сказал я Илье, доставшему блокнот, и продиктовал ему номер.

Попрощавшись с ним, пошел довольный домой. Надо подготовиться к завтрашнему визиту. Настроение было предвкушающим, сродни охотничьему азарту у гончей. Посмотрим, товарищ Епихин, как у вас получится играть на своей территории, но уже по моим правилам...

Надо маршрут прикинуть, отметил себе мысленно, как добираться завтра буду из универа. Раз в двенадцать собираемся, еще и на первые пары успею заглянуть.

•
○ *

Сатчан, отпустив Пашку, задумался. Вот он и увидел, как у того честолюбие заиграло! А то все эти разговоры — я не хочу светиться, я ни на что не претендую, буду лучше в тенечке... А тут, едва жену его обидели, готов когтями всех рвать, словно дикий зверь. Есть у парня характер, есть! Можно, конечно, и не рассмотреть сразу, за постоянной вежливостью и дружелюбием, решить ошибочно, что он весь из себя такой типичный интеллигентишка, чуть что готовый сдать назад, но сегодня Сатчан видел перед собой лицо человека, готового зайти очень далеко. Такой не сдастся перед лицом трудностей и не струсит, пойдет до конца.

Похоже, пришло время глубже его в наши дела посвящать, да и в целом как-то развивать отношения, переводя их из чисто рабочих в дружеские. — подумал Сатчан. — Чтобы больше точек соприкосновения было, больше доверия с его стороны, и больше контроля с нашей. С меховой фабрикой сейчас работа предстоит нешуточная. Надо, чтобы в Пашке все были уверены на сто процентов. Да и у него важно, чтобы мыслей всяких ненужных не возникало. Чтобы понимал и ценил благодетелей.

Нужен хороший повод, чтобы его приблизить... О, придумал, надо его на день рождения

свой пригласить! Он правильно поймет, что это значит, в этом второй секретарь был уверен. Да, вместе с женой нужно звать, пусть и жены между собой перезнакомятся. Это уже будет другой уровень.

Да, решено, время пришло! Как в следующий раз будем встречаться, так и приглашу.

- - *

Фирдаус долго думал, прежде чем звонить родителям. Его предупреждали, что все его звонки домой будут обязательно прослушиваться советским КГБ. Его это особенно не смущало — СССР сверхдержава, и спецслужба у нее соответствующего масштаба. Жил бы и учился он в США, другой сверхдержаве, так там бы его прослушивало ЦРУ. Это большие игры больших мальчиков, до которых крохотному Ливану, как до Луны. Но в США отец отправил старшего брата, Амаля, он как раз в прошлом году оттуда и вернулся. Ему же выпала другая сверхдержава, поскольку отец не хотел складывать все яйца в одну корзину. В принципе, пока что жаловаться ему не приходилось. Он встретил тут Диану, а теперь его и его родителей заинтриговал ее брат Паша.

До этого конкретного звонка он просто заказывал разговор и болтал, о чем хотел с родителями. Но в этом конкретном случае вопрос был непростой. Нужно было сообщить отцу результаты разговора с Пашей, не говоря о том, откуда информация. Фирдаус был уверен, что отец ему подыграет, но для начала он сам не должен делать ошибок.

Наконец, он поднял трубку и заказал звонок. При этом специально говорил по-русски с сильным акцентом, хотя мог гораздо чище. Уже давно советские друзья подсказали, что тогда соединят быстрее. И не будут долго расспрашивать, какова причина звонка. Достаточно сказать, что студент и звонишь родителям.

Все так и вышло и в этот раз. И уже через полчаса, не так и долго пришлось прождать, его соединили с домом родителей.

Поболтав немного с Нуралайн, он попросил маму позвать отца. Тарек, похоже, стоял рядом, потому как тут же взял трубку:

— Здравствуй, отец! — сразу перешел к делу Фирдаус, — я тут думал долго по поводу проблем в нашем фруктовом бизнесе, и появились идеи. Во-первых, надо бы узнать, как в этом году обстоят дела у наших конкурентов. Есть ли проблемы, как у нас, или все у них, как и раньше? Ты наверняка знаешь нужных людей.

Во-вторых, нужно нанять хорошего аудитора. У меня появилась мысль, что нас могут обкрадывать наши же сотрудники. Они могли договориться, к примеру, с сетью магазинов, что у нас закупает фрукты, с тем, чтобы они снизили нам цену в обмен на взятки. Или списывать хорошие фрукты, как испорченные. И продавать их на сторону.

Отец немного помолчал, но потом поблагодарил сына за то, что он даже в поездке и на

учебе думает о благополучии семейного бизнеса. Фирдаус был уверен, что отец понял все правильно, что информация от Павла. Они поболтали еще немного, и он положил трубку.

После того разговора с Пашей кулаки у него все еще сжимались, когда он думал о том, что их могут обкрадывать. Больше всего хотелось сесть немедленно на самолет, и лететь самому разбираться с предателем, если Паша не ошибся, и он действительно есть. Но увы — семестр уже начался. Иностранным студентам, конечно, делали определенные поблажки, но зарываться было нельзя. Оставалось только надеяться, что его помощь будет полезна отцу в решении появившейся проблемы. И он сообщит ему об этом незамедлительно, чтобы он поменьше мучился в ожидании.

Глава 12

г. Москва

Во вторник проверку в таксопарке, к моему большому сожалению, провести не получилось. Илья позвонил вечером и очень извиняющимся голосом сказал, что на завтра никак. Двоих членов «прожектора» отправили в командировку в Подмоскowie до четверга, а еще одна, девушка, на больничном до пятницы. Так что только в пятницу, но в пятницу по словам Ильи уже железно, «Комсомольский прожектор» можно будет задействовать как боевую единицу.

Сказать, что я был разочарован — это ничего не сказать. Бытует, конечно, мнение, что «месть — это блюдо, которое подают холодным». Но, блин, не люблю я холодное!.. Однако, что поделывать, это жизнь, и сбои в работе случаются. Придется потерпеть с моим планом до пятницы.

Позвонил только Сатчану, сообщил о промедлении, и было слышно, что ему самому неудобно, что все переносится на конец недели. Комсомольский прожектор-то в его распоряжении, а он старается действовать всегда без проволочек. Чем мне и нравится с ним работать — есть у него, конечно, барские замашки, но, когда доходит до дела — он пашет на полную катушку. И гоняет подчинённых, не давая им Ваньку валять.

Ну что же, вторник прошёл стандартно. Учеба, дом, встревоженная моим грядущим выступлением на конференции Галия. Услышав, что конференция международная, и что на ней будут ученые из четырех стран соцлагеря, Болгарии, Венгрии, Польши и ГДР, она сильно распереживалась и все пыталась меня уговорить получше подготовиться к докладу.

Вот как ей объяснить, что при текущем состоянии экономической науки, я, знающий обо всех важных нобелевках по экономике за следующие полвека, вообще могу не напрягаться особо с подготовкой? Главное — не ляпнуть что-то, что будет воспринято как попытка идеологического подрыва социалистической экономики. Значит, как и во время моего вояжа по Подмоскowie, делаем что? Правильно, говорим предельно медленно и солидно, проверяя в уме все, что хочется сказать, на предмет соответствия единственно верному учению Маркса, Энгельса и Ленина. И выглядеть буду серьезно, и не проколуюсь по идеологической линии.

Но чтобы успокоить жену, вознесшую свою озабоченность в предмет чрезмерной важности, как это бывает с беременными, сел «готовиться» к докладу. Галия тут же успокоилась и принялась всячески мне содействовать, как она это понимает. Ходить стала на цыпочках, и даже вышвырнула из комнаты собачье-кошачью банду, затеявшую веселую возню под моим стулом. Пришлось поблагодарить, хотя меня эти мохнатые вовсе не отвлекали, а скорее забавляли — я же все равно занялся тем, чем давно понемногу баловался. А именно, принялся разучивать наизусть всякие полезные цитаты вождей марксизма-ленинизма.

Решил довести количество цитат до нескольких сотен — очень полезная вещь на семинарах, зачетах и экзаменах. Вот как поставить плохую оценку студенту на семинаре, если он свою мысль подкрепляет цитатами Маркса или Энгельса, да еще и наизусть? И как с ним спорить — мало ли кто потом анонимку подкинёт, что преподаватель не согласилась с точкой зрения, высказанной в трудах великих классиков? Поэтому просто идеально — встаешь, высказываешь свою мысль, подкрепляешь ее парой цитат из великих, и можешь быть уверен, что тебя не только посадят на место с хорошей оценкой, да еще и похвалят перед всеми за правильный идеологический подход.

То же самое на зачетах — завалить тебя уже невозможно. Даже если цитата не совсем к месту — максимум, что тебе грозит, небольшая дискуссия, в которой ты поясняешь, что именно имел в виду, приводя эту цитату. А уж искусством натянуть сову на глобус, после баталий в интернете двадцать первого века, я владел всяко получше, чем мои преподаватели.

Ну а на экзаменах при таком подходе — могли только оценку пониже поставить, но тоже завалить полностью уже вряд ли осмелятся. Тем более, что учился я на совесть, и материалом владел неплохо. Кроме этого, вторая важная побочка заучивания цитат — память развивается на таком скучно-занудном материале просто отлично, тоже не лишнее.

Понятно, что как начнутся спецпредметы, буду уже серьезней заниматься. Но до них еще дожить надо. Весь первый курс у нас общеобразовательная программа со всякими философиями, высшей математикой и диалектическим материализмом. Второй тоже почти весь такой же, за исключением буквально пары предметов. И только на третьем курсе наконец-то начинаются дисциплины специальности. Так что пока знание цитат представляется мне очень полезным навыком.

Погода была хорошая, морозец минус десять, уговорил Галию прогуляться вечером вместе со мной и Тузиком. Естественно, как уже было заведено, к нам присоединился Родька. Удачно вышло, вначале он еще помалкивал и привыкал к Галие, а потом пообвыкся и начал с ней активно общаться. И, естественно, сразу ей понравился. Паренек-то смышленный.

Закончилось все тем, что она, узнав, что пацан сегодня ночует у «тети Шуры», поскольку дед ушел на сутки, предложила переночевать ему у нас. Я сходил с ним к Шуре, которая после моего визита к старику стала вести себя более спокойно, и она, конечно, ничего не имела против, чтобы снять с себя этим вечером заботу о соседском мальчишке.

Хорошо, что модель самолета я уже успел прикупить. И два часа перед сном мы ее собирали. Я специально не лез впереди паровоза, давая пацану самому найти нужные части, и Як-18

успел за это время обрести только хвост и половину корпуса. А Галия сидела рядышком и читала книгу — получился очень уютный семейный вечер.

Спать Родьку положили на раскладушке в гостиной. Забавно было наблюдать, как наши звери переваривают информацию о ночевке нового гостя. До этого они к Свете больше суток привыкали, пока успокоились и смирились с тем, что она у нас поживет, а сейчас вдруг новый персонаж нарисовался. Особенно изумлялся Мурчик. Все ходил и периодически заглядывал в гостиную с таким видом, словно не мог поверить, что мы пацана на ночь оставляем. Потом, покрутившись в нерешительности, все же просочился в комнату и устроился там спать на подоконнике. Я так понял, что решил кот за гостем присматривать. Тузик, посмотрев на Мурчика и что-то тоже для себя решив, спать лег у дверей комнаты. Обложили, короче, Родьку, со всех сторон. Не доверяют мелкому...

Утром Родька подскочил рано, практически вместе со мной. Напросился с Тузиком гулять. Объяснил ему, что у меня с псом пробежка утром, а не просто променад по району. Так пацан с улыбочкой тут же свой портфель школьный открыл, а там форма спортивная. Физкультура у них сегодня в школе, оказывается.

— Ну, раз ты так серьезно подготовился, — ухмыльнулся я, — то пошли. Но, смотри, не жалуйся потом, бегаю я по утрам много.

— Я справлюсь, — гордо заявил парнишка, надевая на Тузика поводок.

Ага, как же. Справится он... Скис Родька довольно быстро. Выносливости нет пока никакой. Надо тренировать.

Чтоб не расстраивать парня, похвалил его за отличное начало, сказал, что для первого раза очень неплохо и оставил его с Тузиком поиграть и покидать псу палку в одном из дворов, пока сам добежал привычный утренний маршрут. Забрал их, возвращаясь. Родька посматривал на меня теперь с еще большим уважением, прочувствовав на себе, какая у меня с утра зарядка. Даже интересно, попросится ли он теперь утром с нами каждый день бегать или поленится? Любопытно, какой у пацана характер?

У Галии уже готов был завтрак. По случаю гостя она расстаралась. Завтрак был плотным. Гречка, ветчина, а к чаю сырники с вареньем. Родька пришел в восторг, увидев завтрак. Уминал так, словно на неделю хотел наесться. Особенно его поразила ветчина. Он смаковал ее с таким удовольствием, что поневоле, глядя на него, на лицо напознала улыбка.

— Вкусно? — спросила жена, умилившись зрелищу.

— Очень. — Родька с энтузиазмом кивнул, дожевывая сырник. — Спасибо!

— На здоровье! — сказал ему я, поднимаясь из-за стола. — Спасибо большое, милая! Все очень вкусно. — чмокнул в щечку довольную Галию.

— А можно кусочек с собой взять? — вдруг спросил Родька, смущенно показывая на

ветчину. — Хочу дедушку угостить.

— Конечно, — Галя всплеснула руками. — Только она испортится, если целый день в школе носить с собой будешь. Дедушка уже пришел с работы?

— Нет. Он ближе к десяти дома будет, — расстроено ответил пацан.

— Тогда давай так сделаем, — предложил я. — Вечером, когда с Тузиком гулять пойдем, захватим с собой ветчину и на обратном пути дедушке занесем. Хорошо? Угостишь его.

Родька, просияв, закивал головой и побежал собираться в школу. Хороший парень, о дедушке заботится. Но на пробежку так и не попросился пока... Ну что ж, подождем.

Среда ушла на пленарное заседание и две секции. Отсидел я на них больше времени, чем на занятиях, тут совсем другой временной расклад. Зато покормили на халяву дважды, прежде чем иностранцев увезли на экскурсию.

Скучно было сильно, раз за разом немолодые люди подымались за трибуну и сообщали залу о тех или иных аспектах социалистической плановой экономики, как способе помочь развивающимся странам. И все это сухо, по бумажкам, без всяких хоть немного отвлекающих и вносящих разнообразие презентаций или картинок. Немного скрасили скуку только несколько эпизодов.

Первый — со старичком-профессором из ГДР. Мужик было под семьдесят, и он постоянно все забывал. Началось все с того, что он за пять минут до своего доклада обнаружил, что оставил его в гостинице. Выступления пришлось менять местами, а кого-то погнали в гостиницу за его вещами. Затем, во время обеда, я совсем не удивился, когда профессор потерялся полностью. Да, тут было полно «переводчиков», трудящихся по основной работе совсем по другому профилю, но как-то и эти профессионалы плаща и кинжала бодрого старичка упустили, и он куда-то ускакал, затерявшись в дебрях главного корпуса.

Нашли, конечно, минут через пятнадцать старикана, но эти минуты не прошли бесследно для нашего декана. Бегал и суетился он с весьма бледным видом. Я уже хотел даже посоветовать Эмме Эдуардовне приставить на постоянной основе к зарубежному гостю кого-нибудь из студентов, но вовремя остановился, вспомнив один из ключевых принципов армии — инициатива имеет инициатора. Уверен, что тут могло бы произойти то же самое, она меня бы и приставила за старичком носить портфель и забирать вовремя из туалета.

Немного развлекся, наблюдая за работой и самих «переводчиков». Смысла в их присутствии, помимо присмотра от КГБ, никакого не было — все гости конференции, без исключения, уверенно владели русским языком и только на нем и делали свои доклады. Но так, ради забавы, смотрел, как они реагируют на ту или иную фразу в докладах, как наших, так и зарубежных выступающих. Ясное дело, что они искали что-то, чем можно отчитаться.

Немного позлила еще одна тетка из Венгрии. Гонора в этой огромной бабе было на троих мужиков. Комментировала доклады и спорила со всеми так язвительно, словно мстила за

события 1956 года. Может, так оно на самом деле и было. И это ей не так, и то — создавалось впечатление, что нам повезло, что ум такого масштаба прибыл к нам, убогим. А сама взялась выступать — так ничего толкового, кроме полдюжины цитат из классиков марксизма-ленинизма, и не прозвучало. Да и к ее докладу я и сам, при желании, мог бы легко прицепиться. Но, подумав, не стал. Мне бы это боком вышло.

Во-первых, мог напрямч этим руководство нашего факультета. Они искренне хотели обеспечить гостеприимство высшего класса — а если тетка у всех на глазах сядет в лужу, не оказавшись в состоянии ответить на вопрос студента?.. Как бы она перед этим сама себя стервозно не вела, она все же гость и представляет Будапештский университет. Так что участников конференции я бы повеселил, но руководство факультета против меня бы зло затаило. А оно мне надо? Тетка уедет к себе, а на мне потом при случае отыграются.

Ну а вторая причина — обилие цитат классиков марксизма-ленинизма в ее выступлении. Как раз та самая вещь, про которую и я недавно рассуждал, как лучшего друга студента. То, что я прицеплюсь не к ним, а к пробелам в логике самой тетки, товарищи «переводчики» могут и не понять. Вряд ли они видные экономисты. А вот пометят себе, что мне не понравился доклад, где все время цитировали Маркса и Ленина, поставят под сомнение мою идеологическую благонадежность — и мне эта их пометочка, попавшая в личное дело, потом однажды может боком выйти. Поэтому — улыбаемся и машем, улыбаемся и машем!

К моему выступлению на конференции в четверг Галия нагладила мне рубашку и свадебный костюм.

— Чтобы ты был самый важный на конференции. — сказала она, завязывая мне галстук утром. — Неужели ты совсем не волнуешься!

— Очень волнуюсь, — обнял я её. — Что доведёшь себя своими переживаниями. Не беспокойся ни о чём. Всё будет прекрасно.

Моё выступление стояло последним из трёх студенческих. После всего, что пришлось выслушать, выходил к трибуне вполне себе спокойно и уверенно. Зачитал доклад не спеша, с расстановкой. Импровизировать не стал, строго придерживался согласованного текста. Ни к чему заставлять нервничать куратора и КГБ-шников. С вопросами после выступления пришлось, конечно, попотеть, правильно подбирая факты и аргументы. Но обошлось. Моё выступление произвело очень хорошее впечатление, мне даже поаплодировали в конце. Хотя, думаю, сыграло роль еще и то, что я был единственным первокурсником, которому доверили выступать.

И еще одна поразительная вещь произошла. Ко мне вдруг вспылала теплыми чувствами та самая бой-баба из Венгрии. Минут десять меня мучила комплиментами и расспросами на глазах внимательно прислушивающихся к нашему разговору «переводчиков», а после нее за меня взялся тот самый старикан из ГДР. Оказалось, что вполне неплохо соображает, все правильно понял, что я имел в виду в своем докладе.

В пятницу на первой паре к нам в группу зашла Эмма Эдуардовна и с очень серьезным и

торжественным видом всей группе объявила, что моё выступление на конференции оценено очень высоко. Поставила меня в пример всем остальным, указав, на кого надо равняться. Короче, фурор был произведен знатный.

Наших никого на конференции не было, первый курс туда не пускали, так что новость для всех оказалась ошеломительной. Сокурсники шушукались, поглядывая на меня кто с одобрением, а кто и с завистью. Да, в ближайшие месяцы мне станет четко ясно, кто и как ко мне в группе относится. Начнут проявлять себя все понемногу.

Словно в подтверждение этих мыслей, на первой же перемене ко мне подрулил наш староста Булатов. Искренне поздравил с успехом. Ух я способен различить, кто поздравляет с завистливым взглядом, а кто — искренне за меня радуется.

— Ну ты молоток! — сказал он, одобрительно похлопав меня по плечу. — Знал, что ты доклад готовишь, но почему-то думал, что для публикации, а не для выступления.

— Как все прошло? Расскажи. Много вопросов задавали? Кто там был? — присоединился к старосте Ираклий.

Пришлось довольно подробно рассказать про конференцию. Желающих послушать собралось много, почти вся группа. Международная конференция — событие не такое уж и рядовое, тем более для первокурсников. Все хотели получить информацию из первых рук.

Незаметно проговорил всю перемену. Когда уже расходились по местам после звонка, Булатов придержал меня за локоть:

— Давай, может, в обед или после пар переговорим. Дело есть. — сказал он.

— Не вопрос, — я согласно кивнул, — но только сегодня никак не получится. Я после этой пары сбегу, дело очень срочное. А в понедельник можем пообщаться.

Староста, мгновение подумав, согласился и пошел на свое место. Ну и хорошо, подумал я, значит дело не срочное, и выкинул из головы посторонние мысли. Сегодня на повестке дня у меня таксопарк...

•
○ *

Утро у Артема Епихина задалось на славу. Мастер принес ему доли руководства за пущенные налево запчасти. И вышло на этой неделе очень хорошо, лично ему упало на карман раза в полтора больше, чем на прошлой.

Затем, когда он занес положенную часть левых доходов директору, тот пришел в такое благодушное расположение духа, что пообещал ему особо щедрую премию за квартал. Мелочь, конечно, по сравнению с тем, что удавалось наваривать на левых делах, но все равно приятно. Тем более, что чистые доходы тоже нужно было иметь серьезными, чтобы не получить проблем в случае проверок.

Люди злы и завистливы, в их природе Артем не заблуждался, в любое время какая-нибудь обзавидовавшаяся сволочь, увидев новую шубу на его жене, может анонимку куда следует написать. А если зарплата хорошая, и премии большие, то все можно объяснить тут же без особых проблем. Тем более, что не будешь же говорить, за сколько ту шубу достал, учитывать будут ее официальную, магазинную цену.

Так что утро получилось чудесное, ничто не предвещало беды, пока около двенадцати в кабинет к Артему не ворвался возбужденный директор и не начал орать...

Глава 13

г. Москва, таксомоторный парк №5.

Артём вначале не понял, что за проблема в том, что к ним придут какие-то комсомольцы. Дети же, что они смогут у них понять! Пошатаются по территории, покормить их, да предложить потом на такси бесплатно до дому довести — и порядок. Для вида нервничал, конечно, изображая озабоченное лицо, чтобы не выбиваться из настроения начальника, зачем его дополнительно злить?

А вот потом он почувствовал себя прям, как в сказке про Золушку, которую детям не так давно читал. Карета вдруг резко превратилась в тыкву. Только не в полночь, а в полдень.

Когда они с директором вышли к проходной встречать комсомольскую делегацию, и он увидел, кто в ней, вот тогда озабоченное выражение лица стало вполне натуральным. Пять человек молодежи, две девки и три парня, но вот то, что один из парней был так хорошо знаком, стало полной неожиданностью. Пашка, которого он давеча из кабинета вышвырнул, посмотрел на него ласково и подмигнул, а потом так со значением посмотрел на директора таксопарка, что Артема аж перекосило. Он все сразу понял. Проверка не будет формальной, а директору обязательно объяснят, что стало ее причиной.

•
○ *

Как же меня порадовало выражение лица товарища Епихина. Прямо бальзам на рану! А как ты хотел, дорогой?

Коллектив прожектора был хорошо подготовлен и проинструктирован Ильёй. Как только наше формальное знакомство с руководством таксопарка закончилось, ребята достали тетради и вопросительно уставились на меня с серьёзным видом.

— Ну что, пожалуй, начнём с ремзоны? — взглянул я на Епихина, а потом на Илью.

— Да, проводите нас, пожалуйста, — правильно понял Савостюк мои слова, как указание к действию. Пока шли, шепнул ему, что надо переписать все машины в ремзоне и проверить документы на них.

Там, наверняка, могут ремонтироваться левые машины частников. Однако реальность превзошла все мои ожидания. То ли ребятки в таксопарке совсем страх потеряли, то ли так совпало, и нам просто очень повезло. Навскидку, почти четверть машин в ремзоне оказались не машинами таксопарка. Это и без проверки документов было видно. Но для чистоты эксперимента мы потребовали документы на них и всё тщательно запротоколировали.

Продажу запчастей на сторону можно выявить, только схватив за руку в момент, якобы, установки запчасти на машину и их списание. На машины частных клиентов они мнимые списания вряд ли будут делать, а вот на государственные таксомоторы грех лишних запчастей не списать.

Высмотрев такси, которое только что выпустили из ремзоны, попросил заказ-наряд на него.

— А поставьте-ка машину обратно на яму, — попросил я.

Поймав первого попавшегося слесаря, с ним и Савостюком спустились в яму. Работяге было очень неудобно, но он был вынужден показывать нам перечисленные в заказ-наряде запчасти, замену которых, якобы, на этой машине произвели. Треть запчастей по ходовой части была старой. Треть! Как я удачно выцапал это авто.

Видимо, не очень заморачиваясь, мастера здесь списывали пошедшие на ремонт частников государственные запчасти на стоящие в ремонте в то же самое время таксомоторы родного таксопарка. Достаточно очевидно, в принципе, но доказать не так просто, на самом деле. Если бы они здесь действовали аккуратнее, фиг бы мы что вот так с налету нашли. Обнаглели просто.

Сегодня элемент везения, безусловно, присутствовал. Это явно был мой день. Даже не ожидал, что все так просто будет. Удалось зафиксировать масштабные нарушения. Но даже, если бы в ремзоне таксопарка ремонтировалась одна-единственная личная директорская Волга и на неё списали бы государственные запчасти, этого было бы достаточно, чтобы раздуть скандал, и попортить нервы руководству таксопарка.

Но сегодня нарушений хватит на уголовное дело и в отношении директора таксопарка, и в отношении его зама. И они оба со всей очевидностью это понимали. Директор, полноватый мужичок, имеющий явные проблемы с давлением, стоял потея и бледнея одновременно, готовый вот-вот грохнуть в обморок. Епихин же стоял внешне спокойный, но желваки у него играли, злился он не на шутку, прекрасно осознавая, из-за чего свалились на его голову все эти неприятности и чем все в конечном итоге ему грозит.

Чужая душа, конечно, потёмки, но, как мне показалось, по тому, как он резко сменил тон в общении со мной, он все еще не терял надежды уладить этот вопрос, урегулировав наши семейные отношения.

Он предусмотрительно не стал при своём директоре показывать, что мы с ним уже знакомы. Молча наблюдал, как наша команда старательно фиксирует все нарушения, прекрасно понимая, кто из присутствующих комсомольцев является идейным вдохновителем нашей

группы.

Ну пусть себе строит планы, а я пока попроверяю. Компромат лишним не бывает, как говорится. Сделав знак своим, предложил переместиться в бухгалтерию. Глянем документы до кучи. Эх, жаль, не МГУ-шный «Прожектор» сегодня работает. У этой команды ни фотоаппарата, ни лаборатории. Надо Сатчану замечание сделать и предложение внести, так сказать.

Поработав с документами в бухгалтерии, чтобы закрепить успех, мы в конце дня встали на въезде на территорию таксопарка и проверяли в течение минут двадцати все въезжавшие и выезжавшие машины на предмет наличия в салоне посторонних предметов, а именно, бутылок с алкоголем.

Когда мы начали у каждого второго водителя в бардачке находить бутылку водки, а у многих и в багажнике был стратегический запас, не очень искушённые комсомольцы во главе с Ильёй с недоумением поглядывали на меня.

— Они что, за рулём бухают? — изумленно спросил меня Савостюк в перерыве между машинами.

— Зачем же? Они водкой спекулируют, — усмехнувшись, ответил я так, чтобы услышали Епихин и его директор. — Продают пассажирам по двойной цене.

А они стояли поодаль и могли только наблюдать за нами. Директор уже, похоже, успокоился немного и тихо обсуждал что-то со своим замом. То ли решают, как нас купить, то ли прикидывают, сколько мешков сухарей сушить понадобится, чтоб по этапу идти.

Я же стоял и размышлял, как мне лучше поступить. Понятно, что руки у меня теперь развязаны, от слова совсем. На такую удачу я не рассчитывал, признаться честно. Думал припугнуть товарища, чтоб осознал, чего хамство может стоить, и отвадить хотел его с супружницей раз и навсегда от моей семьи. А он мне тут с директором своим такой подарок преподнес. Посадить их могу надолго и без права переписки в легкую.

Но надо ли мне оно? Вопрос ой какой хороший. Мужик — хам, конечно, но за это жизнь не рушат. Да и, положа руку на сердце, претензии у меня больше к его жене. Он просто под руку попал и повел себя неправильно. В таксопарке у них бардак, так борзеть нельзя однозначно. Но теперь пыл поумерят после проверки и явно уж поостерегутся так нагло действовать. Короче, думу я думал тяжкую, пока таксисты злобно на моих комсомольцев зыркали, водку у них в машинах пересчитывающих. А чего вы хотели. Учет и контроль — наше все.

Потом, видимо, ушлые махинаторы передали по рации предупреждение, потому что с какого-то момента все машины поехали пустыми, и в парк, и из парка.

В конце дня директор уже полностью взял себя в руки и предпринял попытку урегулировать с нами вопрос, отозвав меня и Илью в сторону и предложив пройти в его кабинет.

— Прошу прощения, уже поздно, а нам ещё отчёт писать. — ответил я и повернулся к Савостюку, демонстрируя руководству таксопарка, что разговор окончен. — Собери, пожалуйста, пока материалы у ребят.

И мы с ним, попрощавшись с руководством таксопарка, направились к нашим комсомольцам.

•
○ *

Директор таксопарка уже метнулся было вслед уходящим проверяющим, но, к его огромному удивлению, заместитель Епихин остановил его.

— Не надо, Степан Архипович. — сказал он директору. — Я эту публику знаю, они идейные... Только оскорбятся, если им денег предложить. Только хуже сделаете. Тут по-другому надо...

— Как? — удивлённо взглянул директор на своего зама.

— Давайте, я сам попробую этот вопрос уладить. — предложил Епихин. — Есть одна мысль. Надеюсь, сработает. — задумчиво сказал он, глядя вслед уходящим комсомольцам. Если бы этот пацан хотел просто отомстить, он бы смотрел иначе: победно или злорадно. Нет. Не так он примитивен. И посмотрел так многозначительно на прощанье, мол, твой ход. Вот, сразу ведь, с первого телефонного разговора показалось тогда, что не так он прост, нет, послушал жену-дуру! А ведь своему чутью надо доверять!

— Конечно, давай, действуй! — обрадовался директор. — И докладывай немедленно в любое время дня и ночи, если результат какой будет. — похлопал он нервно зама по плечу. — Если получится... Очень сильно должен тебе буду. Но помни, что не только меня, но и себя спасаешь...

А то на лесоповале я долго не протяну, — мысленно добавил директор. — И, на всякий случай, наведу-ка я справки об этой нечаянной «радости». Откуда они на нашу голову свалились и с кем договариваться. Хоть не ОБХСС, а то уже в наручниках их бы увели, и поздно было бы что-то мутить. А то вдруг Епихин не уладит дело...

•
○ *

Перед тем, как попрощаться, поблагодарил ребят из Прожектора.

— Сегодня мы с вами очень большое дело сделали, все молодцы! — искренне сказал я. — Лично отмечу в районе участие вашей команды в этом рейде. Спасибо вам всем!

Команда расходилась по домам очень довольная. Видно было, что ребята толком «пороху не нюхали», большинство впервые попали на настоящую проверку. Набрались впечатлений и знаний новых по полной программе.

Пока ехал домой, взвешивал, каким будет ответный ход Епихина. Пришёл к очевидному выводу, что ему не остаётся ничего, кроме как налаживать со мной отношения.

С ним все в принципе было понятно. Меня больше волновал вопрос, что и как рассказать жене, чтобы не сильно переживала и нормально воспринимала то, что дальше последует. Вариант не рассказывать ей ничего практически сразу отпал. Играть ее втемную не стану, чревато. Это родня, информация так или иначе может вылезти. Обидится Галя на меня, это как минимум. А если даже и не выплывет информация, жена Епихина вдруг станет вся такая шелковая и доброжелательная, Галя за чистую монету это принять может вполне. Подумает, что та осознала и перевоспиталась. Относиться начнет к очень нехорошей тетке с доверием. Это еще хуже может обернуться в будущем. Если та так начала, то что она еще в продолжение Галие может начать в уши вливать? Так что говорить буду правду, вопрос только, всю ли?

Решил, что всю. Пусть начнет разбираться в таких вот комбинациях. Опыта ей набираться житейского понемногу надо. Очень наивна она во многих вопросах. С одной стороны, мне в ней это даже нравится, но с другой, ей это боком точно однажды может выйти. Не всегда ведь смогу рядом быть, по-разному жизнь складывается.

Вернувшись домой, рассказал жене вкратце обо всём, чтобы она сильно не удивлялась и не переживала, увидев у нас в доме своих родственничков.

— Даю двадцать шансов из ста, что он будет уже сегодня стоять на пороге нашей квартиры. — уверенно сказал я жене. — Оставшиеся восемьдесят — завтра с утра.

— Нехорошо, конечно, так говорить о родственниках. Но мне было бы спокойнее, если бы никого из них рядом не было. — с досадой ответила Галя, видимо, вспоминая опыт своего общения с роднёй. — Просто бы отвязались от меня, и уже хорошо.

— Не так все просто, милая. — покачал головой я, — будь они обычными людьми из провинции, которые просто ошиблись, то и ладно. Простить и забыть. Но это совсем другие люди. Он себя элитой столичной считают, а нас — грязью под ногтями. Лимитой. К ним с добром — они тебя совсем растопчут. Увы, но такие только силу понимают и перед ней гнутся. Мы должны их жестко нагнуть и показать, что сила у нас. Вот тогда они будут как шелковые, и никаких новых неприятностей от них ждать не придется. А иначе — если поймут, что мы люди добрые, год-два пройдет, ретивое у них взиграет, захочется нам как-то отомстить.

— Какие ты страшные вещи говоришь! — Галя повела плечами и поежилась.

— Да нет, это правда жизни, — развел руками в стороны я, — какова тетка, ты уже видела, раз зареванная домой тогда прибежала. А я и с мужем ее познакомился хорошо. Ты бы видела, как он на меня смотрел, когда увидел, что молодой совсем, и решил, что никаких проблем доставить ему не могу. Какое там высокомерие в глазах было! Словно он барин, а я у него крепостной!

— Ну, раз так смотрел, то тогда обязательно надо наказать, — Галя внезапно перестала сомневаться и настроилась весьма кровожадно, — никто не имеет права на тебя так смотреть. Тем более, родственники. Раз они так...

— И вот в этом случае, если разыграем все жестко, мы будем жить дальше спокойно. Если у них есть хоть капля здравого смысла и инстинкта самосохранения, они после такого сами будут держаться от нас подальше. И самое главное — уже сейчас волноваться больше не о чем. Они у меня на таком крючке, что могут только извиваться, как рыба, вытщенная из воды. Мы уже победили, теперь надо просто будет грамотно принять капитуляцию у побежденного противника.

Остаток вечера провели дома, немного позанимавшись после ужина. А после восьми часов к нам постучались.

Оказалось, Родька решил не ждать нас у подъезда, а поторопить.

— Тётя Галя с нами же опять пойдёт? — спросил он с порога. — Женщины всегда долго собираются. — заявил парнишка на полном серьёзе.

— Это с чего ты взял? — удивлённо спросила жена. — А давай, кто быстрее соберётся? — бросила она мне вызов с дерзкой улыбкой и умчалась в спальню переодеваться.

— Смотри, не бегай и не делай резких движений. — смеясь, крикнул я.

Дал жене себя обогнать, пусть веселятся с Родькой.

Шумной толпой вышли на улицу, прихватив угощение для деда. Судя по сумке, Галя собрала там не только ветчину. Помахали ему втроём.

— Приходи завтра модель доклеивать. — напомнил я мальчишке. — Завтра суббота, мы будем дома целый день. Да, милая? Мы же никуда не собирались?

— Пока, никуда. А там видно будет. — пожала плечами жена. — Может, и соберёмся куда-нибудь, да, Родион?

Ну, если Галя не против больше гулять, то и прекрасно. Ей сейчас, как раз, нужно больше на свежем воздухе находиться. А Епихин если придет, пока гуляем, так пусть под дверью подождет, если мы на улице в этот момент окажемся. Ему полезно для профилактики высокомерия. Хозяин столицы, блин!

•
○ *

Квартира Епихиных.

Всю дорогу домой Артём судорожно анализировал произошедшее сегодняшним днём. Плохо выходило, его то в холод, то в жар кидало. Всего одна ошибка с его стороны, и такой вот

результат. То, что всё случилось только из-за того, что он не стал разговаривать с этим мальчишкой, у него сомнений не вызывало. Он одним взглядом в самом начале сумел ему это показать. Удивило, что у такого молодого парня оказался и характер, и возможности устроить такое. Ещё больше удивило, как он быстро нащупал тонкие места в работе таксопарка, как будто заранее знал, где искать. Хотя, все так работают, вопрос только, откуда этот пацан об этом знает?

Остается надеяться, что то, что он лично присутствовал на проверке, хороший знак. — решил Епихин. — Значит, он хотел контролировать результаты. И значит, еще есть шанс договориться. Извиниться, узнать, что его устроит в качестве компенсации. Хотел бы его закопать, намекнул бы директору, из-за чего у них проверка появилась. Вот этого весь день Епихин до одури боялся. Для него это был бы конец, причем очень печальный. Но не намекнул, ушел пока. Выходит, дал ему последний шанс. И он не должен его просрать. Ни в коем случае!

Ну, что ж, сейчас я готов к любым требованиям с его стороны. — с огромным сожалением, что просто не прислушался к парню раньше, признался сам себе Артём. — Ой, дурак!!!

— Собирай чемоданы. — сказал он жене, когда вернулся домой. — На меня сегодня очень серьёзный компромат собрали, возможно, посадят. Очень вероятно, что надо будет срочно разводиться и разъезжаться. А то конфискуют всё к чёртовой матери!

Глава 14

г. Москва

— Как? — ошарашенно спросила жена. — Кто собрал? Как посадят? Как конфискуют?

— Вот так! — отрезал Артём. — Думать надо, хоть иногда, с кем скандалы затеваешь! Дура!

— А я тут причём? — сделала невинные глаза Мария. — И почему ты меня ругаешь?

— Притом! Сколько раз зарекался тебя слушать! Выгнал этого мальчишку взащей, мужа твоей племянницы! Тот разозлился. И вот пожалуйста! Собирай чемоданы!

— Да причём тут этот пацан??? Он же совсем еще зеленый?

— Зеленый??? Молодой, да ранний! Он к нам сегодня проверку привел полноценную! И главный в ней был! Они нарыли на нас столько, что меньше десяти лет мне не дадут, да с полной конфискацией! А директору еще больше! Или меньше, если ему удастся все на меня свалить!

— Ох, как же это? — заохала жена, перепугавшись.

— Вот так же это! Дура! Все пальцы в золоте, квартира, машина, дача, шубы три, в магазины забыла, как ходить, все на дом с рынка привозят — а ты все это под хвост собаке пустила, потому что захотелось тебе, корове дурной, заставить аборт чужую девку сделать! Вот они

нам теперь аборт сделают, и без наркоза!

— А что же теперь делать-то?

— Я откуда знаю! Мне сейчас не до тебя. Передо мной реальный срок маячит. — Артем в кои-то веки не стеснялся в выражениях, разговаривая с супругой. И прямо-таки чувствовал, что зря не делал этого раньше. В голову ему пришла идея, и он мстительно добавил:

— А давай-ка, снимай с пальцев золотые свои перстеньки! Пойду к пацану в гости, подарю его супруге, поздравлю с беременностью. Мало ли прокатит... И книжку на предъявителя тащи. Ту, что на две тысячи, в «Сорок пять» Дюма под обложкой. Авось хватит.

Он был страшно зол на жену за то, что она опять втянула его в историю. И теперь ему придётся идти с повинной головой к какому-то чужому пацану, которого он с самого начала не знал и знать не хотел. Придётся унижаться, просить прощения и уговаривать не губить. Блин! Ну, что за дура ему в жёны досталась!

— Думаешь, сработает? — начиная рыдать, спросила жена. И начала послушно стаскивать с пухлых пальцев кольца.

— Не знаю. Пойду запчасти из гаража вывезу куда-нибудь. А то ещё за них сроку добавят. Сложи пока золото и книжку на столе, да адрес напиши их домашний. — сильно злясь на жену, сказал Артём и вышел из дома, даже не притронувшись к ужину.

А сам направился к телефонной будке и набрал номер знакомого завмага.

— Здравствуй, дорогой. Узнал? — заговорил он, услышав знакомый голос на том конце. — Выручай, завтра надо человечка одного подмазать. Обычное не годится, только импортное. Я заеду?

Услышав согласие и приглашение, он поехал в надежде раздобыть редкого дефицита для завтрашнего разговора. Зарубежное всякое, с иностранными этикетками. Задобрить для начала, чтобы разговор легче шел.

•
○ *

Квартира Епихиных.

Представив своё будущее совсем не в радостных тонах, Мария, сложив сберкнижку и кольца на бумажку с адресом, почувствовала страшную обиду на сестру, которая расписала ей зятя, как пустого, бестолкового малолетку, от которого никакого ни толку, ни проку. Подставила, так подставила! А она ей в ее этот Мухосранск такие подарки возила! Так ее принимала, когда в Москву приезжала! Ну ничего, сейчас она ей все выскажет!

Продолжая рыдать, испуганная и обиженная Мария заказала межгород. За двадцать минут, пока она дождалась связи, она накрутила себя так, что рыдала уже не только сама, но и

плакали рядом испуганные дети.

— За что ты так со мной! Оксана! Что я тебе сделала! — прокричала она в трубку, услышав голос сестры.

— Что случилось? — испугалась та.

— Что, что? То! Артёму моему срок грозит из-за тебя! Нам теперь надо срочно разводиться и разъезжаться, пока всё не конфисковали! К тебе с детьми приеду!.. — рыдала Мария.

А Оксана не могла взять в толк, причём тут, вообще, она! Но, зная сестру, не спорила, давая ей время выговориться и надеясь, что среди потока ругательств и обвинений промелькнёт суть произошедшего.

Наконец она поняла, что всё из-за Пашки! Так и знала! Мерзавец!

— Он захотел с Артёмом поговорить, а я ему сказала, что нечего с ним разговаривать. А теперь Артёма посадят!... — редела в трубку Мария.

— Да что ты говоришь такое! Причём тут Пашка-то? Он же студент! — недоумевала сестра.

— Студент??? Продолжаешь мне мозги пудрить, да? Он, оказывается, серьезными проверками руководит! Пришел в таксопарк, перерыл там все! И у Артёма теперь большие неприятности! И муж обвиняет в них меня, что это я посоветовала ему, а нельзя было его выгонять, когда он поговорить с Артёмом хотел. А это же ты мне говорила, что Галя зря его слушает. В общем, не звони мне больше, и не приезжай — дверь не открою! Не сестра ты мне больше!

Выговорившись, Мария почувствовала себя лучше и обратила, наконец, внимание на перепуганных и тихо плачущих детей. Бросила трубку и метнулась к ним, оставив Оксану в полной растерянности.

Где Машкин муж, а где Пашка! — в недоумении думала Оксана. — Получается, взрослый мужик не смог с этим выскочкой справиться? А как вообще он у Артёма на работе оказался?..

•
○ *

Пятница закончилась, а товарищ Епихин так и не появился. Или он явится завтра, или я ничего не понимаю в людях. В субботу с утра пораньше погулял с Тузиком, чтобы он не приперся, когда Галя одна в квартире будет. В семь-то он точно не зайвится.

Галя тоже встала с утра, занялась уборкой. Потом напекла каких-то печенек.

Мы сидели после плотного завтрака за столом и обсуждали планы на выходные. Точнее, я обсуждал, пытаюсь отвлечь от навязчивых мыслей жену. Как ее не успокаивал, что победа

уже за нами, теперь дело только за контрибуцией с проигравшей стороны, она все равно переживала. Такое впечатление, что на всякий случай.

Тут раздался телефонный звонок. Звонила Инна. Её интересовало, как чувствует себя Галия и почему она не пришла на приём к врачу на прошедшей неделе?

Конечно, я догадываюсь, почему так случилось, но вслух пообещал сестре, что напому жене о необходимости посещения доктора и, ссылаясь на неотложные дела, свернул разговор.

Только улыбаясь, спросил жену, почему она игнорирует врачей, как в дверь постучали. Мы переглянулись с Галией, и я пошёл открывать, настраиваясь на серьёзный разговор с её родственниками.

На пороге оказался Родька и улыбаясь, сообщил, что пришёл доклеивать модель. Ну, не выгонять же его, тем более, вдруг я ошибся в оценке товарища Епихина, и тот предпочтет тюремный срок, лишь бы с малолеткой вроде меня не общаться. Логично, в тюрьме точно людей своего возраста встретит, — потянуло меня на черный юмор.

Галия освободила нам стол на кухне, мы с Родькой принесли коробку с недоклеенной моделью и оставшимися деталями. Только разложились, начали работу, как в дверь опять постучали. А у меня руки уже клеем вымазаны. Галия пошла открывать дверь. И, конечно, это был Епихин. В самый неподходящий момент.

Он вежливо поздоровался, представился и попросил разрешения войти. Галия, естественно впустила его. Он был один.

— Проходите, в кухню, пожалуйста. — сказала ему Галия, предложив гостевые тапки. — Мы не так давно переехали, у нас ещё мебель не везде есть, так что мы там часто сидим.

•
○ *

Степан Архипович, директор пятого таксопарка, не спал всю ночь. И с каждым часом ему все более подозрительным казалось предложение Епихина. Никогда прежде его заместитель не козырял серьезными связями при проверках... И почему вдруг ситуация так резко изменилась, что он с готовностью взял на себя решение этого вопроса?

Очень неприятная мысль навестила директора и не отпускала — а не собрался ли Артем, видя, насколько серьезные улики против таксопарка и его руководства собраны при проверке, попросту сдать директора органам в обмен на то, что сам пойдет по делу свидетелем? И не занят ли он сейчас тем, что согласовывает условия, при которых останется на свободе, засадив в тюрьму своего шефа?

От таких мыслей было очень страшно, и с самого утра директор принялся названивать всем тем, кого вчера попросил об услуге — выяснить, кто организовал этот наезд на таксопарк?

Через двадцать минут у него была уже вся необходимая информация — Комсомольским прожектором, что его навестил, распоряжался некто Павел Сатчан, второй секретарь комсомола Пролетарского района. Никогда о нем не слышал! — подумал директор, значит, не мог и дорогу ему перейти. Это радует, главное — что это не месть, когда враги могут зайти неизвестно, как далеко, ничего не стесняясь.

Дальше он уже принялся собирать информацию об этом человеке, тут тоже нашлись нужные люди. Собранная информация его порадовала — с Павлом Сатчаном, как его уверяли, вполне можно было договориться по скользким вопросам. Это будет совсем не дешево, но директора очень радовало то, что существует сама возможность. Не все в Москве были такими, можно было нарваться и на кого-то принципиального, выполняющего план по посадкам. Дорого обойдется... а сколько жизнь и свобода его стоят? Тем более, за пятнадцать лет работы директором крупного таксопарка он стал отнюдь не бедным человеком.

Пришлось сбегать в кооперативную квартиру, в которой никто не жил, но он прикупил ее, чтобы хранить в безопасности за железной дверью часть своих богатств. Взял с собой три сберкнижки на предъявителя, в общей сумме на двенадцать тысяч рублей. А там уже разговор покажет, все придется отдать, или хоть одну себе сохранить. Ничего, в квартире было припрятано таких книжек на сорок пять тысяч. Хорошие тайники, сам делал, сначала поговорив со знающими людьми. Один в комнатной двери, нужно всего лишь вынуть ручку, чтобы до него добраться. Второй — в задней стенке старого обшарпанного шифоньера, который точно никого никогда не заинтересует, даже если из квартиры решат мебель украсть.

Перед тем, как звонить Сатчану, решил на всякий случай заехать домой к своему заму, привести справки. А то вдруг он напраслину на него думает, а тот уже вопрос решил, в спешке можно глупостей наделать. Сумма на кону стоит серьезная. Звонить Епихину не рискнул. Если подозрения на его счет подтвердятся, то милиция запросто может телефон его прослушивать, улики дополнительные собирать.

Приехав к заму домой, застал только его жену. Мария выглядела откровенно плохо, смотрела на него испуганно, а в конце вообще рыдать начала. Где муж, не сказала, похоже, что сама не знала. Худшие опасения по поводу зама потихоньку подтверждались. Наскоро попрощавшись с Марией и выйдя во двор, перепуганный директор, больше не мешкая, рванул искать телефонную будку и звонить Сатчану.

Позвонил, намеками пояснил ситуацию. Тот выразил готовность его принять. Хороший признак! От сердца немного отпустило. Если получится договориться, то отчета комсомольцев, а значит и улик, не будет.

Придя в райком, с облегчением отметил, что Сатчан, поздоровавшись, попросил свою секретаршу прогуляться пока, и запер за ней дверь на ключ. Очень многообещающее начало, очень! Так не делают, если рядом наряд дежурит, чтобы ворваться в кабинет и взять при попытке дачи взятки.

Разговор прошел очень конструктивно. Сатчан так и не объяснил, с чего вдруг его молодцы обрушились на таксопарк, но директор вел себя смиренно, понимая, что тот и не обязан ничего говорить. Не хочешь бояться внезапных проверок — веди дела чисто. Но жить на двести семьдесят рублей, будучи директором таксопарка... кто же так делать будет?

Минут через пять деньги перешли из рук в руки. Сатчан повел разговор так, что пришлось сразу выложить на стол все три сберкнижки — директор понял, что человек перед ним очень опытный и сразу поймет, если у него в кармане останется хоть лишний рубль, припасенный заранее для взятки. Но главное — Сатчан дал обещание, что своих молодцев приструнит и отчету ход давать не будет.

Вспотевший, несмотря на то, что в кабинете не было жарко, директор вышел на улицу и остановился, привалившись к стене.

— Мужчина, вам плохо? — обеспокоенно спросила проходившая мимо старушка.

— Нет, уважаемая, мне очень хорошо! — ответил ей директор, открыв глаза.

Сейчас он любил весь мир, включая эту старушку в сереньком пальтишке. Свобода!!!

•
○ *

Я встал и направился к гостю. Родька вопросительно смотрел на нас, сидя за столом.

— Доброе утро. — поздоровался с Епихиным. — Прошу прощения, руки грязные. — сказал я в ответ на протянутую им руку. — Проходите, садитесь.

Он немного стушевался и молча сунул Галие свёрток приличных размеров. Галия поблагодарила, на автомате развернула подношение и начала равнодушно раскладывать разные банки, коробки и колбасы по соответствующим полочкам в «колонке», которые, отнюдь, не были пустыми.

Она уже привыкла это делать за две недели моих поездок по линии «Знания», и я увидел, что Епихин с удивлением смотрит, сколько всего дефицитного у нас по многочисленным полочкам рассовано. Случайно получилось, но теперь-то он точно будет уверен, что у нас колоссальный блат, и мы все время так живем. И наверняка оценил и то, с каким равнодушием Галия раскладывает по полкам его «дефициты». Знает же он, что мы вчерашние провинциалы. Ни малейшего восторга, какой у Галии был бы в Святославле, увидь она хоть часть таких даров. Практически каменное лицо. Так специально не сыграешь, такое лицо опускает дарителя, без всяких слов сообщая, что ничего особенного он и не принес в подарок. Словно батон принес и бутылку молока, а не что-то, что в магазине и не найти.

Родька тихонько попытался привлечь моё внимание, задав какой-то вопрос по модели. Не знаю, что подумал про пацанёнка Епихин, но он сказал:

— Эх, а мои ещё слишком маленькие, чтобы такими делами заниматься.

Галия поставила ему чашку с чаем, вазочку с печеньками и вазочку с конфетами. За конфетами сразу потянулся Родька. Только его счастливое чавканье нарушало повисшую тишину.

— Хотел поближе познакомиться с вашей семьёй. — наконец проговорил Епихин. — Очень сожалею, что не сделал этого раньше.

И? Это, типа, всё? Все извинения?

Он, поймав мой вопросительный взгляд, повернулся к Галие.

— Очень сожалею, что вам пришлось выслушать от моей жены... Это больше не повторится. — он повернулся ко мне. — Обещаю!

Кивнул, типа, извинения приняты и демонстративно переключился на Родьку, давно дёргавшего меня за рукав.

Епихин сидел за нашим столом, гонял ложкой чай в чашке по кругу и никак не мог перейти к самому главному, ради чего он здесь сидел и краснел то ли от злости, то ли от досады. Но держал он себя в руках прекрасно, я не мог понять, что его останавливает, почему он к делу не переходит.

— Где ты куришь? — наконец спросил он меня.

— Ну, пошли на балкон. — предложил я, всё ещё не понимая, что он раньше не начал разговор.

— Не хотел при жене начинать. — наконец объяснил своё поведение он, когда вышли. — Меньше знает, лучше спит.

— Это не про мою. — усмехнувшись, ответил. — Умна не по годам и прежде, чем что-то сказать, семь раз подумает.

— Повезло... — закуривая, произнёс он, и, перейдя на шепот, продолжил. — По поводу проверки... Что я должен сделать, чтобы про неё все забыли?

— Ну, совсем забыть не получится, сам понимаешь. Вопрос в том, что будет в финальных бумагах отмечено. Магадан, сам понимаешь, нуждается в тех, кто будет поднимать экономику этого советского города.

Епихин вздохнул, а потом сунул руку в карман и выложил на ладонь другой руки горсть колец. Не два, не три, а именно горсть. И некоторые с каким-то камнями. Судя по размеру колец, явно не со стекляшками, а с чем-то драгоценным.

— Хотел вот подарить в честь беременности твоей жены, — сказал он, — моя жена ее

расстроила, пусть это будет в качестве извинения.

— Начало хорошее, — сказал я, не делая ни малейшего движения в сторону колец.

— Да, я понимаю, — вздохнул мужик, снова полез в карман, теперь уже за пазуху, и положил на ладонь, сверху на золото, сберкнижку на предъявителя.

— Тут две тысячи. Буду очень признателен, если на этом вопрос закроем.

— Может, и закроем. — согласился я, — но еще нужно будет, чтобы твоя жена позвонила моей. И лично извинилась.

— Не вопрос! — обрадовался Епихин.

●
○ *

Выйдя от Павла и немного переведя дух, покурив на скамейке, Епихин поехал к директору домой. Надо успокоить начальника. Объяснить, что вопрос решен, а то небось извелся там уже весь.

Да, парень его откровенно удивил. Так в людях он еще не ошибался. Мало того, что всю эту проверку в таксопарке устроил и эффективно провел, грамотно зацепив все слабые места и набрав компромата, так еще и распорядился им с умом. Артем с досадой и одновременно почти с восхищением вспомнил, как держал себя Пашка во время общения с ним. Никаких дерганий, бахвальства, попыток отыграться и унижить, рисуясь перед женой. А ведь мог бы, и Артем бы стерпел, никуда не делся. Но нет, все спокойно, выдержанно, по существу. И этот его взгляд — холодный, уверенный, от которого мороз шел по коже. Кто он вообще такой! Откуда взялся? Кто за ним стоит?

У Артема в голове никак не складывалась картинка. Очень уж большая разница была между внешностью и возрастом паренька и тем, как он себя вел. А еще у него в голове не укладывалось, как могла сестра жены называть вот этого волчару «зеленым бесперспективным сопляком»! Вот уж правда, что его женушка, что ее старшая сестра — обе богаты только внешностью. Раньше он это проблемой не считал, но теперь всерьез задумался.

Глава 15

г. Москва

Отправив Епихина, я вернулся за стол. Пока Родька был в гостях, мы ничего с Галией не обсуждали. Ну и что, что мал — мало ли что запомнит, да потом где ляпнет про наши не совсем обычные дела?

Родьку забрал его дед, зачем-то пацан ему вдруг понадобился. Старый долго благодарил нас за ветчину, но зайти и попить с нами чайку с печеньем категорически отказался.

Закрыв за ними дверь, я вернулся на кухню, и тут же выложил из карманов золотые кольца и сберкнижку. Галия ахнула. Раскидала пальцем кольца, впечатлилась камушком. Явно догадалась, что не стекло. Потом раскрыла сберкнижку и снова ахнула.

— Это что??? Две тысячи?

— Как я и говорил — человека нужно было наказать так, чтобы он воспринял все это максимально серьезно. И это я еще немного взял, ты не думай, что мы его босым на снег отправили. По моим оценкам, ему каждый месяц за счет только тех левых доходов, что я мимоходом вскрыл, капает не меньше тысячи рублей. А там же, на самом деле, если порыться, как следует, то может и еще на пару тысяч набраться. Это очень богатый человек даже по московским меркам, мало кто такими деньжищами ворочает. У генерала, и то, наверное, рублей шестьсот максимум будет зарплата, ну, пайки еще продовольственные и дача бесплатная. Машина с шофером.

— Но все же... — Галия колебалась, — а нам эти кольца и деньги не принесут неудачу? Учитывая, как они Епихину в руки попали... Мы же вот деньги от гадалки Светке отдали, и сразу же такое облегчение...

— Что касается золота, то не хочешь сама носить, оставь ребенку как приданное. В принципе, с такими словами и было подарено. Если будет девочка, будешь дарить потихоньку на праздники, как повзрослеет. А мальчик — продашь и что-то полезное купишь. Ну а что касается этих двух тысяч, то я уже придумал, что с ними можно сделать. Давай их летом на ремонт и обустройство дома у бабушек потратим? Сделаем им теплый туалет в доме, горячую воду проведем, стиральную машину поставим.

Галия посидела, подумала, а потом удовлетворенно кивнула:

— Ну, если так, то ладно, тогда меня это золото и эти деньги не будут смущать!

•
○ *

Степан Архипович встретил Епихина очень недружелюбно. Молча открыл дверь, смотрел исподлобья, запуская внутрь. Но Артему было все равно — его только сейчас начало отпускать. Магадан, десять лет с конфискацией — и отбиться от всего за горсточку золота и пару тысяч рублей? Отделался малой кровью. Да и наука впредь будет... Даже две.

Первая — не слушать жену, с ней все стало окончательно ясно. Тут даже может, и повезло, что все так случилось — а то, как она детей воспитает с такими закидонами и неумением разбираться в людях? Надо будет побольше с детьми общаться, вовремя исправлять всякие глупости, что она им ляпать будет. И что хорошо — теперь есть, чем ее на место ставить, когда заносит вздорную бабу. Припомнит ей этот случай, и сразу, глядишь, пропадет у нее прежний азарт.

Ну а второе — чтоб он еще раз на кого свысока посмотрел! Ну его на хрен, эти амбиции и

задранный нос. Впредь он будет со всеми вежлив и любезен, второй раз вот так попадать в переплет из-за сущего пустяка совсем не хочется. Вот что ему стоило вести себя вежливо, когда пацан пришел? Не гнать его, оскорбляя, а просто нормально поговорить, попытаться разобраться в вопросе объективно?

Скорее всего, пацан бы его и убедил, он явно умеет убеждать, только без всего того, что произошло позже. Чего она, дура, в самом деле, в чужие дела полезла? Какое ей, нафиг, дело, рожать этой, как ее, Галине что ли, или нет? Племянница... да она ее раз пять в жизни и видела всего, в лучшем случае. Осадил бы жену на хвост, глядишь, еще бы и задружились с этим пареньком. Он ведь явно очень далеко пойдет, очень, раз в таком возрасте уже такие дела решает... Мало ли, в будущем пригодилось бы за поддержкой обратиться. А теперь все иначе — главное ему на глаза не попадаться, и надеяться, что он про меня скоро забудет. И чем раньше, тем лучше.

Плюхнувшись на стул, он лучезарно улыбнулся директору и только хотел рассказать, как он всех их спас, как тот злобно спросил:

— И где ты шлялся, что даже жена не знала?

— Землю носом рыл, шеф, чтобы все проблемы убрать. Все, порешал вопрос. Степан Архипович, с вас две тысячи рублей. Попролам сложимся, верно?

Лицо директора вместо злого стало озадаченным. Он замер на месте, потом тяжело сел на стул с другой стороны стола и спросил:

— С кем это ты все порешал?

— С пацаном, что главный в этой группе был. Он все, что с уголовкой связано, из отчета уберет. Останутся пустяки, ради которых ОБХСС не придет.

Подумав немного, директор спросил:

— А как ты на него вышел?

Этот вопрос Артем заранее продумал и принялся беззастенчиво врать:

— Я не сразу, но вспомнил, где его видел — он к моему соседу пару раз заходил. Так что осталось спросить соседа, тот и адрес его дал. Книгами он с ним меняется.

Художественными. Москва — большая деревня. Так что я порылся в своих запасах, кое-что у Артура еще прикупил, да и пошел к нему в гости. Долго торговались, но сошлись на четырех тысячах. Я их сразу и отдал. Теперь у нас порядок!

Директор помолчал. Потом тяжело вздохнул.

— Тысячу тебе дам завтра, и на этом все. Дуришь ты меня, не мог такого возраста пацан такую сумму запросить. Это же полквартиры можно купить. А так — молодец, что вопрос решил.

Проводив Епихина, который не стал возражать против тысячи, директор сел за стол и задумался.

Артема за годы работы он изучил, как облупленного. Знал, в том числе, и когда он врет. В разговоре с ним точно понял две вещи. Вопрос он решил, и не за счет того, что его сдал, как он опасался — тогда бы он на него так спокойно и даже радостно не смотрел бы. Чувство вины голову вниз бы гнуло, актер из Епихина невеликий. Что дал четыре тысячи — соврал, меньше дал. Но что с этим пацаном из Комсомольского прожектора вопрос решил — это точно.

Получалось, что он поторопился к Сатчану бежать. На двенадцать тысяч рублей поторопился. Нет, тринадцать — тысячу придется еще Епихину дать, иначе обидится, и в следующий такой вот раз точно его сдаст.

Рассказывать Артему, что он тоже решил вопрос, но за намного большие деньги, директор не стал. Тот бы тут же начал изображать обиду, и говорить, что директор поторопился, он же обещал решить вопрос? Да и нос бы задрал, что он намного меньшей кровью разобрался, чем его начальник. А рассказывать ему ход своих мыслей, что он побоялся, что Епихин его органам сдал в обмен на свою свободу, тем более нельзя, незачем человеку подсказку давать на будущее.

Посидев еще немного, директор махнул рукой. Деньги легко пришли, легко ушли, не последние. Теперь нужно было обдумать другой вопрос. Сатчан ему в разговоре намекнул, что будь у него хорошая крыша, таких вот проверок не пришлось бы бояться. Вроде бы и без напряжения так намекнул, мимоходом, но нюх директора говорил ему, что он встретился с акулой, которая уже почуяла кровь в воде. Сейчас-то он вопрос с ним решил полюбовно, но нет никаких гарантий, что через полгода-год тот же Сатчан не пришлет в парк уже что-то посерьезнее, чем Комсомольский прожектор, его отправит на нары, а вместо него поставит кого-то, кто с удовольствием примет комсомольского начальника, как крышу.

Вздыхнув, Степан Архипович понял, что выбора, собственно, и нет. Надо на следующей же неделе пойти снова ко второму секретарю, обсудить вопрос долговременного сотрудничества. Деньгами придется делиться? Да пустяки, спокойствие и свобода намного дороже. Здоровья больше с годами не становится, еще одна такая проверка, и на скорой поедет в больницу. И не факт, что успеют спасти.

•
○ *

Сели с Галией, приятно успокоившейся после того, как вся эта ситуация с Епихиными разрешилась, почитать книжки да расслабиться, суббота все же, как вдруг зазвенел звонок. И я с удовольствием отметил, что Галия без прежних проблем и опасений рванула подымать трубку. Фух, быстро она у меня в себя приходит!

И даже поболтала немного, прежде чем меня позвать. Я даже заинтересовался, с кем это она так по-дружески разговаривает? Явно же мужик какой-то? Художник, что ли, с ее потока?

— Паша, тебя Павел Сатчан, — наконец, раскрыла она интригу.

Удивленный, подошел к телефону. Обычно по выходным мы не пересекались. Разговоры у нас все же не совсем телефонные. Если ищем друг друга по какому поводу, то обычно лично встречаемся.

Вот и в этот раз Сатчан был краток и спросил, можем ли мы сегодня же пересечься в городе? Раз такое дело, то я дал согласие. Договорились через час встретиться в ресторане «Прага». Как мы внутри попадем, я не спрашивал — понимал, что связи Сатчана вопрос решат.

Пятерка перешла из рук в руки, и вскоре мы уже сидели за столиком.

— Оливье тут неплохой, да лангеты бывают хорошими, но это зависит от повара, — порекомендовал мне Сатчан, — впрочем, сам выбирай, я угощаю, раз сам пригласил в выходной.

Подошел официант, я заказал, что он порекомендовал. Смысл мне оригинальничать, Сатчан наверняка тут точно знает, что повкуснее. Сам я разговор начинать не спешил, лучше послушаю вначале, что он мне скажет. Я же даже не знаю повод, по которому мы собрались.

Официант ушел с нашим заказом, Сатчан оглянулся и сказал мне, перейдя на шепот:

— Инициатива твоя по таксопарку мне очень понравилась. Скажи, тебе очень обязательно сажать того урода, что Галию обидел, или мы можем договориться по более мягкому варианту?

Я даже отвечать не стал сразу. Мгновенно сообразил, что Сатчан уже умудрился клювик окунуть по поводу таксопарка. И когда успел? Всего ничего же прошло! Ну и жук! А себя я похвалил за то, что не стал сам начинать разговор на эту тему. Прикидывал все, как Сатчана уговорить, чтобы он дело замял на минималках. Вот хохма — это он меня теперь это сделать уговаривает! Сколько же ему отстегнули, и кто? Хотя это вопрос не сложный... Если бы до него добрался Епихин, то он бы ко мне откупаться не пришел. Значит, однозначно — директор! И сколько же он ему отстегнул? Не пацану молодому, а целому второму секретарю комсомола важного района Москвы... Ну, меньше чем о десяти тысячах речь вряд ли зашла, зная Сатчана.

— Договориться, конечно, можно, если тебе это нужно, условия только должны устраивать, — вздохнул я и поморщился, демонстрируя, что моя договороспособность дается мне нелегко. — Уж лучше бы посадить негодяя...

— Две тысячи тебя устроит? — тут же перешел к конкретике Сатчан, — почти за два года сразу по квартире выплатишь, что должен. Жить легче будет.

Я помолчал, снова вздохнул. Потом сказал:

— У Галии день рождения скоро. Лучше бы три тысячи. По квартире вперед выплачу, да куплю ей что-нибудь золотое, да с брюликами.

Сатчан рассмеялся. Сам хитрован, он любил, когда другие люди тоже демонстрировали это качество. Казалось бы, по деньгам мое предложение не в его пользу, но я же знаю, что у него этих денег завались. Уже сейчас, когда он совсем еще молод. Небось и не знает, куда такую прорву потратить. СССР же, начнешь шикавать, тут же кто-нибудь анонимку в органы пошлет с просьбой проверить на нетрудовые доходы и аморальный образ жизни. Ни тебе швейцарских золотых часов поносить, ни иномарку купить... Про скупку квартир и домов вообще молчу — это все фиксируется, и, если зарваться, без последствий не останется.

— Хорошо, три тысячи, ты славно поработал. Две я тогда за твою квартиру сам передам, а тебе тысячу наличными дам.

Принесли еду, мы занялись ей. Салат оказался не фонтан, я сам лично могу вкуснее приготовить. Картошки переложили, экономисты хреновы. И вареной морковки перебор, а вот соленых огурчиков, как раз, нехватка. Ну хоть не с рисом, а то уже и такой вариант пару раз попадался. Для меня оливье с рисом — вообще нонсенс. А вот с лангетами повезло — тонюсенькие отбивные не пережарили, зашли на ура.

•
○ *

Квартира Епихиных.

Вернувшись домой, Артём застал домочадцев в подавленном настроении. Даже дети сидели необычно тихие и смотрели на него испуганно. И у Марии глаза заплаканные и виноватые.

Перемудрил он, похоже, страху на всех нагнал. Но до жены по-другому не доходит. А детей, конечно, жалко.

— Уладил вроде. — сказал он. — Но обошлось дорого. — строго посмотрел он на жену.

У той на нервной почве глаз задёргался. Ну, сама виновата. Вечно в каждой бочке затычка. — с досадой подумал глава семейства.

Епихин почувствовал, как камень с души свалился и достал начатую бутылочку коньяка.

— Мы обедать сегодня будем или нет? — строго посмотрел он на жену.

•
○ *

Вечером в субботу выгулял жену, Тузика и Родьку, проводил его домой к деду и вспомнил про звонок Инны.

— Так, чего ты пропустила приём у врача? — мягко, но настойчиво спросил я жену. Я, конечно, все понимаю, почему. Но надо как-то настоять на том, что такие визиты все же нужны. Не к Инкиной протее, когда она обязательно тоже прискачет пообщаться, так к

другому специалисту.

— Что-то мне не хочется туда ездить. — начала оправдываться Галия.

Ну, раз оправдывается, то все хорошо. Сама понимает необходимость этих посещений. Не стал настаивать, жену понять можно. Инна с самого начала задала неверный тон их взаимодействию во всём, что связано с беременностью Галии. Кому понравится, когда твое мнение ни в грош не ставят?

— Ну, не хочешь к Инне ездить, не надо. — согласился я. — Придумаем что-нибудь...

Галия при этих словах облегченно вздохнула и улыбнулась. Переживала, похоже.

Такс, если я правильно помню, у Сатчана жена гинеколог. Пойду к нему с отчётом по таксопарку, поинтересуюсь. Вернувшись домой, приступил к оформлению результатов проверки. Во-первых, Сатчан их ждёт. И мне повод нужен про жену с ним поговорить.

В отчёте указал только про нарушения техники безопасности в ремзоне: разлитую отработку на полу и грязь. Предположил, что машины в ремзону, минуя мойку, попадают. Больше ничего указывать не стал. Такой отчёт и привёз Сатчану в понедельник после пар.

— Как всегда отлично! То, что надо, — одобрительно кивнул он, пролистав бумаги. После чего положил отчет на стол, а мне протянул с многозначительной улыбкой конверт. — По команде моей прожекторской можешь что сказать? Как тебе наши комсомольцы?

— Молодые, зелёные, необстрелянные. — ответил я, как есть, мельком глянув в конверт и спрятав его в портфель. — Но с интересом и желанием. Поднатаскать их надо и будут работать.

— Вот и займись! — поймал меня на слове второй секретарь. — Походи с ними по проверкам иногда, научи уму-разуму.

Меня, в принципе, такая постановка вопроса более, чем устраивала. Периодические консультации — это совсем не то, что регулярное участие в рейдах. А то, когда Сатчан заговорил о своём Прожекторе, я, признаться, сначала испугался, что он предложит мне его возглавить. А это в мои планы на ближайшее будущее не вписывалось от слова совсем.

— Хорошо. — согласился я. — У Савостюка есть мой номер, пусть звонит в любое время. И надо бы их обеспечить хорошим фотоаппаратом, плёнками и к фотолаборатории какой-нибудь прикрепить.

— Думаешь? — с интересом посмотрел на меня Сатчан.

— Конечно. Фотофиксация нарушений удобна и с точки зрения последующего анализа, и солидности команде прибавляет.

— Согласен. — усмехнулся он и тут же принялся себе в перекидном календаре пометки

делать. — Кстати, у меня день рождения двадцать первого февраля. Планируем двадцать третьего собраться у меня дома с друзьями. Приходите с женой. Буду очень рад вас видеть.

О как! И напрашиваться не пришлось. На дне рождения познакомлю Галию с женой Сатчана и попрошу взять её под своё крылышко.

Пообещал быть непременно и сразу начал думать о подарке. Чем можно такого человека удивить-порадовать? Хорошей книгой? Сразу вспомнился томик воспоминаний Жукова, который начал перечитывать на днях.

— О, чуть не забыл. — хлопнул себя по лбу второй секретарь. — За гостинцами из типографии недели через две можно будет опять заехать.

— Ну, ещё не раз созвонимся или увидимся до этого времени. — предположил я.

Типография... Ну да, ну да, подзабыл... Книга в качестве подарка отпадает. И что дарить? Опять алкоголь? Ну, время есть ещё подумать.

•
○ *

Вечером нам домой снова позвонил Сатчан. Трубку поднимала Галия и выглядела потом весьма удивленно, передавая ее мне. Я и сам немного опешил. Зачастил что-то мой негласный начальник с контактами.

— Можешь выйти к подъезду? — без предисловий огорошил меня второй секретарь.

— Да. Минуту дай. Сейчас оденусь и спущусь.

Офигеть. Что там уже случилось?

Когда я вышел из подъезда, Сатчан уже прохаживался у него. Вид у него был сосредоточенный и встревоженный. Он сделал мне приглашающий знак рукой, и мы пошли потихоньку в сторону проспекта Мира, выбирая дорожки, на которых было поменьше прохожих.

— Тебе надо будет на меховую фабрику подъехать. Срочно! — сказал Сатчан.

— Конечно, договаривались же уже, что, как освобожусь, смогу заняться. Я кое-что уже и прикинул предварительно. — ответил я, и не удержался от того, чтобы не полюбопытствовать, — А что, уже есть проблемы?

— Ну да... Проверка там намечается... Углубленная, с пристрастием. — поморщился второй секретарь.

— Что значит, с пристрастием? — почуяв неладное, уточнил я.

— То и значит. — Сатчан начал раздраженно жестикулировать. — Думаешь, мы одни такие умные? Сели на меховой фабрике раз и навсегда? Свои права отстаивать надо!

О, как заговорил. Никак, конкурирующая группировка на фабрику наехала?

— Давай начистоту. Что происходит? — спросил я.

— Фабрику у нас хотят забрать. — тихо проговорил Сатчан. — Что непонятного!

Глава 16

г. Москва,

— Теперь понял. Кто? Как?

— Кто, кто... Другой район. Как?.. Как всегда: снять наше руководство под любым предлогом и поставить своё.

— Тогда это война. — на полном серьёзе сказал я. — Было бы желание, а предлог всегда найдётся.

— Всё равно. Поезжай на фабрику и осмотри там, чтобы очевидных нарушений не было и подсказки, как лучше концы в воду спрятать.

— Кто будет проверять? ОБХСС? — предположил я. — Там спецы есть. Прячь, не прячь свои концы, докопаются, если задачу им такую поставят.

— Вот, сделай так, чтобы копались очень долго.

— И когда это надо?

— Уже.

— И сколько у нас времени?

— Пытались решить вопрос, не доводя до проверки. Но не получилось. Поэтому времени нет. В любой момент могут нагрянуть. Завтра же займись.

— Хорошо. Сделаю, что смогу. Но, ещё раз повторяю: при желании повод всегда найти можно. Тут на другом уровне решать проблему надо.

— Сам знаю. Работаем над этим.

— Хорошо, пропущу занятия, и с самого утра туда, — согласился я, — договорись, чтобы меня ждали к девяти на проходной.

— Встретят, как родного! — пообещал Сатчан.

Попрощался с ним и резво рванул обратно домой. Оделся не очень тепло. Думал, что ненадолго выйду.

Пришлось сбежать с пар, чтобы подъехать на меховую фабрику, как сказал Сатчан. Хорошо, что после того, как преподаватели узнали о моих лекциях по линии «Знания», да этой конференции с иностранцами, преподаватели относиться ко мне стали совсем иначе. Явно часто меня между собой обсуждают, видно по их уважительному ко мне отношению.

Меня встретил новый главный инженер. Немногословный высокий мужик лет сорока пяти, представился Рафиком Ризвановичем. Сопровождал меня везде. Мы с ним прошли по приемке сырья, по производственному учёту в нескольких цехах. Тут было несколько моментов, на которые я сходу обратил внимание. В плане схемы ничего не поменялось от слова совсем. Работали нагло и тупо.

— А вы знаете, на чём предыдущая команда погорела? — разочарованно спросил я Рафика.
— Вот на этом! — Показал я ему входящие и исходящие бумаги по смене. — Что в цех зашло? Цельные шкуры. А что вышло? Рога и копыта... Кто так работает?

Рафик подробно за мной записывал. Что сейчас записывать? А раньше ты о чём думал? Зла не хватает...

В остальном нужен был подробный анализ, требующий времени и хоть какого-то штата подготовленных сотрудников.

На всякий случай, проконсультировал его ещё по сдельной оплате труда рабочих. Но это уже когда мы зашли к главбуху и за закрытыми дверями обсуждали методику двойного учёта.

— Вы должны быть готовы к тому, — инструктировал я их. — что количество оплачиваемых работникам производственных операций какой-нибудь дотошный проверяющий сравнит с официальным выпуском продукции или полуфабриката. Ваша задача не допускать расхождений. То есть, вышло из цеха сто шкур, значит за выделку рабочему должны официально оплатить сто соответствующих операций и не больше.

Профессионалу долго объяснять не пришлось. Она сразу всё поняла и стала объяснять Рафику. Обещал заглянуть к ней в среду уже после занятий, ответить на вопросы, если какие возникнут и оставил их обсуждать, на каких участках необходим двойной учёт.

Очень мне не хотелось лично участвовать в организации чёрной бухгалтерии. Во-первых, у меня и времени на это нет, а во-вторых, консультации это одно, а непосредственное участие в криминальных схемах — это совсем другое. Поташат этих ребят в ОБХСС, если у Сатчана не сростется, у них сразу языки развяжутся.

После фабрики позвонил Сатчану, сказал, что выезжаю к нему, попросил дожждаться.

— Ну, скажу я тебе, дураков ничто не учит! — сходу начал я при встрече. — Те же схемы, тот же бардак. Ничего не изменилось. Кто так работает! Отчет же по прежней проверке есть.

Хотя бы это надо было исправить!

— Но ты меры принял? — обеспокоенно спросил он.

— Кое-какие меры уже приняли. Что-то будет сделано в ближайшие дни. Но окончательное закрытие вопроса потребует времени. Производственные наряды хранятся полгода, так что сказать, что весь учёт переведен на новые рельсы, можно будет только через полгода.

— А нельзя это как-то ускорить? — поинтересовался второй секретарь.

— У людей и так работы прибавилось из-за второго комплекта документов на некоторых участках. — пояснил я. — А создать документы задним числом за полгода — это очень трудоёмко и нужен целый штат.

— Но возможно? — уточнил Сатчан.

— Всё возможно. — пожал плечами я. — Деньги решают всё... Сделать хотя бы один месяц назад, и уже спокойней спать все будут.

— А лучше два. — подсказал он.

— Ещё лучше до прошлой проверки. Дальше копать, ничего не обнаружив до этого, никакого смысла. Там уже все в материалах суда зафиксировано, и в уголовных делах.

— Большой объём работы? — поинтересовался второй секретарь. — Сколько времени понадобится?

— Смотря для какого количества человек? И какая у них будет подготовка?

— А какая нужна подготовка?

— Бухгалтерская, разумеется. — пожал плечами я. — Нужно же понимать, что в новых документах должно быть, чтобы соответствовало официальному выпуску фабрики.

— Ладно. Обсудим... Главное, есть, что предложить...

Готовится к совещанию своей группировки по фабрике. — догадался я.

— В среду договорились с главбухом фабрики, что я загляну к ней после пар. — сообщил я.

— Но, если раньше надо будет, звоните.

— Разумеется. — кивнул Сатчан.

— И еще один момент, — сказал я, — фамилию я свою нигде не называл. Давай договоримся, что и ты ее светить не будешь. И с теми, кого буду обучать по документам. Просто Паша. Тут их, в Москве, сотня тысяч, наверное, найдется, пусть ищут, если что не так пойдет.

— Понимаю, — согласился Сатчан, — договорились.

— Ну и по оплате моей работы. — продолжил я, — сразу скажу, готов взять шубами.

Сатчан кивнул. Ну а что ему еще оставалось? Сразу мне долю не дали, пусть теперь страдают. Квартиру же не бесплатно выделили после той проверки. Вот если бы бесплатно, я бы сейчас и не поднимал этот вопрос. А так — шубка Галие точно не помешает. И маме тоже. Еще бы бабушкам, но сразу понимаю, что это не вариант — не возьмут они такой подарок. Что я только не выслушаю при такой попытке, и про то, зачем дорогая шуба в деревне, и про то, что ограбить кто-нибудь захочет, если такую шубу увидит. Так что нечего и связываться. Да и больше двух шуб Сатчан точно не даст, тоже понятно.

Мы попрощались, и я поехал домой.

•

○ *

Во вторник вечером позвонил майор Круглов, адъютант генерала Балдина.

— Вас через три дня ждут на курсах вождения. — напомнил он. — Что, жена не передумала учиться? — не скрывая своего любопытства, спросил он.

— Она-то, может, и не передумала, только я уже не уверен... — ответил я, совсем забыв о курсах за всеми хлопотами.

— Ну, начинается! — недовольно ответил Круглов. — Зря, получается, я поспорил, что она экзамены сдаст?

— Обстоятельства сильно изменились. — объяснил я. — Форс-мажор.

— Ну, в любом случае, тебе уже надо приступать к занятиям.

— Хорошо. Спасибо. — поблагодарил его, выслушав подробные инструкции, где и когда я должен срочно появиться.

— Кто звонил? — полюбопытствовала жена, когда я положил трубку.

— От генерала Балдина, его адъютант. Напомнил, что курсы вождения уже начались. Я забыл про них совсем...

— О! Здорово! — воскликнула Галия. — И когда начинаем?

— Что начинаем? Ты беременна, не забыла? Куда ты собралась?

— Я только чуть-чуть ещё беременна. Это не мешает мне учиться. — заявила жена.

— Дорогая, как ты себе это представляешь? Как ты, беременная, будешь в кабину ЗИЛа

забираться?

— Не знаю. — беззаботно взглянула она на меня. — Но, если не попробую, потом буду жалеть. В конце концов, ты поможешь мне войти и выйти из кабины.

Ну что же, может, и нормально все пройдет? По крайней мере, я сам эту кашу заварил, и нехорошо будет теперь давать отбой.

— Через неделю у тебя день рождения. — решил я сменить тему. — Как бы ты хотела его отметить?

— Ну, пригласим Машу с Витей, Диану с Фирдаусом...

Про Жариковых ничего не сказала... Забыла? Или настолько не хочет их видеть у себя на празднике? Ну, я точно не буду настаивать. Тем более, что они даты ее дня рождения и не знают, снова сами себя не пригласят.

•
○ *

После пар собирался на меховую фабрику, обещал же навестить главбуха. У неё такие вопросы могут возникнуть, что только за закрытыми дверями наедине обсуждать.

Но на обеде меня поймал Борщевский.

— Самедов нас собирает после пар сегодня. — озабоченно сообщил он. — Сообщи своим.

— А по какому поводу? — решил сразу уточнить я.

— Не знаю. Он не сказал. — ответил Борщевский. — Мне ещё Машку надо найти. Побегу.

Когда собрались, Самедов объявил будничным тоном, что нас ждёт очередной рейд в конце недели.

На меховую фабрику!.. Снова!

Чуть не поперхнулся, услышав это! Так вот, кто под Пролетарских копает!

А мне что делать?

Интересное на этом не закончилось. Самедов остальных отпустил, а меня попросил остаться.

— Павел. — не вставая с места, показал он мне пересесть на ближайший от себя стул. — На фабрике там повнимательнее. Там полно нарушений, я уверен.

— А сигнал-то какой? — сделав невинное лицо, спросил я.

— Сигнал — указание сверху. — откровенно заявил Самедов, возможно думая, что это похоже на шутку. Но в свете известных мне фактов...

— Хорошо. Посмотрим повнимательнее. — спокойно ответил я и встал, собираясь уходить.

— Стой. — остановил он меня. — Ещё одно дело есть. Присмотри за Борщевским. Что найдёт, что в отчёт потом войдёт... Ну, ты меня понял.

— Понял. — кивнул я.

Самедов взялся за какие-то бумаги на столе, демонстрируя, что со мной он закончил.

Вышел от него сильно озадаченный. Значит, ОБХСС поначалу не будет. Опять руками комсомольцев грязную работу сделать собрались.

Ладно, к Сатчану всё равно сегодня собирался после фабрики. Обсудим ситуацию. На самом деле, ерунда какая-то выходит, вторая проверка Комсомольского прожектора за несколько месяцев на одну несчастную фабрику?

У главбуха пришлось задержаться надолго. Ей уже прислали команду из трех молодых бухгалтеров, которых я начал обучать всем нюансам. Через три часа отбыл, убедившись, что работа пойдет в нужном направлении. Оставалось только надеяться, что девчата в будущем будут языки за зубами держать. Впрочем, не удивлюсь, если это все родственники или дети близких друзей сатчановской команды. Так все повязаны, что понимают цену молчания.

Приехав к Сатчану, первым делом рассказал ему про планируемый рейд МГУ-шного Прожектора на меховую фабрику.

— Так, значит. — изумился Сатчан. — Не смогли ОБХСС привлечь пока... Тем лучше. Это хороший сигнал. А то я уж волноваться начал...

— Что делать с рейдом-то? — спросил я. — Это же ненормально второй раз ту же команду на фабрику натравливать. Спустя несколько месяцев всего.

— А кстати, да! — с энтузиазмом ухватился за эту мысль Сатчан и резво куда-то засобиравшись, похоже, к начальству на доклад. — Держи меня в курсе. — крикнул он, уже убегая.

Даже не успел доложить ему о посещении сегодня главбуха фабрики. Но, похоже, они и так связь держат.

•
○ *

Кабинет первого секретаря Пролетарского комитета комсомола.

— Ну, что скажешь? — спросил первый секретарь, глядя на Сатчана, влетевшего в кабинет и

не скрывающего прекрасное настроение. — Вижу, есть что рассказать.

— Есть, есть. — уселся без приглашения за стол перед ним тот. — Есть информация, что проверку планируют провести силами того же Комсомольского Проектора МГУ, что и в первый раз. Только теперь уже по собственной инициативе.

— Да ты что! Это же нелепо. Недавно же был рейд. По его итогам отработало ОБХСС, посадки были... И вот опять? — расслабленно откинулся в кресле первый секретарь и скривился в едкой ухмылке. — Товарищи повторяются.

— А я о чём! — воскликнул довольный Сатчан. — От этой проверки мы враз отобьёмся! Она даже не начнётся.

•
○ *

Вернувшись домой, застал у нас Анну Аркадьевну. Оказалось, зашла позвонить и зацепилась с Галией языками. Они сидели и, как две кумушки, гоняли чай у нас на кухне, несмотря на разницу в возрасте. И между делом договорились о стенке нам в большую комнату.

Аж крикнул, когда об этом услышал.

— У меня немного другие планы были, если честно. — ответил я. — Холодильник сначала, потом стиральная машина, потом диван, а уже потом всё остальное. Как деньги появятся.

Опасно супруга разбежалась. Надо укорот делать. Мне не нужны сплетни среди соседей, что молодая семья влегкую каждый месяц дорогими предметами быта обживается, словно коммунизм уже наступил, и все это бесплатно раздают. Лучше медленно, но без всяких анонимок... И я выразительно взглянул на жену.

— Так это и не сразу будет. — поспешно добавила Анна Аркадьевна и свернула по сиделки.

Галия проводила её и я тут же провел с ней воспитательную работу. Что надо быть скромнее и не привлекать к себе излишнее внимание. Одно дело, когда люди старую мебель завозят, тут всем все равно. А вот если новую — то весь подъезд будет гудеть, обсуждая. Зачастим с этим делом — можем ненужное внимание привлечь. К нам уже этот один телефон внимания привлек до кучи, надо хоть пару месяцев лишить соседей поводов нам косточки обсасывать. Ну и напомнил про то, что нам на машину собирать надо. Не так и долго ждать осталось, как Фирдаус доучится, и я смогу приобрести его Волгу перед отъездом. Цену мы с ним пока так и не обсудили, так что лучше собрать побольше денег само собой. Буду откладывать то, что раньше за квартиру передавал через Сатчана, да еще и тысячу добавлю к прежним сбережениям, что недавно от него получил.

Согласившись со мной, и пообещав иметь это в виду на будущее, жена усадила меня ужинать, восторженно пересказывая рассказы художников про Испанию и Барселону. Очередной урок, похоже, сегодня был.

— Что Ксюша-то на работе, заметила, что ты уроки берёшь? — спросил я жену.

— Она заметила, что я понимать её терминологию начала. — рассмеялась Галя. — Мне ещё очень Иннокентич помогает, наш художник старый.

— Ну, и отлично... Выходные скоро. Планы есть какие? — спросил я.

— Гостинцы бы надо бабушкам отвезти. А то я отложила им, а как передать?

— О, молодец, что напомнила! За город, значит, поедем. Это хорошо. Обстановку сменим. А с Тузиком Родьку попросим гулять, они уже освоились оба. Надо будет только ключ ему оставить. — решил я.

До конца недели всё ждал, когда Самедов объявит рейд на меховую фабрику, но уже наступила пятница, а нас так и не собрали. Увидев в столовой Борщевского, помахал ему рукой, типа, не уходи дело есть.

— Хотели с женой сегодня в деревню на выходные рвануть. — протягивая руку, сказал я. — Что там с рейдом-то? Будет сегодня что-нибудь? А то все молчат...

— Да я сам ничего не понял. — пожал плечами Кирюха. — Вчера ходил к Фархатычу, хотел уточнить заранее, а то ж всех найти надо, предупредить. А он как зыркнул на меня. Не будет никакого рейда! — рыкнул. Ну не будет, так не будет. Я быстренько смылся от греха подальше.

— Ну и правильно. — усмехнулся я. — Первая заповедь солдата: подальше от начальства, поближе к кухне.

Мы пожали друг другу руки на прощанье. Вот так и надо вопросы решать. — подумал я. — Вместо того, чтобы готовиться к проверке, просто взяли и отменили её. Сильны, сильны! Но все ли на этом? Взять реванш у группировки Самедова сейчас не получилось, но, уверен, это не значит, что они утрутся и на том успокоятся. Сто процентов, будут другие варианты искать. И если они ОБХСС все же подключат, мало никому не покажется. И главное, в этот момент не оказаться вовлечённым в тамошние дела.

Глава 17

г. Москва

Бабушек не предупреждали, что приедем, сюрприз хотели сделать. Сюрприз получился... Для нас с женой. Жариковы тоже решили эти выходные в деревне провести.

Сначала всё было хорошо. Мы обнялись обрадовано, обменялись новостями. Бабушки разбирали нашу сумку под пристальным наблюдением Инны, часть гостинцев сразу на стол выложили. Настроение у сестры заметно испортилось.

— Я что-то вообще ничего не понимаю. — скрестив руки на груди, повернулась ко мне она.

— Вы о чём думаете?

О, началось... — подумал я, пытаюсь понять, на чём её в этот раз перемкнуло.

— У тебя жене рожать, а вы к врачу не ходите, даже не звоните. — выдала она с претензией в голосе.

И подарки не носите. — додумал я за неё.

— Знали бы, что вы тоже здесь будете, и вам бы конфет захватили. — попытался разрядить обстановку я.

— Так мы поделимся... — тут же предложила Никифоровна.

— Да причём тут конфеты! — возмутилась сестра. — Я вам про серьёзные вещи, а вы!..

Сестра психанула и выскочила из кухни обиженная. На ровном месте с пол-оборота завелась. Сейчас с ней бесполезно разговаривать. Успокоится немного, объяснюсь с ней, что другого врача жене нашёл. Надеюсь, у Сатчана жена посерьёзней окажется, чем моя сестра, и потактичней. Всё-таки, мы с женой ей совершенно чужие люди, и такое беспардонство она позволять себе не будет. Надеюсь, так-то я её совсем не знаю.

Вечер прошёл в немного нервной атмосфере. Инна разобиделась, да так разобиделась, что даже к столу не вышла. Пётр ходил к ней в комнату звать, но она сказала уставшей и не вышла. Ну, на нет и суда нет.

Пётр посидел с нами, поужинал и очень скоро к жене ушёл. Мы же остались болтать. Трофим пришёл на огонёк. Очень душевно вечер провели.

На утро Инна вела себя как ни в чём не бывало, своё беспокойство о здоровье Галии никак не проявляла. Похоже, Пётр ей мозги вставил, типа, они взрослые люди, сами знают, что им делать, один раз сказала и хватит.

Мы с женой, тем более, не возвращались к теме вчерашнего с ней разговора. Сама всё поймёт, когда Галия и на этой неделе у неё не появится.

По негласному соглашению сторон провели выходные в прекрасной, спокойной семейной обстановке.

Погода выдалась чудесная, слегка подморозило и было много солнца. Много гуляли и сами с женой, и с Жариковыми вместе. Напрашивалась прогулка на лыжах, но вот беда — снега практически не было.

Инна рассказала, что встала на очередь в ясли, как только заберёт малую, сразу её пристроит. Ей, как жене военнослужащего, навстречу пошли и летом уже место обещали.

Пётр рассказывал, что у них кооператив гаражный от института создают. Но принимают

туда только владельцев транспортных средств.

— Так а что ты тормозишь? Купи мотоцикл и вступай! — подсказал я.

Насколько я помню тот район, под гаражи их НИИ может получить территорию у Джамгаровского пруда, а там ГСК пережил все расширения МКАДа и периоды Лужковской ковровой застройки города. Отличный актив. Освоится там, глядишь, со временем и мне гараж там поможет купить. Надо его надоумить в председатели кооператива пробиваться, ну, в правление, для начала...

— Да? А зачем? — не понял меня Пётр.

— Мотоцикл зачем? Или гараж? — с усмешкой спросил я.

— И то, и другое.

— На мотоцикле с коляской будешь картошку из деревни возить. А не надо будет, продашь. Как, собственно, и гараж. Это — активы. Чем больше у тебя активов, тем легче выжить в сложных ситуациях. Мало ли что в жизни случится? Короче! Бьют — беги, дают — бери. Понял?

— Понял. — согласно улыбнулся зять.

Авось, сделаю из него, ныне крайне мало сведущего в финансах, хоть немного ориентированного на рынок человека. Чтобы не сломался, когда Горбачев страну разрушит, под гнетом огромного количества изменений. Да и я тоже понятия не имею, буду ли жив к тем временам. Жизнь, она штука совсем непредсказуемая, кому, как не мне это понимать... А Петр будет заботиться о моей сестре и ее детях, так что должен уметь копить активы уже сейчас, они помогут выжить им в девяностых. То, что мы с Инной друг друга не понимаем, и из-за ее беспардонности я вынужден от нее дистанцироваться, не означает, что мне безразлична ее судьба.

Возвращались мы в Москву все вместе вечерним автобусом. Бабушки всучили нам по сумке с картошкой, тушёной, ещё чем-то. Пока держал сумку на коленях в автобусе, учуял из верхнего газетного свёртка запах копчёностей и всю дорогу наслаждался.

Пётр, пока ехали, несколько раз возвращался к теме покупки мотоцикла. Через проход в салоне автобуса обсуждали с ним, где купить, сколько он может стоить. Инна тоже свои пять копеек вставила: настаивала, что если покупать мотоцикл, то только новый. А где его взять, новый-то? Небось, тоже дефицит, как и многое другое... Петр мои предположения подтвердил — дефицит... особенно импортные. Самые лучшие сейчас — Явы чешские.

Короче, решили с ним проехаться по магазинам для начала. Разведать, что и как. В очереди стоять у нас времени нет, мотоцикл нужен срочно. Новый, с коляской, желательно та самая Ява.

Сразу уточнил, сколько у них есть денег. Потому как, возможно, заплатить придётся

полторы-две цены. Пётр прекрасно это понимал, и я сосредоточился на том, как достать такой дефицит.

По вторникам и четвергам у меня возобновились лекции от «Знания». Поэтому договорились с Петром встретится завтра, в понедельник, не откладывая. Он отпросится с обеда со службы и встретит меня возле универа. А я сегодня позвоню батю, узнаю, где сейчас мотоциклы продают. Помнится, при спортивных магазинах раньше были такие отделы. Но в какие годы это было? Убей, не помню.

Батя подтвердил моё предположение про соответствующие отделы в спортивных магазинах. Даже вспомнил, навскидку, несколько магазинов в нашей части города и обещал поспрашивать у коллег, где ещё есть такие магазины в других районах.

На следующий день на парах Лёха доложил мне, что у них уже собралась команда для стройотряда из четырёх человек: он сам, наш староста Булатов, Ираклий и Сёма Давыдов. Оказалось, это и был тот вопрос, по которому Булатов и Ираклий хотели со мной побеседовать, когда я куда-то спешил. Я так понял по их поведению, что цели у них были разные. Булатову тупо были нужны деньги. А вот Ираклий, парень из совсем небогатой семьи, увидел в студотряде прекрасную возможность повысить своей рейтинг в университете. Ему нужна очень хорошая характеристика от МГУ, чтобы с ней карьера дальше выстраивалась безукоризненно. А участие в комсомольском стройотряде в деканате и при последующем трудоустройстве очень ценится. Тут тебе и некоторый опыт практической работы у выпускника, и желание помочь экономике страны, и демонстрация активности с его стороны — вместо того, чтобы валяться летом на диване, нашел себе работу. Хотя, конечно, и от денег он отнюдь не откажется.

— Хватит столько? — спросил меня Лёха.

— Откровенно мало. Желательно побольше людей иметь, хотя бы человек девять. — вспомнил я, как Олег соскочил в Святославле с работы после первого же дня. — Вдруг кто-то не сможет работать, по какой-либо причине.

— И где мне их искать?

— Здравствуйте, приехали! Ты чего, Лёх! Элементарно это делается. Сделай объявление на перемене, сразу, как преподаватель выйдет из аудитории. Я просто уверен, что на нашем курсе полно студентов сидят с дырой в кармане. Ты еще и отбиваться от лишних будешь. Это тоже важно — тех, про кого знаешь, что они халявщики, ни в коем случае в отряд не бери. А то они потом на шею тебе сядут, ножки свесят и придется за них работать, чтобы заказчика не подводить.

Он взглянул на меня с сожалением, явно чувствуя себе не в своей тарелке в роли начальника. Ну, в этой роли не всем комфортно, верю. Но учиться взаимодействовать с людьми с позиции старшего, всё же, надо. Пусть, преодолевает себя. Попросто уверен, что после МГУ не получится у него долго в подчинении ходить. Парень он толковый, обязательно заметят это, поставят начальником. Хочет он или не хочет. И лучше ему уже иметь хоть какой-то

руководящий опыт, чем мекать и бекать, боясь собственных подчиненных. Они же тоже этот страх быстро почувствуют, и устроят ему веселую жизнь.

Да и Светка сейчас ему в глаза смотрит и ластиться. Милая очаровашка, вся такая нежная и послушная! Но характер у нее будь здоров! Не захочет сам, она будет его толкать в начальники, чтобы им гордиться, да и прибыток для семьи и детей большой иметь. Амбиций у нее полно, на двоих хватит! Впрочем, для Лехи это очень хорошо. Не секрет, что многих успешных людей «сделали» их жены.

Сразу же вспомнились почему-то Сахаров и Горбачев, которыми их жены манипулировали так лихо, что это замечали и все окружающие. Сплюнуть захотелось, не те это примеры успешных людей, что могли бы прийти на ум. Один под влиянием жены нанес мощный удар по родине, а второй и вовсе ее разрушил. Но это МГУ, место высокой культуры — плевать, конечно, не стал.

Встретившись после пар с зятем, сначала поехали в магазин «Спорттовары» у нас на районе. Выставочных образцов в отделе мототехники было полно, но ни один нельзя было купить. Попытались поговорить с продавщицей, но она не шла на контакт от слова совсем, даже пять рублей её не разговорили. Наоборот, она шарахнулась от нас, как от прокажённых. Может, Пётр в офицерской форме её напугал? Идея была совсем другой, армию сейчас очень любят, и я надеялся, что bravому офицеру кто-нибудь пойдет навстречу.

Выйдя из магазина на улицу, мы встали, разочарованно оглядываясь по сторонам. Пётр нервно закурил. Тут я обратил внимание на то ли сторожа, то ли дворника магазина. Мужичок в старой телогрейке курил у чёрного входа, сидя на деревянном ящике со скучающим видом.

Пока он не докурил и не скрылся в магазине, бросился к нему, вытаскивая деньги на ходу.

— Послушайте, уважаемый, подскажите нам, пожалуйста, — протянул я ему трояк. — как нам Яву купить без очереди? Срочно надо.

Мужик ухмыльнулся, взял трояк и сунул в нагрудный карман.

— Здесь вы ничего не купите. — сказал он. — Завоза надо несколько недель ждать. Может, завтра будут, может, через месяц. Это вам надо узнать, в каком магазине они есть, там и договариваться.

— А как узнать? — озадаченно спросил я, даже не представляя себе, как и с какой стороны к этому вопросу подойти. Сатчана можно, конечно, попросить — но очень не хочется. Этак я к нему в полную зависимость попасть могу, буду слишком ему обязан. Да и мне полезно сделать это самостоятельно — надо привыкать к СССР, научиться чувствовать себя тут как рыба в воде.

— Их в Москву по железной дороге привозят. Вот и следите, в какой магазин повезут.

— Ага... это интересно, — кивнул я. — но нужны детали.

— Так тебе мотоцикл или детали к нему нужны? — недоумённо посмотрел на меня мужик.

— Это я так выразился неудачно. Да, именно мотоцикл нужен.

— Ну так это самый простой вариант найти и купить.

— Фу-уухх... Самый простой... — озадаченно переминался я с ноги на ногу. — На какой, хоть, вокзал поезда из Чехословакии приходят? А в каком виде мотоциклы поступают? Они в контейнерах или как?

— В деревянных ящиках. Типа этого. — пнул он по ящику, с которого только что встал.

— Спасибо за подсказку! — сказал ему, поняв, что больше информации мне от него не добыть.

Мужик усмехнулся и взялся за ручку двери чёрного входа.

Я повернулся к зятю:

— Ну, что? Поехали на вокзал?

— Какой из девяти? — скептически глядя на меня, спросил Пётр.

О как! Недавно в город приехал, а в вокзалах уже ориентируется!

— На Киевский, скорее всего. — прикинул я направление.

На вокзале мы с зятем убедились, что поезда из Чехословакии приходят именно на этот вокзал. Заплатив рубль первому попавшемуся грузчику, спросили, где искать товарняки. Потратив ещё семь рублей, провели целую шпионскую операцию по обнаружению товарного состава из Чехословакии и, конкретно, вагона с мотоциклами в похожих ящиках. И нашли!!!

Проторчали возле него часа полтора на каком-никаком морозе, пока дожидались разгрузки. Руки в перчатках окоченели. Но время зря не терял и рассказывал Петру о преимуществах должности председателя гаражного кооператива.

— Сейчас эта работа на общественных началах, но придёт время, она станет худо-бедно оплачиваться. — объяснял я зятю. — Но главное — ты будешь в курсе, что и где происходит в вашем хозяйстве, кто что продаёт и так далее. Проявляй инициативу, постарайся попасть в правление кооператива. А там и до председателя дорастёшь.

Начало темнеть, наконец, подъехал грузовичок и остановился у нашего вагона. Водитель-экспедитор, мужик лет сорока с заливчатскими усами под Буденного, увидев нас, замёрзших и несчастных, слегка удивился.

— Что! Уж замуж невтерпёж! — смеясь, спросил он. — В магазине подождать не могли?

Замёрзшими руками протянул ему десятку.

— Друг, помоги! — взмолился я. — Мотоцикл нужен срочно! С коляской. Позарез надо!

— Ну, вы даёте! — усмехнулся он и охотно взял у меня деньги. — Ладно, поехали... Помогу офицеру, как не помочь! У меня брат уже майор, кстати...

Пока шла разгрузка-погрузка, он посадил нас у себя в кабине. В ней мы хоть отогрелись. В магазине мы оказались впритык к закрытию. Экспедитор велел нам обождать в торговом зале, а сам скрылся в кабинете директора магазина и сам там договаривался за нас. Наверняка и себя не обидел, конечно.

Заплатив полторы государственных цены, Пётр оказался владельцем двух деревянных ящиков, которые нам выставили у ворот магазина на заднем дворе. Счастливый зять побежал искать машину, чтобы перевезти это богатство на территорию своего НИИ. А я остался караулить ящики, очень довольный тем, что у нас всё получилось. Авантюра же чистой воды, если описать кому!

Но прокатило же! И поезд сегодня пришёл в Москву с мотоциклами. Может, конечно, их каждый день привозят. Но экспедитор вовремя появился, мы даже не успели насмерть там замёрзнуть. И в магазин мы до закрытия успели. А с другой стороны, машину в магазине должны же были дожидаться и товар принять? Должны. И вагоны надо было освободить, состав же не может долго стоять и ждать у моря погоды...

Получается, один наш маленький шаг в сторону своей цели потянул за собой всё остальное: череду то ли случайностей, то ли закономерностей. Но главное — в стране тотального дефицита получен нужный результат!

Пётр договорился с дежурным по части. Нас пропустили на территорию. Солдатики разгрузили ящики, мне даже не пришлось помогать при разгрузке. Знал бы, сразу домой поехал, а не сопровождал бы Петра к месту службы на этой Горгазовской развалюхе, что ему удалось тормознуть у магазина спорттоваров.

Расплатившись с водителем, мы выпустили машину через КПП в город и вышли с территории части сами. Пётр отдал мне всё, что я потратил на взятки во время нашей операции и сверху положил ещё десятку.

— На такси. — пояснил он и восторженно добавил: — До сих пор не верится, что мы сделали это!

— Аналогично. — взглянул на него, усмехаясь, я.

— Надо бы посидеть, обмыть это дело. — радостно предложил Пётр.

— Это обязательно. Но давай в выходные как-нибудь. — ответил я. — Сегодня мне к учёбе

ещё надо готовиться и лекция завтра...

Мы пожали друг другу руки на прощанье, он пошёл на автобус до ближайшей электрички, а я остался на дороге, голосуя.

В такси немного согрелся. Но все равно залез в горячую ванну, на всякий случай. После, всё ещё находясь под впечатлением от приключений сегодняшнего дня, жене сказал только, что задержался, потому, что помогал купить Жариковым мотоцикл. Без подробностей. Она и не интересовалась ими. Сказать по правде, я так и не понял: это мы с Петром такие целеустремлённые или, просто, везучие?

- - *

Мытищи. Офицерское общежитие.

— Ну Пашка твой, ну жук! — радостно ввалившись домой, сказал Петр жене.

— Случилось чего? — не поняла, как реагировать Инна, на такое вот утверждение.

— Только хорошее! — обнял ее Петр и поцеловал в щеку, — исключительно хорошее!

— Да что случилось-то, можешь сказать? — спросила насмерть заинтригованная Инна.

— Помнишь мы с ним в деревне и в автобусе уговаривались мотоцикл мне купить? И мы его купили! Никто в институте не поверит! С кем сегодня не говорил, все, как один твердили, что нужно генералом быть, чтобы Яву новенькую чешскую просто взять и купить, едва тебе захотелось.

— Да ладно? И как получилось?

Петр возбужденно жестикулируя, принялся рассказывать о событиях дня. Инна внимательно его выслушала, потом назидательно сказала:

— Вот ты внимательно смотри, что брат делает, и учись у него! Ершистый он, конечно, но смотри, какой верткий!

— Ну так смотрю и учусь! — ответил радостно Петр, — на выходных с ним обмывать будем.

— Ну, на это слишком не рассчитывай, Пашка почти не пьет.

— Мне и в этом на него ориентироваться? — усмехнулся Петр, и ответный взгляд жены ему не понравился. Сразу пожалел, что задал этот вопрос, не подумав.

- - *

г. Москва

В половину девятого зашёл Родька и мы пошли гулять с псом. Дед проводил нас, помахав в окно. А на обратном пути, вместо того, чтобы также символически помахать, он явно позвал нас подняться. Никак иначе его энергичные жесты я понять не смог.

— Это что, твой дед зовёт нас? — удивлённо спросил я Родьку.

— Не знаю. — настороженно ответил он.

Так... Может, дед хочет со мной обсудить что-то? Мы с ним как-то говорили о необходимости посещения школы и разговора с классным руководителем. Может, что-то по этому поводу решил мне сказать?

Поднявшись на этаж, мы увидели приоткрытую дверь и выглядывающего деда.

— Давайте, давайте, проходите. — беспокойно приговаривал он, сначала приглашая меня на с Родькой в квартиру, потом на кухню.

— Вот, полюбуйся, Паш. — положил он передо мной Родькин дневник и встревоженно уставился на меня.

«Прошу родителей срочно явиться к классн. руководителю» — прочёл я яркую красную надпись.

— А вы уже были в школе, Андрей Егорович?

— Нет. Только собирался...

— Родька, что ты натворил-то? — спросил я мальчишку, испуганно втянувшего голову в плечи.

— Частушки пел на перемене. — буркнул он.

— Ну-ка, напой нам. — потребовал я.

— Лужицы крови, косточки в ряд. Трамвай переехал отряд октябрят. — смущаясь, начал декламировать малой.

— И все? — посмотрел на него я.

Вздохнув, пацан продолжил:

— Дети в подвале играли в Гестапо. Зверски замучен сантехник Потапов.

— Ну, пока, ничего антисоветского. — взглянул я на шокированного деда глотающего воздух ртом. — Что с вами, Андрей Егорович?

— Это что такое! — наконец пришёл он в себя.

— Что такое?.. Хулиганские стишки. Черный юмор. Целое поколение на них выросло. Или ещё только растёт? — спохватился я. — Что ещё пел? — потребовал я, глядя на Родьку, чтобы отвлечь деда от своих слов.

— Маленький мальчик по озеру плыл. Сзади его догонял крокодил. Долго страдал крокодил-старичок: в жопе застрял пионерский значок.— уже немного осмелев, продолжил юный декламатор.

Дед взвыл, схватившись за голову. Я с огромным трудом сдержал улыбку. Непедагогично вышло бы. Да... отстал старый от жизни. И как ему объяснить, что это народное творчество имеет массу поклонников?

— А вот здесь, Родька, перебор. — строго сказал я. — Нельзя насмехаться над символами советской власти. Ты понял?

— Понял.

— Иди, Родька собери портфель, пока, — спокойно сказал я мальцу. — проверь, все ли уроки сделаны на завтра...

— Андрей Егорович. — начал я, когда мы остались с дедом на кухне одни. — Очень важно, что бы ни случилось, чтобы Родька чувствовал, что вы с ним на одной стороне, а весь остальной мир на другой. При вас никто не должен его ругать, обзывать, стыдить, унижать и так далее. Все косяки Родьки — это результат воспитания, взрослым за них и отвечать. Если начнут на малого завтра при вас орать, вам надо выйти вперёд, закрыть собой парня и сказать учителям: я вас услышал, это я не досмотрел, я разберусь, спасибо, что указали мне на мои ошибки. А уж дома, делайте с ним всё, что хотите. Хоть ремнём по заднице. Если, конечно, есть за что.

— А сейчас, по-твоему, не за что? — воскликнул испуганно дед. — Это же надо было додуматься!.. Да в сталинские времена за такое...

— Ну, так сейчас и не сталинские времена... Поверьте мне, он это не сам придумал. Он где-то это всё услышал. Если хотите быть справедливым, сначала узнайте, откуда он это всё взял. Может, в той же школе и услышал, например, от старших учеников в мужском туалете. Просто, никто не объяснил пацану, где и когда можно это петь. Понимаете? — дед кивнул. — А, вообще, разве это не смешно? — улыбаясь, встал из-за стола и протянул деду руку на прощанье. — И, кстати, хороший будет момент поставить вопрос о кружках и секциях. Спросите, куда его можно отдать, чтобы времени на глупости не было. Они сразу же и свою промашку почувствуют — не заняли делом пацана, вот он и побежал набираться уличной мудрости.

Мы расстались. Дед прощался со мной, будучи уже гораздо спокойней. Надеюсь, сможет сохранить здравомыслие и защитить Родьку при необходимости.

Шёл к себе и вспомнил свой дневник за третий класс из прошлой жизни. Весь был исписан красным. Ни дня без замечаний, нравоучений родителям и, разумеется, мне. Не так сидишь, не так свистишь... За что меня невзлюбила училка, остаётся только догадываться. Но даже за идеально выполненное задание она не ставила мне выше четвёрки. Что бы ни произошло в классе, виноват был я. И даже, когда дети пытались объяснить ей, что я ни причём, она резко затыкала их и говорила, что лучше знает.

Вспоминая её поведение с высоты прожитых лет, думаю, что она была, просто, тупой и закомплексованной, повышающей своё чувство собственного достоинства за счёт учеников и их родителей. Причём она чётко знала, кого можно травить, а кого нельзя. Моим родителям было не до меня. Я старший, двое младших детей, мать на полторы ставки вечно работала, отец тоже служил, бывало, сутками дома не появлялся. В мой дневник они заглядывали раз в полгода, расписывались сразу за все недели, не читая весь тот бред, что сочиняла бесноватая училка. Интересовались только четвертными оценками: двоек нет — молодец.

А я целый год, пока меня не перевели в спортшколу, терпел, терпел, терпел... А не надо было.

•
○ *

Кабинет второго секретаря Гагаринского райкома КПСС.

Семь человек, входивших в группировку, собрались за большим столом. Вопрос по меховой фабрике снова стоял на повестке дня. Уж больно большие барыши там можно было получить.

— Рашид Фархатович, так что, подтверждается утечка из Комсомольского прожектора? Именно оттуда в горкоме стало известно про намеченный тобой рейд? — спросил второй секретарь.

— Думаю, что подтвердил утечку, Герман Владленович. — поднял на того глаза Самедов.

Он грешил на Кирилла, но твердых фактов у него пока что не было. До этого момента. До проверки фабрики даже не дошло...

— Ты рассказывал про паренька, в судьбе которого КГБ интерес высказало. Как его там — Борщевский ■ — с интересом спросил Иван Николаевич.

— Похоже, что он. — вздохнул Самедов. — По времени сходится. Я своим комсомольцам о проверке объявил после пар в среду. Вам из горкома когда позвонили?

— В среду в восемь вечера. — задумавшись ненадолго, ответил второй секретарь.

— Ну вот, времени было достаточно, чтобы сообщить нашим конкурентам, и они тут же подсустились.

— М-да, надеюсь, это все же не КГБ организовало крышу для меховой фабрики... — задумчиво сказал второй секретарь.

— А кто звонил? — поинтересовался Иван Николаевич.

— Сам Демидов. Серьезная величина.

— Демидов, вроде, никогда с комитетом не был связан. — убежденно сказал Иван Николаевич.

Все помолчали. Прекрасно понимая, что наверняка это не узнать.

— Значит, так, — посмотрел на Самедова второй секретарь. — Думаю, все же КГБ никакого отношения к этому объекту не имеет, только планы на парня этого строит. Но бережёного бог бережёт. Не будем, пока, твоих комсомольцев ни к чему серьёзному привлекать. — Самедов согласно кивнул. — Будем бить врага его же оружием. Придётся выводить меховую фабрику на новый уровень. — Герман Владленович показал глазами вверх.

— Вы тоже кого-то из горкома подключить планируете? — догадался Самедов. Второй секретарь многозначительно взглянул на собеседника, ничего не ответил и продолжил:

— Приход от неё, понятное дело, уменьшится. Придется поделиться. Но это лучше, чем совсем ничего. Согласны?

•
○ *

Во вторник встал пораньше. У жены день рождения. Приготовил на скорую руку завтрак, нажарив гренки. Сварил кофе. Погулял с собакой.

Когда Галия поднялась и вышла, заспанная и лохматая, в кухню, у меня уже было всё на столе и я торжественно предложил ей сесть за стол. Она села, недоумённо рассматривая простенький завтрак.

— С днём рождения, дорогая. — наклонился я к ней, крепко обнял и поцеловал, тихонько подложив перед ней в этот момент коробочку с серёжками, которые ещё перед Новым годом купил в комплекте с колечком, которое уже подарил.

Она расслабленно улыбалась, когда я её отпустил. И тут взгляд её упал на коробочку перед ней на столе. Остатки сна сразу как рукой сняло. Она тут же взяла её в руки, открыла, и, увидев серги в комплект к кольцу, которое не снимала даже ночью, смогла выдать только нечленораздельный вскрик удивления и радости. Сюрприз получился.

Теперь уже она повисла у меня на шее с поцелуем. Вечером после работы ещё ужином её

встречу при свечах. — подумал я, довольный произведенным эффектом.

Жена сразу же и надела новые серьги и собралась идти так в институт.

— Ты не забыла пригласить Машу с Дианой? — напомнил я.

— Давно уже пригласила! Вот, всё думаю, зря не пригласили Инну с Петром...

Ну, раз она об этом думает, да еще и до морщинок на лбу, значит, ей нужно видеть их, несмотря на прежнюю злость к Инне. Ее день рождения, имеет полное право выбирать своих гостей. Может, играет роль то, что они обе беременны? Ну ладно, пойду жене навстречу. Мне так это выгодно, не придется отдельно с Петром встречаться, обмывать мотоцикл. Совместим два важных события в один день.

— Какие проблемы, пригласи сейчас. — пожал я плечами и достал записную книжку. — Она уже на работе должна быть. Не будет ее в ординаторской, попроси написать для неё записку.

С утра Галие удалось застать Инну на месте, и она торжественно пригласила их с Петром в субботу к часу дня к нам в гости на свой день рождения.

Ну всё, дело сделано. Обратного пути нет. Надеюсь, мы об этом не пожалеем.

А меня, когда дошел до университета, осенила одна мысль — это же уже год, как я попал в это время! Что-то так замотался с делами, что только сейчас об этом и вспомнил...

Сидел прямо на парах и думал, глядя на преподавателя, и не слыша ни слова из того, что он нам рассказывал, стоя у доски. Так, а если оценить, чего я за этот год добился, то могу ли я быть собой доволен?

Женился на прекрасной девушке, уже и потомство жду. Ставлю себе жирный плюс.

Из Святославля перебрался в Москву — это важный шаг.

Своя квартира в столице СССР — кто молодец? Я молодец!

Попал в парня ботаника с руками-палочками, а теперь на них вполне себе ощутимо бугрятся мышцы. И то ли еще будет!

Учусь в МГУ, перспективы самые светлые по окончанию. Однозначно, здорово.

Прибился к серьёзным людям. Не без возможных проблем, но лучше так, чем быть самому по себе. Иллюзий у меня нет... Мой коллектив — шустрые, хваткие чиновники от комсомола, успешно конкурирующие с другими группировками. Небось, в девяностых станут мультимиллионерами, если не миллиардерами. Не те люди, которых я раньше любил, но и сейчас от меня не требуется их любить. Я всего лишь профессионал, который всегда им будет нужен. Для меня это залог выживания в бурных девяностых.

Конечно, есть еще и схема с Фирдаусом, но она очень зыбкая. Повезет — сработает, и тогда я и без притких комсомольцев смогу защитить свою семью после краха СССР. Но может и не сработать, я же собираюсь ее реализовывать с человеком, который скоро возвращается в страну, которая через три года окажется охвачена гражданской войной. Его там банально убить могут, и плакали мои денежки... Может и обмануть меня, никто не без греха. Так-то вроде он парень нормальный, но речь, если он будет действовать по моим инструкциям, пойдет об очень серьезных суммах. Стоит только представить, как он сделает миллиард на той уникальной информации, что я ему представляю, и станет должен мне двести миллионов к концу восьмидесятых, когда за ними уже можно будет выбраться. Легко ли без колебаний, даже честному человеку, отдать двести миллионов долларов? Вот то-то! Остается только надеяться, что он захочет сделать с моей помощью еще пять миллиардов, и не станет жадничать...

Вторник пролетел за учёбой и хлопотами. Вечером принесли телеграммы с поздравлениями из Святославля от Алироевых и Якубовых и из деревни от бабушек. Галия долго держала в руках телеграмму от родителей. Несколько раз у телефона останавливалась, проходя мимо. Долго она не продержится, простит мать. — подумал я, наблюдая за ней. Но пока что звонить не стала.

В среду пошли первый день с женой на курсы по вождению. Нам повезло, группа состояла сплошь из молоденьких мальчишек до армии, дерзких и насмешливых, но я быстро поставил их на место, после первой же попытки подколоть Галию, единственную девушку на всю группу. Язык у меня хорошо подвешен, чтобы аккуратно высмеять паренька, что попробовал что-то не то сказать. Не так сильно, чтобы обиделся, но достаточно, чтобы второго раза не захотелось.

Обучение началось с лекций по устройству и обслуживанию автомобиля, правил дорожного движения и прочей лабуды. Мы сидели в классе, стены которого были завешаны плакатами и наглядными пособиями. Собственно к автомобилю нас подпустят ещё не скоро.

Лекции проходят ежедневно с понедельника по пятницу. А вот это засада. В перерыве подошёл к преподавателю и попросил дать мне какую-нибудь методичку, если есть по материалам лекций. Объяснил, что мы с женой учимся и работаем, по вторникам и четвергам не сможем курсы посещать, будем изучать материал дома сами. Преподаватель посмотрел на меня очень скептически.

— Сомневаюсь, что вы сдадите экзамены с таким подходом к обучению. — надменно сказал он.

— А, кстати, как он будет проходить? — сразу поинтересовался я. — Билеты надо будет тянуть?

— Надо будет. — подтвердил он.

— А есть список вопросов? — сразу решил я готовиться к экзаменам самостоятельно.

А что? Заведу общую тетрадь, и буду в ней писать ответы на вопросы по всем билетам. Как мы в школе в Святославле делали. Прекрасный способ вбить в голову информацию, не захочешь, а выучишь.

Список билетов и вопросов он мне дал. Но с условием, что я сделаю три машинопечатных копии. Согласился, конечно. Тем более, что не сам буду печатать. Есть свои плюсы в том, что нет ксероксов, и мало печатных машинок. Тот, кто сможет бесплатно для преподавателя помочь в этом, будет иметь определенные преференции.

В четверг между парами ко мне подошёл Булатов и передал, что меня ждут на кафедре физического воспитания и спорта МГУ. А этим что ещё от меня понадобилось?

Придя на место, наткнулся на высокую мускулистую женщину. А она уже отвела меня в кабинет к заведующему. Явно пловец или борец, судя по широким плечам. Предложил он мне выступать за университет на лыжных соревнованиях. Оказывается, физкультурник обо мне хорошо отзывался, рекомендовал в секцию меня взять. Он мне и на занятиях предлагал, результаты мои ему понравились, видите ли. Тогда же ему сразу и отказал вежливо, сослался на загруженность по учёбе и в Комсомольском прожекторе. Куда мне ещё секцию легкой атлетики? Лыжи там будут только зимой, а когда снега нет, придется чем-то еще в ней заниматься. Как выяснилось, физрук отказ не принял, пришёл и доложил своему руководству.

— Так что? Почему ни в одной секции не занимаешься? — спросили меня. — Владлен Иванович зря рекомендовать не будет. Если он говорит, что ты сможешь в будущем достойно представлять наш университет, то надо развивать свои навыки!

— Да, как-то недосуг было, первая сессия... — ответил я, осознав, что с меня так просто не слезут и какую-то секцию выбрать сегодня придётся. Лёгкая атлетика — это очень хлопотно, много времени надо тренировкам уделять. Что же делать?

— А шахматная секция есть?

— Есть. Но она уже укомплектована.

— Да? Жаль... — протянул я разочарованно. — А что из командных видов спорта есть?

— Футбол? Волейбол? — предложили мне.

— Пожалуй, волейбол. — выбрал я.

— Ну, волейбол, так волейбол. Так и запишем. Если точно не пойдешь в легкую атлетику...

— Вот точно!

Ну вот, теперь у меня вместо занятий физкультурой будет секция по волейболу. По вечерам, два раза в неделю. И по выходным можно два раза еще приходиться. Наведу справки, можно ли пропускать, уже на первом занятии.

Вечером домой позвонил Сатчан. Интересовался, как дела на фабрике.

— По всей видимости, хорошо. — ответил я. — Раз не звонят, не зовут...

— И то верно. Хотя, я бы их контролировал. — сказал Сатчан. — Ты же сам знаешь, как у нас: гром не грянет, мужик не перекрестится. Ты бы появлялся там хотя бы раз в неделю, поглядывал, чем они там занимаются.

— Был недавно, но теперь придется с занятий сбегать, чтобы к ним снова зайти. А то у меня сейчас все дни заняты с утра до ночи. — попытался объяснить я. — На курсы вождения с женой пошли, в секцию по волейболу заставили записаться в МГУ. Ну и «Знание» никуда не делось дважды в неделю.

— Машину, что ли, покупать собрались? — удивился второй секретарь.

— Есть, конечно, такие планы на будущее. — подтвердил я. — Но начинать, всё равно, с получения водительских прав надо, согласись.

— Да это понятно... — отмахнулся второй секретарь. — А как же наша агитбригада? Третий четверг месяца на носу.

Блин! Точно, ещё и агитбригада. К счастью, вспомнил, что у меня же была договоренность в «Знании», что третий четверг каждого месяца они на меня не рассчитывают.

— Ребята подзабыли уже, наверное всё... — сказал я. — Ну ничего, вспомним. У нас ещё неделя есть. Завтра со всеми нашими переговорю и отзвонюсь тебе, что мы готовы. И можно будет выступление назначать. На ЗИЛе же будем выступать?

— Да. Жду, тогда, завтра от тебя звонка по твоим артистам. И про фабрику не забывай.

— Естественно.

Мы попрощались. Сразу позвонил Маше, попросил её освежить в памяти тексты сценок и Витю предупредить, что в следующий четверг выступление на ЗИЛе.

Курсы вождения в четверг мы с женой пропустили. А в пятницу я вернул преподавателю билеты и три их копии, профессионально отпечатанные в секретариате горного института за пару шоколадок. После этого у нас с ним отношения улучшились. Звали преподавателя Екобс Оливерсович. Трудно было понять, какого роду-племени этот высокий стройный блондин средних лет, тем более, что говорил он по-русски чисто, без намёка на какой-либо акцент. Но мне, почему-то, всё время хотелось назвать его Якобс.

С утра разговаривал с Лёхой и Светой по агитационной работе. Они готовы и с удовольствием подключатся. Обещали за выходные освежить в памяти сценки. Оставалось найти Борщевского. Отложил это на большой перерыв, в столовке должны пересечься. Так и оказалось. Тут же и выяснил у него, что у пятого курса вскоре начинается преддипломная практика и мы с этого момента, практически, теряем Кирюху в агитбригаде. Он по этому

поводу сильно нервничал, и решил соскочить.

Переговорив со своими, Лёхой, Светой и Витей Макаровым, решили пригласить в нашу агитбригаду Ираклия Тания. Он, как раз, говорил, что ему засветиться хочется побольше по комсомольской линии для будущей карьеры.

Ираклий не понял, почему наша бригада не университетская, но работать в ней охотно согласился. Ему главное — чтобы это шло ему в плюс по общественной линии.

В субботу мы с женой встали пораньше. Меня она отправила на рынок. А сама принялась хлопотать, готовя дом к приёму гостей.

Глава 19

Москва. Квартира Ивлевых.

После рынка сходил в магазин за тортом и вином. Вернувшись, помогал жене чистить, резать и крошить. Как же мне эта суета нравится с детства. Галя тоже была в приподнятом настроении, все время улыбалась, шутила. Было заметно, что она предвкушает праздник и очень радуется.

Внезапно раздался телефонный звонок. Руки у Галии были испачканы, так что пошел брать трубку я. Звонила Маша. Смущаясь и сильно извиняясь, она сказала, что они с Витей не смогут прийти. Неожиданно приехали утром гости, родственники из Ленинграда, всего на два дня, не может их одних оставить. — чуть не плача, сообщила она мне.

— Так какие проблемы! — удивился я. — Берите их в охапку и приезжайте все вместе. Мы только рады будем.

На том и договорились. У Машки сразу голос повеселел.

— Гостей будет на двоих больше. — сообщил я жене. — Маша с Витей родственников привезут, неожиданно свалившихся сегодня утром.

— Ну и отлично. — пожала плечами Галя. — У меня всего наварено с запасом.

Она запланировала два салата, «мимозу» и «оливье», и «сладкую» свинину по рецепту соседки-художницы. Ещё не поздно было добавить порций. С утра ещё тесто поставила и лепила пирожки с картошкой и капустой. Мне пока делать было нечего. Колбасы разных сортов и копчёного сала уже нарезал и красиво выложил на блюде. Бутерброды с икрой Галя мне не дала заранее сделать, сказала, заветрятся. К пирожкам тоже не подпустила, сказав, что сегодня все должно быть красиво. Обидно вообще-то, но чего не простишь любимой имениннице!

•

○ *

Магазин «Берёзка».

Диана уже на второй круг пошла, блуждая между витринами и прилавками, выбирая подарок Галие. Фирдаус покорно ходил за ней, думая, что мужчине подарок выбрать гораздо проще.

Наконец, Диана остановилась в секции с постельными принадлежностями и задумчиво уставилась на шёлковое вышитое покрывало.

— Очень красивое, — шепнул ей Фирдаус, чтобы она скорее выбрала. — Берём?

— Цвет не тот, — расстроено ответила Диана. — Под шторы не подходит. У них шторы шоколадного цвета, понимаешь?

Стоявшая рядом продавщица поняла, насколько это серьёзно, в отличие от Фирдауса, и вытащила из-под прилавка ещё несколько таких же по качеству покрывал разных расцветок.

— Вот! — Диана тут же ухватила покрывало в кофейно-бежево-бело-золотых тонах. — Красота... — удовлетворенно произнесла она.

Слава Аллаху! — мысленно обрадовался Фирдаус и пошёл оплачивать.

•
○ *

Перетащил кухонный стол в большую комнату. Поставил диск Эрика Клэптона, который мне недавно подошёл Фирдаус. Галия сервировала стол и выставляла уже готовые блюда, а я охранял стол от Мурчика с Тузиком, строго следя за тем, чтобы они не оставались с праздничным столом наедине.

В половину первого подъехали Жариковы. У Инны в руках была коробка с чем-то не тяжелым, но хрупким. А Пётр нагрузился четырьмя полными сумками.

— Не понял... — удивился я, открыв дверь.

— Так, мотоцикл мой не обмыли! — воскликнул Пётр. — Галия! Принимай еду!

Взял у него сумки и отнес на кухню. Водка, вино, трехлитровая банка пива. И две перевернутые кастрюли, прикрывающие большие плоские тарелки. Под одной кастрюлей оказалась селёдка под шубой, а под второй домашний медовый торт. Ох, домашний «Рыжик»! Знал бы, не покупал бы «Сказку».

Пока мы распаковывали на кухне Инкины шедевры, она распаковала свой подарок в большой комнате. И, когда я вошёл в комнату, торжественно внося её селёдку под шубой, они с Петром преподнесли мне два одинаковых бра с плафонами из цветного стекла с разводами и пятнами местами матового, местами прозрачного. Что-то их на светильники все время тянет, — мелькнула у меня мысль, — сначала торшеры, теперь это вот чудо... Но неплохо, неплохо!

— Включи! Попробуй! — нетерпеливо потребовала Инна.

Воткнул одну из ламп в ближайшую розетку. На стенах и потолке сразу появились разномастные разноцветные пятна. Вошедшая в этот момент в комнату Галия восторженно стала оглядываться вокруг. Да, не видели они ночников-проекторов. — подумал я, и принялся старательно восхищаться и благодарить Жариковых за такой необычный подарок. Обязанности хозяина требуют!

— Где только достали? — приговаривал я. — Такая красота...

— Мы себе тоже такие купили, — похвасталась Инна.

Вскоре пришли Диана с Фирдаусом. Преподнесли Галие роскошное шелковое вышитое покрывало на нашу кровать в спальне. То ли индийское, то ли с близлежащих краев. Качество было просто изумительным.

Последними появились Маша с Витей со своими родственниками. Это оказались брат и сестра, настоящие питерцы, точнее, ленинградцы, интеллигентные, скромные. Оба мне очень понравились. Старший брат Максим высокий, в очках, чем-то мне нашего Лёху Сандалова напомнил, тот же типаж. И сестра Нина тоже выше среднего роста, стройная, внешне очень похожа на брата. Оба студенты. Макс уже заканчивает экономический факультет, а Нина только поступила на филфак. Пригласил их пройти и чувствовать себя как дома.

Макс преподнес Галие набор импортного цветного мыла разной формы в красивой коробке. Жена даже не поняла сразу, что это такое. А Витя с Машей подарили коробочку с парфюмом, судя по обалдевшему виду Галии, очень хорошего. Диана же, мельком взглянув, лишь снисходительно улыбнулась. Ну и ладно. Только я это заметил. Разбаловалась сестричка, ох, разбаловалась за такое короткое время! А жена в восторге от своих подарков. И это главное.

Пока девчонки заканчивали накрывать на стол, решил развлечь парней разговорами. Макс, хоть и питерский интеллигент, поглядывал на меня с Витей свысока, как же, мы первокурсники, а он уже скоро диплом получит. На равных общался только с Петром и Фирдаусом. Было очень забавно за этим наблюдать.

Стол получился отличный, а благодаря Жариковым и выпить было на любой вкус. Пили за именинницу, и только потом уже я напомнил Петру про его три колеса, которые тоже надо бы обмыть.

Посмотрев друг на друга и вспомнив, как мы добывали эти три колеса, мы с ним, не сговариваясь, усмехнулись и покачали головами. А потом рассказали всем, как оно всё было.

— Хотите верьте, хотите нет. — закончил я наш рассказ. — Но нам обоим до сих пор не верится, что мы это сделали, да Петь? — протянул я свой бокал с вином в сторону зятя.

— Так точно. — ответил Пётр.

— А ты, кстати, на гараж записался? — вспомнил я, ради чего всё это затевалось.

— Естественно. — гордо выпрямился Петр. — Я уже даже собрал мотик и поездил вокруг института.

Столько было гордости и удовольствия в его словах, что мы все не удержались и рассмеялись.

— Правда, в чёрной кассе на работе пришлось тысячу взять. — вдруг вспомнила Инна.

— Да ладно. Ну будем по сто рублей в месяц отдавать. — отмахнулся Пётр.

— Десять месяцев и отдадите. — поддержал я зятя. — Зато вы уже при технике. А в скором времени и при гараже.

Подумаешь, денег в долг взяли. Это же не кредит под проценты!

— Меньше десяти месяцев. — поправила меня Инна. — Я же, как на работу устроилась, так сразу в черную кассу играть и начала.

— Тем более! — воскликнул я. — Чего расстраиваешься?

— Да я думала на мебель в новую квартиру удастся накопить. — пояснила сестра. — А то в декрет уйду, не смогу больше играть.

— Успеешь еще накопить... — ответил я. — Думаешь, вам так быстро квартиру дадут? Пару лет в своей малосемейке проживете, как минимум.

— Ладно, не будем о грустном. — хлопнул себя по коленям Фирдаус. — Пошли, лучше, покурим. — со значением взглянул он на меня.

Все встали из-за стола и разбрелись кто куда по своим делам, воспользовавшись перерывом.

Фирдаус, выйдя на балкон и закурив, сразу перешёл к делу, поежившись от холода.

— Ты прав оказался. — сказал он тихим голосом. — После разговора с тобой я отцу сразу позвонил. Он и сам уже в этом направлении, оказывается, думал. Наняли нового аудитора, старый был в слишком почтенном возрасте, оказалось, уже не тянул. Нашли они с Амалем крысу в итоге... Новый управляющий на европейском направлении... Через него пятьдесят пять процентов товара проходило. Поэтому мы и ощутили, что что-то не то происходит. Нагло хапал, словно последний год жил, ничего не боялся. Уже сидит сейчас. Только не факт, что все удастся вернуть, тут как повезет.

— То есть, если бы он скромнее воровал или через него меньший объём проходил, то могли бы не ощутить и не спохватиться? — сделал вывод я.

— Получается так. — мрачно признал Фирдаус. — Аудитор очень заслуженный был, отец его с самого начала бизнеса держал. Не заметил, что старый кот перестал мышей ловить.

— Вот я всегда считал, что ни одно дело, которым занимаешься, нельзя из рук выпускать! Как только передашь управление, даже родственникам, сразу какая-то фигня начинается. Только детям можно доверять, и то проверять. Они по неопытности могут напортачить, или по незнанию, но хотя бы специально свой будущий бизнес разваливать не будут, иначе нечего будет наследовать. Хотя... Даже это утверждение спорно, ситуации бывают самые неожиданные.

— Но невозможно же всё самому контролировать. — убежденно ответил Фирдаус.

— А всё и не надо. Регулярный анализ результатов и затрат, мониторинг рынка, личное участие в значимых сделках... Пошли в тепло! — поежился я, замёрзнув. — Этого достаточно, чтобы руку на пульсе держать.

— Так-то я тоже так думаю. — вернулся за мной в комнату Фирдаус. — Даже предложил отцу меня на европейское направление поставить. Летом диплом получу и, возможно, поедем с Дианой в Париж.

— О... — удивленно взглянул я на зятя. — Так ей французский надо учить, а не арабский.

— Арабский тоже надо. — возразил мне Фирдаус, когда мы возвращались к столу. — И это — с меня причитается за помощь нашему бизнесу.

Там играла музыка, наши устроили танцы. Присоединился к ним, чтобы не выбиваться из общего настроения, а сам глубоко задумался над словами Фирдауса. Ой-ёй-ёй-ёй!.. Франция, Париж... Девчонке башню сорвет!.. «Загнивающий» капитализм еще только начинает загнивать, и неискушенным взглядом этого не заметить. Ну, пусть сестра насладится Парижем, который с тоской и сожалением будут вспоминать старые парижане через пятьдесят лет. Тот Париж, что я посещал, местами уже был на гетто похож...

Нарезвившись под ритмичную танцевальную музыку, девчонки притащили чашки и два торта. Мне очень понравился Инкин «Рыжик», нахваливал от всей души. Оказалось, что рецепт ей соседки в общежитии дали и помогли приготовить. Очень на пользу ей тамошнее сообщество. Правильно я тогда почувствовал, что мозг сестре на место офицерские жены поставят. Атмосфера у них там очень сплоченная, коней кидать без причины не выйдет. Фирдаус всё пытался обратить внимание жены на то, что можно позаимствовать рецептик, но её домашний торт мало впечатлил.

Интересно, а она уже знает про маячащий перед ней переезд в Париж? Понимает она, что и точка зрения КГБ на то, чем она может быть полезна, может измениться в этом случае? Наверняка там другие офицеры по этому направлению работают, чем по Ближнему Востоку, и у них могут быть свои запросы на нового агента. Надо будет вернуться к этому вопросу через пару месяцев и, если Фирдаус подтвердит переезд в Париж, надо с Дианой провести очень серьезную беседу.

Приняв для себя такое решение, постарался переключиться на праздник. Остаток вечера прошел в спокойной весёлой обстановке. Насмеялись, нашутились. Даже Макс оттаял и стал нормально общаться. Интересный парень оказался. Приглашал в гости, если будем в Ленинграде. Обменялись с ним контактами.

Проводив гостей, помог жене привести квартиру в порядок и перемыть посуду. Жариковы забыли свои тарелки и кастрюли, но, надеюсь, они у них не последние.

Галия без умолку делилась впечатлениями. Насколько понял, ей понравилось все — и гости, и подарки, и музыка, и то, как хвалили стол... Когда мы уже заканчивали уборку, позвонил Загит, так что часть восторгов Галии перепала и ему. Говорила жена с отцом довольно долго и трубку положила совершенно умиротворенная. Ну и отлично!

Управившись с делами, набрал Константина Сергеевича из «Знания», напомнил про каждый третий четверг месяца, а то, мало ли, забыл. Убедившись, что следующий четверг у меня свободен для выступления с агитбригадой, перечитал разок первую часть сценария.

Потом зашёл Родька, и мы пошли выгуливать пса.

— А я на бокс сегодня ходил. — похвастался Родька.

— О, здорово. Взяли значит тебя? Не зря дед в школу ходил... Он так и не рассказал, как во вторник всё прошло?

— Нет. — пожал плечами малой.

— Ну, не зовёт нас больше, значит, всё нормально. — сказал я, хотя, по-хорошему, надо бы как-нибудь самому заглянуть к ним, поинтересоваться. Хотя, а зачем откладывать? — У моей жены сегодня день рождения, она пирожков напекла. Давай, зайдём к нам? Возьмём пирожков и деду отнесем.

— Давай! — запрыгал довольный Родька.

Мы так и сделали. Галия закрутила нам в газету штук десять разных пирожков. Дед встретил меня спокойно, уверенно. Сразу понял, зачем я пришёл и начал в красках рассказывать.

— Ссыкухи малолетние, отчитывать меня вздумали, как будто я сам школьник! — возмущенно говорил он. — Стыдить взялись, что ребёнок у меня, видите ли, в одной и той же рубашке неделю ходит и майки серые, застиранные. Ну, я им ответил! — Дед так раздухарился, так размахивал руками. — Дитя без матери растёт, отец долг Родине на чужбине отдаёт, а вы придираетесь вместо того, чтобы постараться помочь, жизнь облегчить!

Родька слушал, уплетая пирожки и тихо радуясь, глядя на деда. Судя по всему, старый сильно вырос в глазах внука после этого похода в учительскую.

Специально перевёл разговор на скучные для ребёнка вопросы по льготам по оплате за

квартиру, на школьные завтраки, и Родька вскоре сам убежал из кухни в комнату с Тузиком играть.

— Андрей Егорович, а что с матерью Родькиной случилось? — посчитал я, что мы уже достаточно подружились, чтобы я мог такой вопрос задать.

— Да, дура глупая... — махнул с горечью рукой старый. — Родила ребенка с заячьей губой и в больнице оставила. Видел шрам у мальчика над губой? Всё исправить можно было... — он вздохнул. — Сын из командировки вернулся, разозлился страшно, ребёнка нашёл, а её выгнал и развёлся.

Шрам заметный, конечно, думал, травма была. А оно, вон оно как...

— Шрам не такой уж и большой. — сказал я недоуменно. — А если уж будет стесняться, можно усы носить.

— А-аа... — махнул рукой дед. — Ерунда всё это, подумаешь, шрам! Не девочка же... Дура она, чего испугалась? Зачем оставила пацана?..

— Не пытается с Родькой общаться? — поинтересовался я.

— Нет, конечно! Кто ей даст! Сын такого не допустит, чтоб малому нервы не трепать. Ему и так хватает. Слышит же всякое и от родни, и в школе...

— А Родька знает, как всё было на самом деле?

— Нет. Мал ещё.

— Это правильно. — согласился я. — Может, и не надо ему вообще говорить. Знать, что родная мать от тебя отказалась, и взрослому очень тяжело...

Мы посидели ещё молча, думая каждый о своём. Пожал старому руку на прощанье, пожелал сил и терпения и пошел звать Тузика домой. Тому понравилось играть с пацаном в новом месте, еле забрал.

Дома рассказал Галие про мать Родьки, с тем посылом, что всего лишь немного терпения и небольшая операция решили бы все эти проблемы. Была бы сейчас эта дурочка женой офицера, не вылезавшего из заграничных командировок. У Родьки была бы мать и полноценная семья.

Жена была в шоке. Никак не могла взять в толк, как можно было оставить свое дитя, тем более не совсем здоровое и нуждающееся в большей опеке, чем здоровые дети. Ну, ничего другого я от неё и не ожидал. Крепко обнял, видя, как она распереживалась за Родьку. Думаю, теперь мальчонка станет ещё более частым гостем у нас в доме.

На следующей неделе стали собираться нашей агитбригадой в столовой во время обеда и после занятий оставаться для репетиций.

Ираклий все прошедшие выходные учил в общаге роль МихМиха и очень вжился в нее. Ну а остальные быстро вспомнили свои партии. Первую часть сценария обкатали за пару дней.

— Через месяц снова будет выступление. — напомнил я ребятам в понедельник. — Почитайте на досуге вторую часть сценария, освежите в памяти.

Ираклию в наследство от Борщевского достались его тетради с текстами сценок. Почерк у Кирюхи был чёткий и понятный, Ираклий с энтузиазмом заявил, что уже за одни выходные всё прочёл несколько раз.

— Смотри, учёбу не запусти из-за выступлений. — усмехнулся я. — Это не университетская агитбригада и поблажек в учебе за участие в ней никто делать не будет.

В понедельник пропустил курсы по вождению, надо было в волейбольной секции, наконец, появиться. Хорошо бы у них хоть одна тренировка по субботам была, а то совсем некогда ходить.

Встретили меня там поначалу немного скептически, а зря. Я когда-то играл в волейбол и очень успешно, даже капитаном команды был. Но не объяснять же это, правильно? Упекут мозг лечить в срочном порядке. Так что просто спокойно размялся, а потом начал тренировать подбросы и удары, пытаюсь освежить в памяти навыки из прошлой жизни.

Тренер, немолодой мужик лет под пятьдесят, высокий и накачанный, явно, в прошлом спортсмен.

— Король. — представился он. — Фамилия такая.

Забавно. — подумал я сперва. А потом обратил внимание, что все студенты так к нему и обращаются по фамилии. Ну, король, так король.

Побегал с ребятами на разминке, начали играть. Поддача у меня хорошая. И на приеме не торможу. Быстро влился в команду. Должен признаться, мне понравилось.

В конце занятия подошёл к тренеру.

— Товарищ Король, как вас, всё-таки, зовут? — чувствуя в теле приятную усталость, спросил я его.

— Неонил Апполинарьевич. — ехидно улыбаясь, ответил тот.

— У меня мать Апполигария. — на полном серьёзе ответил я.

— Зови меня просто Король! — рассмеялся мужик.

— Непривычно как-то, но как скажете... — улыбнулся я в ответ. — Что я, собственно, хотел-то... Я учусь и работаю, времени мало. По каким дням тренировки проходят? Может, по субботам можно ходить?

— Можно и по субботам. — кивнул тренер и пошёл в сторону тренерской, на двери которой висело расписание с кучей пометок от руки. — Понедельник, вторник, четверг, пятница, суббота. Среда и воскресенье у меня выходные. Мужские группы по будням в 17.00 и в 19.00. В субботу в 11.00.

— Отлично. — обрадовался я. — Тогда по субботам точно буду ходить, а по будням пока не уверен. Вам нужно определенный день назвать или можно варьировать?

— Лучше, конечно, определенный день выбрать, — кивнул задумчиво Король. — Но если придешь в другой, тоже не беда. Уровень у тебя неплохой, в команду легко заходишь, так что ходи, как сможешь.

— А посещаемость как учитывается? Отработки есть? — задал я самый волнующий вопрос.

— Отработок нет. Старайся, конечно, ходить. Но за пропуски у нас не гоняют. Главное — в соревнованиях участвуй, и тогда проблем не будет.

— Понял-принял к сведению. — кивнул я, внутренне возликовав. — На соревнования обязательно приду.

— Приходи. — усмехнулся Король.

Нормальный мужик. Удачно я решил на волейбол записаться. Еще в прошлой жизни, общаясь с теми, кто активно в эту игру играет, отметил для себя, насколько среди них мал процент неадекватных людей. Большинство спокойные, прямодушные, без лишних понтов. И тренер этот той же породы. Увидел, что играю я неплохо и с удовольствием, четко условия указал и все. Полная свобода действий в очерченных рамках. Чего я и желал, собственно.

Глава 20

Москва. Квартира Ивлевых.

Вечером постучался художник с первого этажа. Мы с женой в спальне учебниками обложились и не слышали стука в дверь. Совсем. Хорошо, что Тузик на стук в дверь шум поднял, а то долго бы дед стучался. Надо уже звонок сделать, блин. Всё руки не доходят.

Михаил Андреевич, сильно смущаясь, спросил, не разбираюсь ли я в лампах.

— Представляешь, ни с того ни с сего перестала работать настольная лампа. — жаловался он. — Вчера работал за столом, светила. Сегодня сел работать, она не включается.

— Может перегорела? — предположил я. — Лампу меняли?

— Сразу об этом подумал. Поменял. Не работает.

— Ну, давайте, посмотрим. — прикрыл я дверь и пошёл за ним по лестнице вниз. Елена Яковлевна работала в своём углу той же комнаты. У неё всё работало, и настольная лампа, и

обогреватель типа «Ветерка» под столом на ноги дул. Розетки запитаны. — сделал я вывод. И подошёл к рабочему столу Михаила Андреевича.

Настольная лампа включалась в самодельный удлинитель. Первая мысль, которая возникла в мозгу, что провод перебили.

— Мебель не двигали вчера-сегодня? — спросил я.

— Нет. — тут же ответил мне растерянный дед.

— Была бы у вас кошка или собака, подумал бы, перегрызли провод... — размышлял я над возможными вариантами. — Может, мыши?

— Не дай бог! — взволнованно воскликнула Елена Яковлевна от своего стола.

— Ну, тогда, надо удлинитель прозванивать. — решил я и, не дожидаясь помощи от старого художника, сам начал вытаскивать провод из-под мебели. Отодвинув диван от стены и вытянув провод, добрался до вилки удлинителя, спокойно лежащей на полу. Рядом располагался стол Елены Яковлевны и в ближайшую розетку от вилки удлинителя был воткнут «Ветерок», согревающий ноги художницы.

В замешательстве я застыл над этой картиной. Михаил Андреевич подошёл ко мне и замер рядом. Многозначительно переглянулись с ним.

— Тройник нужен. — сказал я. — Есть?

— Где-то был. — пробормотал старый художник и вышел из комнаты.

Елена Яковлевна невозмутимо продолжала работать. Засмотрелся... Она использовала пастельные мелки. Рисовала цветы в вазе. Движения точные, полная сосредоточенность на процессе. Цветы получались прямо как живые, можно было в мельчайших деталях рассмотреть и лепестки, и игру света и тени на них... Причём перед художницей не было никаких открыток, картинок или ваз с цветами. По памяти рисовала...

Вернулся дед с тройником. Мне пришлось самому просунуть руку между диваном и столом художницы и переподключить все приборы.

Михаил Андреевич попробовал включить лампу на своём столе, она включилась. Ожидаемо, в принципе... Это без электричества лампочки не включаются, а с электричеством — почему бы и нет?

— Ой, вы всё починили! — воскликнула Елена Яковлевна. — Какие молодцы. Паш, может, чаю? — радостно улыбаясь, предложила она.

— Спасибо большое. — улыбнулся я в ответ. — Как-нибудь в выходной... Учёбы столько навалилось. Пойду заниматься.

— Спасибо! — смущенно поблагодарил меня дед, провожая до двери. — Не додумался там посмотреть...

— Ничего страшного. Главное, всё работает. — ответил я.

А поднимаясь к себе по лестнице, подумал, Елена Яковлевна сама не дотянулась бы между диваном и столом свой «Ветерок» воткнуть в розетку. Это старый сделал, свой удлинитель вытащил, а её обогреватель подключил. А сегодня об этом и не вспомнил... И смешно, и плакать хочется. Эх, старость не радость. Все такие будем.

Вернувшись домой, нежно обнял и поцеловал Галию. Хотелось это ощущение счастья и умиротворенности сохранить как можно дольше.

Во вторник у меня была лекция в очередных «Дарах природы». Пока ехал в метро, припомнил, что рассказывал раньше в других магазинах. Добавлял новые детали, чтобы скучно не было работать. Лекция прошла на ура. Описание будущего торговли заставило глубоко задуматься персонал. Тем более, что со времени первой моей лекции в магазине этой сети прошло уже больше двух месяцев и многие работники этого магазина или сами уже посетили первый московский Универсам, или слышали про него. К моим словам поэтому отнеслись очень серьезно. С мешком грецких орехов и банкой абрикосового джема меня отпустили после долгих расспросов.

Освободился в начале шестого и прикинул, что еще успею на курсы. Правда, опоздал на двадцать минут, извинился и прошмыгнул за парту. Преподаватель удивился, увидев меня, но ничего не сказал. В перерыве он мне показал в учебнике по устройству автомобиля, какие страницы соответствуют теме сегодняшнего занятия.

Ещё на прошлой неделе он подарил мне этот учебник, точнее, я выменял его на одну из художественных книг из своей доли за типографию. Потом дома с женой разобрал эту тему, в соответствующих билетах сделали с ней конспект и в среду она показала его Екобсу, типа, отчиталась, что тему изучила. Причём, он не требовал, это была наша собственная инициатива. Сразу попросили у него тему на четверг, так как присутствовать оба не сможем.

В среду в университете меня вызвала к себе Эмма Эдуардовна и в присутствии замдекана Зудинова торжественно объявила, что меня, после выступления на конференции, приглашают на целый семестр учиться по обмену в Венгрию в университет Будапешта. Уж очень я хорошее впечатление произвел на доцента, что оттуда приезжала. Я сразу вспомнил ту бабу, что на всех язвительно нападала, но я вот ей, получается, понравился. Оценила уровень моего доклада?

Эмма Эдуардовна сказала, что говорила по этому поводу с руководством университета. Поддержка от него получена. Я могу ехать.

Ну, однозначно, не только с ним говорила. Наверняка и КГБ спросили. Получается, что и они меня одобрили, несмотря на то, что я отказался с ними сотрудничать? А намекали, что кислород для таких поездок перекрыют. Но, возможно, это лишь стандартная угроза в

процессе вербовки. Поэтому странно, конечно, но откуда мне знать их планы?

— Спасибо за приглашение. Смогу ли я взять с собой свою жену?

— Однозначно, нет, — уверенно сказала замдекана. — Такие приглашения для студентов не подразумевают поездки с семьей. Был бы ты выдающимся профессором, тогда другое дело. Но ничего, полгода быстро пролетят, жена и заметить не успеет!

— Приятно, конечно, очень, что так ценят. Но куда мне на полгода из дома уезжать, когда жена беременна? — спросил я.

— Даже так? — изумленно спросила замдекана, но сдаваться не собиралась. Почему-то ей тоже это было важно, отправить меня в Будапешт. Может, потому что успела записать меня в свои ученики, и для нее поездка ученика в другую страну на учебу принесет какие-то дивиденды? Премию дадут, или просто можно будет нос задирать в присутствии других доцентов, учеников которых не приглашают на учебу в Будапештский университет? — Но у нее же есть мама, папа, верно? Может она с ними пока поживет, они же за ней присмотрят, верно?

— К моему огромному сожалению, вынужден отказаться в связи с семейными обстоятельствами. — с серьезным видом ответил я.

— Ты не спеши отказываться. — ошарашенно глядя на меня, сказала Эмма Эдуардовна. — Подумай, взвесь...

— Не хочу зря тратить ваше время. Я точно не поеду без жены. Уверен, что у вас найдется другой кандидат, вот ему и начинайте оформлять документы, чтобы все успеть.

— Но ты не понимаешь, Павел. Это же Будапештский университет! Один из старейших университетов Центральной Европы! — не сдавалась замдекана, — многие мечтают попасть в Венгрию хоть на неделю, а ты будешь там до конца семестра!

— И все же без жены не поеду, семья для меня важнее всего на свете, — развел руками я. — Так что — нет.

Когда я уходил, оба замдекана выглядели очень недовольными, словно не моя поездка за рубеж сорвалась, а их собственная. И чего они так? Главное, чтобы это не сказалось плохо на моей дальнейшей учебе в МГУ... А то начнут еще разборки со мной устраивать, привыкли, что студенты должны стоять по стойке смирно и честь отдавать, выполняя задания руководства.

Ну а мне реально на кой сдалась эта Венгрия? Был я в ней. Моря нет, Балатон холодный, если лето не задастся. Подработать там удастся только на выезде, купив что-то дефицитное для продажи в СССР. При этом есть риск, что на границе все отберут, а то и отправят сразу в самый справедливый в мире суд за спекуляцию. Помню про такие истории, когда очень серьезных советских спортсменов сажали на несколько лет, когда они домой возвращались с

дефицитом. Если члена сборной могут посадить, то какие проблемы сделать то же самое со студентом-первокурсником? А я себя знаю, я хозяйственный. С пустым чемоданом вернуться домой не смогу. И нафиг мне так рисковать, зная свою природу?

- - *

Перед выступлением на ЗИЛе очень волновался, как Ираклий на публике будет себя вести, был готов в любой момент прийти ему на помощь, если от испуга он свой текст забудет. Но он был, как рыба в воде, зря я переживал. Наоборот, он во время выступления такой кураж словил, что остался в полном восторге.

Представил Ираклия Сатчану и комсомольским вожакам ЗИЛа, они похвалили его и поздравили с успешным почином. Ираклий очень загордился, когда я объяснил, что за люди ему только что руку жали. И, похоже, воспытал ко мне нешуточным уважением, судя по взгляду. Учитывая его карьерные амбиции и планы на будущее, а также важное место общественной деятельности в этих планах, я ему очень солидный бонус подкинул, пригласив в агитбригаду, и он сейчас четко это осознал.

Пропустив курсы в четверг из-за выступления с агитбригадой, в пятницу уже стоял перед Экобсом рядом с женой и демонстрировал домашнюю работу. Преподавателю импонировало наше рвение, сильно отличавшее нас от остальных курсантов. Поначалу он злился и был напряжен, что мы часто пропускаем, но по мере взаимодействия с нами, это его мнение неуклонно менялось на противоположное. В этот раз он на глазах у всей группы опросил нас бегло по теме, нащупал, кстати, у Галии момент, с которым она не разобралась, а просто зазубрила.

— Вот! — многозначительно посмотрел он на меня, подняв вверх указательный палец. — Ты понял? Всего лишь вопрос перефразировал...

— Проработаем. — согласно кивнул я головой.

— Зубрила. — подколот вдруг Галию кто-то из парней.

— А ну-ка, иди сюда! — кинулся защищать мою жену Экобс, я даже рот открыть не успел.

Он повесил перед классом плакат по пройденной теме, вручил выскочке указку и сел за свой стол, предоставив слово этому умнику. Тот что-то начал рассказывать, регулярно запинаясь и заикаясь. Каждый раз, когда он запинаясь, Экобс делал приглашающий жест Галие, и она подсказывала бедолаге то, что тот не знал или забыл.

А я дополнял ее.

Короче, утёрли мы ему нос совместными усилиями. Сел он на своё место красный как рак, боясь поднять глаза на группу, насмешливо поглядывающую на него.

Экобс просил нас ещё пару раз об услуге: мы заказывали у бати в секретариате для него

печатать планов работы и ещё каких-то отчётов. Он рад был до соплей, что самому не надо выходные тратить на это. Печатал он, по его собственному признанию, одним пальцем и в час по чайной ложке.

Почему у них не было секретаря для этой работы, не стал уточнять. Главное, что это позволило нам с женой войти в разряд любимых учеников.

В субботу к одиннадцати часам поехал в университет на тренировку. Отыграл с огромным удовольствием. Встретил там, кстати, Марка Колоду со второго курса, с которым познакомился во время вступительных экзаменов. Он вспомнил меня и приветствовал, как старого друга. Благодаря этому меня сразу приняли в команде за своего. Очень удачно получилось.

В субботу играли совсем другие парни, никого из тех, с кем играл во вторник, не увидел. Было много старшекурсников. Играли очень хорошо. В игру я влился легко, но по уровню явно не дотягивал до «старичков». Пришлось попотеть. Зато удалось очень хорошо подтянуть игру на добивание. В конце, когда все разбились по двое-трое и отрабатывали отдельные приемы, Марк вместе с одним из своих друзей уделили мне минут двадцать, помогая подтянуть навыки в этой части игры. Так что тренировкой я был доволен.

В конце занятия мы столпились вокруг Короля. Он объявил, что университетские соревнования будут в конце марта — начале апреля. Команды формируются по факультетам, соответственно, тренироваться очень желательно со своей командой. В ближайшую неделю будет составлено расписание, с учетом этого требования.

— Первый курс обычно у нас в запасе. — сказал Король, когда я подошел уточнить вопросы с расписанием. — Желающих хватает. Но быть все равно надо. Мало ли, замена понадобится. Да и играешь ты неплохо.

— Конечно. Обязательно приду. — ответил я. — Вот только с тренировками вопрос меня интересует. В будни мало шансов, что буду успевать.

— Я помню. — тренер кивнул. — Посмотрим, что получится сделать.

Договорились, что Король составит расписание, и мне надо будет подойти на неделе уточнить, когда моя команда тренируется. Держу кулачки за то, чтобы это оказалась суббота.

С тренировки поехал в центр, искал подарок Сатчану на день рождения. Повезло. Удалось прикупить пятнадцатилетний армянский коньяк. Москва, все же, рулит. В Святославле шансов такой без блата купить бы не было.

Вечером учились, занимались и готовились. Что-то много всего навалилось: и учёба, и курсы вождения.

Галие плохо давались жесты регулировщика. Устроил ей сначала ликбез простыми словами,

потом практические занятия. Показывал ей тот или иной жест, а она «проезжала» или стояла на месте, расшифровывая мои указания. В этот момент пришёл Родька и, понаблюдав несколько мгновений за нашими манёврами, подключился, изображая второе транспортное средство. Игра его и нас так увлекла, что вышли на прогулку с собакой мы с опозданием на полчаса. Зато, я теперь уверен, что жена не растеряется, увидев на дороге регулировщика. Она и сама выглядела довольной, что в теме больше не плавает.

Воскресенье провели с Галией дома. Приходил Родька, доклеили с ним модель самолёта. Подарил её ему. Счастливый пацан потащил модель домой. А я поставил себе зарубку в памяти новую модель для склеивания не забыть купить. Увлёкся пацан, уже не бросит этим заниматься.

В понедельник после пар заезжал на меховую фабрику. Пообщались с главбухом за закрытыми дверями. Видимо, без выходных её команда работала, они большую работу сделали, ударными темпами меняли промежуточные документы в соответствии с официальными производственными показателями фабрики вплоть до последней проверки ОБХСС. Ещё буквально неделя, и только внедрение стукача в коллектив непосредственно на производство позволит ОБХСС вскрыть схему. О чём я Сатчану и доложил, заехав после фабрики в райком.

— В любой схеме тонкое место — это люди. — старался я донести до него мысль. — Нельзя допускать, чтобы народ на местах расслаблялся: хранил два комплекта документов рядом, накапливал их. Обработали, посчитали вторую зарплату рабочим, уничтожили. Не лениться! Не расслабляться! И желательно максимально уменьшить количество задействованных в схеме людей. Меньше народу знает — меньше шансов спалиться. Ну и строгий контроль новых работников на интересующие вас участки. Любого нового сотрудника тщательно проверять. Я знаю, как ОБХСС работает: такие оперативники бывают, на которых ни в жизнь не подумаешь. — вспомнил я Васю-негра.

Сатчан внимательно выслушал меня, сосредоточенно кивая. Мы попрощались, и я ушёл. До последнего опасался, что он возложит на меня задачу контроля на местах. Но обошлось. Светиться до такой степени у меня не было никакого желания. Даже не знаю, как бы пришлось поступить, предложи он это.

Выйдя из райкома, я остановился, подумав, что что-то зашел слишком далеко в своем инструктаже. С другой стороны, мы же ведем речь не о настоящей проверке ОБХСС в интересах государства, а о способе одной нелегальной группировки установить контроль над предприятием, отобрав его у другой нелегальной группировки. Так что я играю не против государства, а просто защищаю ту группировку, что уже дала мне многое. И в ее ослаблении или гибели я никак не заинтересован.

Ну и в целом — одна из главных проблем СССР — это дефицит. А чем занимается меховая фабрика сейчас? Производит шуб больше, чем должна, уменьшая дефицит. Теневой рынок все равно рынок, и отвечает на имеющийся спрос у населения. А то танков, ракет — завалились, а шубу купить или легковую машину...

Эх, провел бы кто-то нормальные рыночные реформы, как у китайцев, а не то недоразумение, что сотворил Горбачев под лозунгом перестройки. Основа-то здоровая! Технологий новых навалом, но их крайне медленно переводят из военки в гражданку. Изобретателей талантливых завалились — но без запроса рынка их идеи внедряют в гражданские отрасли крайне медленно. Усилить бы СССР правильным рынком — чудо было бы, а не государство!

А в среду двадцать третьего февраля мы пошли на день рождения к Сатчану. Квартира в сталинке на Садовом кольце, жена Римма такая же мелкая и темненькая, как он сам. Вот уж, правду говорят: муж и жена одна сатана.

Встретили нас радушно. Сатчан поспешил познакомить меня с остальными гостями. Мы с Галией ожидаемо оказались самыми молодыми в этой компании. Все с нескрываемым любопытством рассматривали нас.

Кроме нас были ещё три пары, с нами и хозяевами десять человек. Удивило, что все парни молодые двадцать пять-двадцать восемь лет, но все уже женатые. То ли Сатчан последним женился, то ли резко круг знакомых поменял, сменив статус.

У жены Сатчана была помощница по хозяйству, чему я совсем не удивился, вспомнив, что у неё папа какой-то министр. К столу ещё не приглашали, но активно им занимались. Он был уже сервирован. Помощница бегала туда-сюда, а девчонки показывали друг другу способы свёртывания льняных салфеток под приборы, один витиеватее другого. Галию тут же приняли в компанию. Не знаю, умела ли она до этого сворачивать салфетки, теперь, точно, будет уметь.

Встал поближе к парням, изображая интерес к их беседе о машинах. Что тут обсуждать? Вариантов всего два: Жигули и Волга. На Москвичах и, тем более, на Запорожцах эта публика явно не ездит.

Мне было интереснее оглядеться по сторонам. Покажи мне, как ты живёшь, и я скажу, кто ты. Хотя правильной сказать, что пойму. Есть ли у тебя деньги и вкус. Квартира Сатчана в этом отношении произвела на меня очень хорошее впечатление. Хозяева этого дома люди добротные, основательные, с чувством меры и вкуса.

То ли у меня вид был слишком равнодушный, и друзья Павла подумали, что я вообще вне автомобильной темы, то ли ещё что, но один из бывших однокурсников Сатчана Игорь с некоторой ехидцей спросил меня, что я думаю по поводу двух авто, которые они обсуждали. Без всякой задней мысли, чисто поддержать светскую беседу, привёл подробный сравнительный анализ ГАЗ-24 и ВАЗ-2101. В своё время довелось поехать и на том, и на том, так что было, чем поделиться.

Сатчана моё выступление несколько не смутило, но его друзья стояли с откровенно поражённым видом. Довольный произведенным эффектом, Павел незаметно показал мне большой палец вверх.

Интересно он реагирует, если так подумать. Складывается устойчивое впечатление, что Сатчану очень важно, чтобы я влился в его круг общения и понравился его друзьям. Забавно. Ну что ж, я не против. Новые знакомства — новые возможности.

Глава 21

г. Москва, квартира Павла Сатчана.

Вскоре нас пригласили за шикарный стол. Дорогая фарфоровая посуда, очень солидные столовые приборы из мельхиора. Хрустальные бокалы и салатницы. Всё блестело и сверкало. И угощение было соответствующим. Несколько овощных салатов, несколько майонезных. Все блюда очень красиво украшены, целые произведения искусства. Много разных закусок, колбас, буженины, ветчины. Разносолы под водочку. Я водку не пил, но маринованный чеснок попробовал.

Перед горячим устроили шумные танцы. Игорь, бывший однокурсник Сатчана, прилично выпил и кричал что-то, стоя на балконе, выходящем прямо на Садовое кольцо. Жена быстро затащила его в квартиру.

— Закусывать надо! — ругалась на него она.

С Игорем ближе познакомиться не получилось, слишком быстро накидался. Похоже, очень плохо он держит алкоголь. Пил немного, а поплыл быстро совсем. О нём я узнал только то, что сообщил Сатчан, представляя нас друг другу. Насколько я запомнил, Игорь уже возглавлял комсомольскую организацию какого-то НИИ, несмотря на свою молодость. Видимо, тоже не из простой семьи паренёк. А жена у него закончила МГИМО, это мне уже Сатчан шепнул.

Второй друг Сатчана сам представился:

— Никита Николаев, солист Московской филармонии, — глядя на меня сверху вниз, сказал он.

Красавчик, конечно, ничего не скажешь, высокий и кучерявый. Типичный дамский угодник, судя по повадкам. Но не слышал никогда о нём, фамилия ничего не говорит. Ну ладно, солист так солист. Жена у него, мышка серая, из тех же кругов, играет в ансамбле старинной музыки при филармонии, маленькая, тихая, скромная, полная противоположность яркому мужу. Поневоле на ум приходит аналогия с павлинами, у тех такая же фигня...

Третий парень Евгений Васильченко оказался сотрудником Стройбанка. Что это за структура, я понятия не имел. Этот парень мне понравился больше всех, немногословный, но доброжелательный. Пил мало, контролировал всё, что говорит. И жена у него очень милая оказалась, искусствовед из музея им. Пушкина.

Исходя из размаха мероприятия, на горячее ожидал поросёнка с яблоком во рту, не меньше. Но подали сначала маленькие голубцы и долму, потом мясо с овощами в горшочках. Тут

только до меня дошло, что или всё это из ближайшего ресторана, или на кухне колдует повар ресторана. Короче, этот потрясающий стол явно не Риммина заслуга.

Ну пусть так. На день рождения Маши тоже не Виктория Францевна на всю нашу ораву сама готовила.

Вечер продолжался, включили громче музыку и устроили танцы, но они быстро надоели. Народ прилично уже «отдохнул» и, вернувшись к столу добавил. Начали делиться на группы и расползаться по дому. Кто-то курил на балконе, кто-то в соседней комнате уединился, дела обсудить. Я решил, что сейчас подходящий момент поближе познакомиться с Риммой и познакомиться с ней Галию.

Очень удачно Римма осталась за столом одна. Я подсел к ней поближе.

— Павел говорил, что ты учёбу заканчиваешь. Ординатура уже? — спросил я. Она кивнула небрежно. — У меня сестра последний год доучивается в Бурденко. А ты где?

К нам подсела Галия.

— В Кремлёвке. — снисходительно улыбнулась Римма. — Где же ещё?

— Хорошая больница. — согласился я. — При четвёртом управлении... Мечтал жену туда пристроить, беременность наблюдать. Не посоветуешь, как это сделать?

— Она что, беременна? — озадаченно переводила взгляд с меня на Галию Римма. — Вам что, делать нечего? Вы же ещё студенты!

Тут к нам подсел именинник, заинтересованно прислушиваясь к нашему разговору.

— Представляешь, Паш, — обратилась Римма к мужу. — Галия беременна! — кивнула она на мою жену и рассмеялась, правда, почему-то несколько напряженно.

— Что, правда, что ли? — удивился тот. — Наш пострел везде поспел! — улыбнулся он и протянул мне руку. — Поздравляю!

— Что ты его поздравляешь? — возмущенно спросила Римма. — Они сами ещё дети! Им учиться ещё и учиться!

— Паша, наверное, хотел жену к хорошему врачу пристроить? — многозначительно глядя прямо в глаза жене, подсказал ей Сатчан.

— Хотелось бы. — с сомнением в голосе ответил я, подумав, что уже и не очень-то хочу. Странная какая-то реакция у Риммы, все же...

— Вы с ума тут все походили, что ли? Меня совсем не слышите? — возмутилась Римма. — Зачем сейчас рожать? Получите образование, жизнь свою постройте, потом уже детьми обзаведетесь. Кто так делает! ■

— Тихо. — остановил ее муж, когда в комнату вошли другие гости. — Давайте, выйдем.

Мы все встали, кроме хозяйки.

— Да не пойду я никуда! — отмахнулась от Сатчана жена. — Двадцатый век на дворе. Медицина на прекрасном уровне. Все эти вопросы с внезапной беременностью на раз решаются. Ерундой занимаетесь...

Сатчан судорожно сглотнул. Ему было очень неудобно передо мной. Признаться, я сам не ожидал от Риммы такой реакции. Речь даже не о том, как легко она к абортам относится. Это распространенная в этот период точка зрения, чего уж там. Но то, как она себя ведет по отношению к мужу... Не из простой семьи ведь девочка. Должна хоть на пару шагов вперед ситуацию уметь просчитывать. Тем более, ей Сатчан прямым текстом сказал, чего от нее ждут.

— Ну, на нет и суда нет. — развёл я руками, взглянув на Сатчана, и прижал к себе растерявшуюся и опешившую Галию. — Ничего. Будем искать еще варианты. Да, милая?

Я улыбнулся, поцеловал жену, чтобы успокоить ее и присутствующим дать понять, что все в порядке. Всё-таки, у хозяев праздник, не хотелось бы, чтобы из-за нас они переругались прямо при гостях.

— Что там у нас дальше по программе? — взял я второй рукой за плечо молчавшего Сатчана.
— Танцы? Или торт?

— О! Тортик бы не помешал! — подхватил кто-то из подвыпивших парней, и Сатчан, благодарно кивнув мне, переключился на гостей.

Мы посидели ещё около часа, дождались, когда первые гости начали собираться восвояси и тоже подхватились. Еще раз поблагодарил и поздравил именинника, распрощался со всей честной компанией, и мы с женой уехали на такси домой.

Чувство досады не оставляло меня всю дорогу. Мои надежды не оправдались, я рассчитывал совсем на другой результат. Жена у Сатчана оказалась совсем не с теми ценностями, которые хочется видеть у врача своей супруги, ожидающей малыша. Ну что ж. Это реальность. Она такая, какая есть, другой не станет. Значит, надо озадачиться поиском хорошего специалиста. Благо, время еще есть. И даже хорошо, что удалось узнать об этом заранее, а не получить снова заплаканную Галию после визита к такому вот «ценному специалисту».

Что касается возможности наблюдаться в Кремлевке, то тут я совершенно ни на что не рассчитывал. Упомянул, просто чтобы разговор с Риммой на нужную тему перевести. В четвёртом управлении Минздрава обслуживается вся серьёзная номенклатура, вплоть до Политбюро КПСС. Чтобы туда попасть, надо быть или этой номенклатурой, или членами их семей, или иметь выдающиеся заслуги перед Отечеством. А кто мы такие с женой? Это пока совершенно не наш уровень. Жалеть не о чем.

И вообще, я был лучшего мнения о Сатчане. Понимаю, что женился он по расчету. Но все же поставить себя в отношениях с женой очень важно. А как раз этого он, по-видимому, не сумел сделать... Тяжело ему с ней будет. Она совсем не считается с его мнением. Даже странно, если так подумать. Зачем тогда вышла за него, если ни в грош ни ставит. Неужели у дочери министра выбора не было? Странно все это...

Мелькнула еще забавная мысль, что после общения с женой Сатчана моя сестра Инна уже не кажется мне настолько бестактной и бесцеремонной. Она хотя бы не говорила об аборте и искренне радовалась нашей беременности. Вот, недаром говорят, что всё познаётся в сравнении. Решил обождать денек и обсудить все с Галией. Может, ей тоже покажется, что Инна неплохой вариант?

- - *

Квартира Брагиных.

Брагин-старший ждал в гости сына от первого брака. Тот попросился заскочить ненадолго, поздравить отца с праздником. Константину скоро восемнадцать, так что Брагин-старший озадачился подарком. Парень радовал отца хорошими оценками, уважительным отношением ко второй семье. Сумел притереться ко второй жене генерала и даже делал ей и младшей сестре скромные подарки. И с однокурсниками, вроде бы, нашел общий язык, несколько раз просил за своих соседей по общежитию.

А какой был, когда только поступать приехал! — думал генерал. — Вспомнить страшно, оторви и выбрось. А сейчас, небо и земля.

Всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой. — внезапно засомневался генерал, вспомнив, как звонил ему приятель Зудин и ругался на чём свет стоит из-за сына, мол, подставил отпрыск твой, вести себя не умеет, даже с преподавателями через губу общается, студенты его из комсоргов выперли пинками.

Имея привычку никому не доверять и всё проверять, Брагин-старший решил позвонить своему приятелю Зудину и получить информацию из первых рук, как на самом деле обстоят дела у сына в университете. Зудин, как замдекана факультета, на котором учится сын, наверняка держит руку на пульсе и знает всё, что там у студентов происходит.

— Привет, дорогой. — услышал Брагин-старший голос друга в трубке. — С праздником!

— И тебя с праздником! — ответил Евгений Сергеевич. — Сколько лет, сколько зим! Рад тебя слышать. Как дела?

— Да, всё по-старому. Как сам?

— Тоже всё путём.

— Я про балбеса своего хотел спросить. Как у него дела?

— Почему ж балбеса? Он хорошо сессию сдал. И вообще...

— Что вообще? — спросил Брагин-старший, расслабляясь. Похоже, новости будут все же хорошие.

— Да нормальный у тебя парень оказался. Сначала были конфликты и в группе, и в общежитии, но сейчас, смотрю, он влился в коллектив. Помирился с теми, с кем ссорился в первый месяц, вошел в доверие. У преподавателей тоже претензий к нему больше нет. Разговаривает уважительно, к предметам готовится. Разительные перемены по сравнению с началом учебного года.

— Как думаешь, почему так произошло? — поинтересовался генерал. — Сам же помнишь, как с тобой в начале октября ругались.

— Да уж, такое забудешь, — усмехнулся Зудин. — А что касается Кости. Ты знаешь, такое совсем не редкость. Каждый год это вижу. Бывшие школьники приходят в вуз. Здесь все новое, все вокруг незнакомые. Вот и пытаются себя показать и в коллективе поставить, выбирая по неопытности не всегда правильные способы. Так и с твоим сыном вышло. Наломал дров поначалу, получил отпор от однокурсников, информацию проанализировал и поведение изменил. Стал нормальным студентом в итоге. Больше того! Скажу тебе интересный факт... У него клички нет, понимаешь? Прозвища. Его студенты по имени зовут или по фамилии. Немного, знаешь ли, таких... Так что, можешь гордиться сыном.

— Даже так? — генерал не смог скрыть довольной улыбки. — Ну спасибо, друг. Порадовал!

•
○ *

Вернулись домой с дня рождения Сатчана не поздно. Галия занялась своими делами на кухне. А я сел готовить конспект по экзаменационным билетам водительских курсов. Вскоре раздался телефонный звонок. К моему огромному удивлению это оказался Костя Брагин.

— Здорово! С праздником. Уже набухался? — сходу огорошил он меня.

— Не совсем, ещё могу. — отшутился я. — С праздником.

— Ты же на ВДНХ где-то живёшь? — вдруг спросил он.

— На Щербаковской. А что?

— Батя квартиру мне на восемнадцать лет хочет подарить! — не скрывая переполнявших его эмоций, восторженно выдал Брагин.

— Ого! Достойный генерала милиции подарок. — одобрительно ответил я.

— Район велел присмотреть! — объяснил, наконец, причину своего звонка Костян. —

Подумал, ты на ВДНХ живёшь, район там неплохой вроде, хотел подъехать посмотреть...

— Да, у меня очень хороший район. Это ближе к центру. Приезжай. — предложил я. — Тебе понравится.

— Правда? Ну давай. — охотно согласился он. — Диктуй адрес.

— Ты что, сейчас хочешь приехать? Темно же уже, что ты там увидишь?

— Плевать! Хочу посмотреть! — сгорая от нетерпения, заявил Брагин.

— Ну, записывай адрес.

Мальчишка нетерпеливый! — думал я, объясняя, как меня найти. Но его понять можно. Не всякий взрослый сохранит здравомыслие в такой ситуации. Восторга от такого обещанного подарка у Кости полные штаны! Вспомнилось, как мы сами ездили с женой смотреть, когда наш дом строился. Так что ладно, пусть приезжает. Пойду с собакой гулять, заодно покажу ему наш район.

Почему он именно мне позвонил такой радостной новостью поделиться? Решил, что мне можно доверять? Что не буду сгорать от зависти? Ну что же, вполне может быть.

Брагин приехал, часа не прошло. С псом гулять было ещё рано. Галия усадила нас за стол ужинать. Показал ему квартиру. Ему отец, конечно, не такую обещал, а однокомнатную. Вывел на балкон и показал сверху двор, попытался сориентировать его по отношению к проспекту Мира и метро.

Вскоре пришёл Родька, и мы все вместе вышли на улицу. Костян оглядывался по сторонам со счастливым видом, как будто у него уже есть квартира в нашем дворе. Мы сделали большой круг по району. Рассказывал и показывал ему, где магазины, почта и остальное.

— Район старый, обжитой. Всё в пешей доступности. — рассказывал я приятелю. — Даже электричка в двух автобусных остановках, Ярославское направление. Можно будет дачу со временем где-то там присмотреть...

— Ну, до дачи еще далеко. — не в силах сдержать счастливой улыбки, ответил Костян. — Я и на квартиру-то не рассчитывал. До сих пор поверить не могу.

— Ну, это ты зря. Батя у тебя человек непростой. У него ещё, кроме тебя, есть дети?

— Сестра у меня есть младшая от второй жены.

— Вот! Ты единственный сын! А это много значит. — серьезно взглянул я на него. — Будешь голову на плечах иметь, стараться, батя тебе такой трамплин в жизни обеспечит! К двадцати пяти годам будешь иметь то, что у обычных людей только к пенсии заработать получается.

— Так я и так стараюсь. Учусь. С комсоргом, жаль, не получилось...

— Какие твои годы?.. — усмехнулся я, вспомнив ту историю. Это же, фактически, я его с должности тогда сместил. — На будущее, если вдруг появится какая работа общественная по комсомольской линии, ты готов принять участие?

— Конечно! Спрашиваешь... Всегда готов!

— Буду иметь ввиду. — пообещал я и продолжил экскурсию по району для Костяна.

Ему очень понравилось. Хотя, он сейчас в такой эйфории, ему что ни покажи, понравится. Довели его с Родькой почти до метро, ему осталось только проспект Мира перейти.

— Надеюсь, скоро будем соседями. — протянул он мне руку на прощанье.

— Буду только рад. — искренне ответил я.

Возвращаясь к дому от метро, почти догнали Ивана с Линой. Вот, хорошо, что я тогда не стал про неё ничего плохого ему рассказывать: нормальная баба оказалась. Он нежно обнимал её за талию, а она то и дело склоняла голову к его плечу или заглядывала ему в лицо, о чём-то щебеча. Какая пара получилась, душа радуется.

— Иван! — бодро позвал я соседа в спину. — С праздником!

Они с Линой обернулись.

А это оказался не Иван... Вот те на!.. А как сзади-то похож по фигуре... Лина страшно испугалась, засмушалась.

— Простите... Обознался... — произнёс я и поспешил обойти их.

Ё-моё! А Иван-то, вообще, где? Куда она левого мужика-то ведёт? Проводив Родьку до подъезда и помахав рукой Андрею Егоровичу, дежурившему у окна, поспешил домой. Говорить жене про Лину ничего не стал, только спросил, где Иван, типа, давно его не видел.

— Так он позавчера в Казахстан на конференцию улетел. — беззаботно ответила Галия. — Ирина Леонидовна говорила, через пару дней вернуться должен.

Ну и ну! Вот Лина и тащит мужика домой так смело, что Ивана в городе нет. Говорить ему или не говорить? По-хорошему, надо предупредить, пока еще у них все слишком далеко не зашло. А то залетит, да и скажет Ивану, твой ребёнок, женись. И будет он всю жизнь чужого ребенка воспитывать. И всю жизнь будет существовать вероятность, что, рано или поздно, Лина уйдёт от Ивана к отцу своего ребёнка. Или вообще к третьему мужику, с такими-то повадками разве кто удивится?

А с другой стороны, что делали раньше с гонцами, которые плохие вести приносили?.. Каждый раз, глядя на меня, Иван будет вспоминать, что именно я сообщил ему о неверности

Лины. А ещё, поверит ли он мне? Вот, и зачем мне с соседями ссориться?

- - *

Квартира Павла Сатчана.

Павел весь оставшийся вечер чувствовал себя отвратительно. В нём кипела обида на жену и было очень стыдно перед Павлом. Только профессиональное умение держать себя в руках в любой ситуации помогло ему удержаться от выяснения отношений с Риммой по горячим следам.

Гости начали расходиться. Первыми уехали Пашка с Галией, практически сразу за ними жена увезла перепившего Игорька. Потом и остальные гости ушли.

Помощница бегала туда-сюда, убирая со стола, а расслабленная Римма сидела на диване и равнодушно наблюдала за всем этим.

Павел взял стул, поставил перед ней задом наперед и уселся на него верхом.

— Римма! Надо поговорить. — потребовал он.

— Не хочу я разговаривать. — небрежно ответила она.

— Ты меня сегодня подставила перед нужным и важным человеком!

— Ты про этого малолетку, что ли? — пренебрежительно скривилась Римма. — Нашел из-за кого переживать.

— Я, по-твоему, его просто так пригласил? — начиная заводиться, ответил Сатчан. — Про этого, как ты выразилась, малолетку газеты пишут, его на самом верху знают благодаря его инициативам! Ты живёшь на деньги, которые в том числе он обеспечил! Я его позвал, чтобы лучше познакомиться, а ты меня опозорила! Рассоришь меня со всеми нужными людьми, потом будешь ныть, что тебе денег на очередные духи не хватает!

— У папы попрошу! — отрезала Римма. — Плевать я хотела!..

Павел вскочил и схватился за стул, имея огромное желание бросить его об пол. Но вовремя спохватился и постарался взять себя в руки.

— Римма, так нельзя! Почему ты так себя ведешь?

— А что ты из меня дуру делаешь? — вскочила жена с дивана. — Думаешь, я не знаю, что эта Галия на самом деле твоя бывшая помощница! Ты её в Москву за собой притащил! За этого малолетку замуж выдал!.. Что ты ему пообещал? А? — Римма была в бешенстве. — От кого она на самом деле беременна!

Такого поворота Павел никак не ожидал и откровенно растерялся.

— Что ты молчишь! — кричала разъяренная Римма. — Сказать нечего!

•

○ *

Глава 22

г. Москва

Четверг день тяжёлый. Галя с учёбы на работу поедет. А мне к четырём часам на какую-то автобазу пилить с лекцией от общества «Знание». В обед прогнали разок вторую программу для выступления агитбригады.

Когда шли на пару после обеда Лёха доложил, что у них собралась уже команда в десять человек желающих в стройотряде участвовать.

— Ну, это уже что-то. — одобрительно покачал я головой.

— Парни спрашивают, обязательно ли лета ждать? — спросил вдруг Лёха. — Может, есть какие работы на короткий срок? Мы бы за выходные всё сделали.

— На выходные можно идти вагоны разгружать на товарных станциях. Там тоже хорошо платят и сразу после смены. Зачем вам стройотряд?

— Да? Предложу нашим...

— Вас как раз много, разделитесь, пробежитесь по разным станциям, авось сразу и найдете подработку.

•

○ *

МГУ. Кабинет замдекана Кротова.

Ираклий, получив от методиста информацию, что его вызывает замдекана Кротов, сильно удивился. Вроде, не косячил нигде в последнее время. Да и вообще тревожно, когда тебя неожиданно куратор от КГБ к себе вызывает. Полгода ни разу не интересовался им, после того как помог поступить, а тут вдруг...

— Ты же дружишь с Павлом Ивлевым? — скорее констатировал факт, чем спросил Кротов.

— Ну, как бы, да... — не видя смысла отпираться, подтвердил Ираклий.

— Почему он отказался в Венгрию ехать, знаешь?

— Когда? — не понял вообще, о чём идёт речь, Ираклий.

— Он не делился с тобой, что его по обмену приглашали на полгода в Будапешт?

— Нет. — ошарашенно смотрел на замдекана по воспитательной работе Ираклий.

Вроде не врёт. — сделал вывод Кротов и задумался. Или Ивлев не доверяет Тания, раз не поделился такой существенной информацией, или не считает её существенной.

— Его в Будапештский университет пригласили на полгода поучиться на первом курсе. Добро все дали на поездку. Только он и против. Выясни, почему он отказался от приглашения. — коротко велел замдекана Ираклию.

— А откуда я, вообще, узнал об этом? — спросил тот.

— Молодец, правильные вопросы ставишь. Ну, скажи, если спросит, что слышал в приёмной Эммы Эдуардовны, как её методист говорила кому-то об этом. — велел Кротов.

— Понял. Разрешите идти?

— Иди. — отпустил студента Кротов.

•
○ *

Еще на большой перемене предупредил своих агитаторов, что смогу после пар остаться на репетицию на полчаса, не больше. На что Ираклий и Светка сказали, что больше и не надо. До выступления ещё целый месяц, успеем обкатать.

После репетиции шли все вместе из столовой.

— Паш. А это правда, что тебя приглашали в Будапешт на учебу? — спросил вдруг Ираклий.

— Правда, что ли? — удивлённо воскликнула Света, не дав мне ответить и остановилась, преграждая мне путь. — Так ты что, уезжаешь? А мы как же?

Вот же заполошные эти девушки!

— Никуда я не уезжаю! — поспешил успокоить всех я. — Я отказался.

— Серьёзно? — не поверил Лёха. — В Будапешт ехать отказался?

— Ребят. Ну сдался вам этот Будапешт. — пытался я успокоить друзей. — Чего вы там не видели?

— Ну, не скажи! — возразил Ираклий. — Далекое не каждый такое приглашение получает.

— Да. Такое предложение, может, только раз в жизни бывает. — поддакнул ему Лёха.

Ребята смотрели на меня с недоверием и, мне показалось, с неприязнью. И с чего это? Словно нас всех позвали, и из-за того, что я не еду, и они не поедут. Вот как у них мозги работают?

— Лёх, ну, ты-то чего? — удивлённо обратился я к другу. — Ты же прекрасно знаешь, почему я отказался. Ты сам поехал бы на моём месте?

— Не знаю. — недовольно ответил друг.

— Так! О чём речь? — требовательно спросил Ираклий. — Нам тоже интересно.

Маша с Витей, похоже, тоже ещё не знают. — подумал я, заметив их напряжённые взгляды в мою сторону.

— У меня жена беременна. — вынужден был признаться я. — Я не могу её в такой момент оставить на полгода.

— Серьёзно! — воскликнула Маша и бросилась меня обнимать и поздравлять.

Светка, Витя и Ираклий растерянно моргали глазами, глядя на меня.

— На мой взгляд, ты правильно отказался. — наконец, определившись, сказала Света. — Мне бы очень не понравилось, если бы мой муж оставил меня беременную на полгода. Ты молодец!

— Но эта поездка очень важна для карьеры! — возразил Ираклий, заставив меня иронично хмыкнуть.

— Ну, не знаю... Полгода очень много, конечно, для такой ситуации. — поддержал меня, наконец, Лёха. — Надо вам с женой, все же, прежде чем отказываться, вместе сесть и взвесить плюсы и минусы... или вы так и сделали?

— Нет, зачем мне это с женой обсуждать? Я просто сразу отказался. Галя у меня девушка благородная. Еще бы вообразила, что для меня это важно, и начала бы жертвовать собой, вытаскивая меня в Венгрию. А мне эта поездка не нужна, если ее там со мной не будет.

Витя воздержался от категоричных высказываний, он, явно, был на стороне Ираклия, но, видя реакцию девчонок, не стал рисковать.

Но спор, всё равно, возник. Мнения интересно разделились: парни были за поездку, а девушки против, причём, они очень эмоционально отстаивали свою позицию.

— Ну, значит, я всё правильно сделал. — рассмеялся я, послушав их. — Не хотелось бы мне, чтобы жена шесть месяцев из девяти носила моего первенца с такими мыслями. — усмехнувшись, посмотрел я на Свету с Машей.

Парни не нашлись, что мне возразить. На том наш спор и завершился.

Чуть не опоздал на автобазу из-за них с лекцией по линии «Знания». Коллектив её состоял сплошь из суровых шоферюг и таких же слесарей ремзоны. Таких сказками про белого бычка не проймёшь, а тема лекции, как назло, была «Перспективы оптимизации расхода ГСМ на автопредприятиях». Вот самое то для страны, где топлива как грязи, и к нему примерно такое же отношение!

Пришлось попотеть, пока они включились в тему. Для СССР проблема дефицита топлива остро проявится ещё не скоро, лет через пятнадцать. Сейчас талоны на бензин можно купить в любом хозяйственном магазине или киоске табачном, или Союзпечати. У бабушек в колхозе канистру бензина двадцать литров всегда можно просто так налить.

Начал лекцию с того, что подробно рассказал, как всё устроено в капстранах. Как затраты на логистику включаются в себестоимость товаров потому, как существенно влияют на неё. И предупредил, что отечественный автопром развивается, частных машин будет становиться с каждым годом всё больше, и топлива для них нужно будет всё больше. И, рано или поздно, у нас в стране тоже придут к тому, что затраты на транспорт личный и коммерческий значительно вырастут и учитываться будут гораздо строже. И такого маразма, как сейчас, когда дизель или бензин сливается в овраг, невозможно себе будет даже представить.

Тяжёлый разговор вышел. Рассказывал работягам, что даже отработанное масло можно использовать в печках для отопления, из старой резины можно делать отличную плитку на пешеходные дорожки, что любое предприятие может быть экономным и безотходным. Волшебное слово хозрасчёт не воспринималось ими никак. Думал уже, что зря потратил сорок минут, но сразу после лекции меня пригласил главный инженер пройти к завбазой. Они пытали меня ещё минут двадцать по перспективам развития отрасли и перспектив перехода на хозрасчёт автохозяйства.

— Вот, никогда на эти лекции не ходил, а тут меня как подтолкнуло что-то. — поделился главный инженер возбуждённо. — Столько вопросов, а ответы взять негде!

Они, оказывается, уже год думают, переходить или нет на хозрасчёт, всё решиться не могут, в целесообразности сомневаются. А тут моё выступление их очень воодушевило.

Не стал их разочаровывать, намекнул лишь, что помимо новых статей дохода у предприятия могут появиться и новые статьи расхода на организацию взаимодействия с районным начальством.

А, вообще, автопредприятие, при должном руководстве, может быть очень прибыльным. Наверняка, на него быстро внимание обратят. Хорошо, если оно под хорошую крышу попадёт.

Ехал домой с противоречивым настроением. С одной стороны, представил себя руководителем такой автобазы в 1990-х. На её огромной территории да навести порядок, да организовать пару вторичных производств на отходах, или те же печки на отработке, или

плитка на садовые дорожки, там затрат-то на оборудование: тьфу, да маленько, а металл найти на печки проще лёгкого в том бардаке. Блин! Да это же клондайк! Там одна территория чего стоит... Такой бы кусочек урвать в девяностых!..

А с другой стороны, представил, сколько будет желающих на этот кусок и как придётся его защищать от бандитов, рэкетиров и рейдеров всех мастей. Ну его нафиг! Будем надеяться, Фирдаус не подведёт и какой-никакой капитал к тому времени у меня и без этого будет. А если подведет, то и сам чего-то да сколочу к тому времени.

- - *

Кабинет второго секретаря Пролетарского райкома ВЛКСМ.

До конца рабочего дня оставалось двадцать пять минут. Павел Сатчан все никак не мог решить, предупреждать ли Пашу Ивлева о закидоне своей жены. Будь она среднестатистическая советская женщина, Павел даже не сомневался бы, что это его личное дело. Но Римма далеко не простая женщина, она дочь министра! Стоит ей только поплакаться папе в жилетку и он устроит «счастливую» жизнь всем «обидчикам» единственной дочери. Вот и что делать?

Момент все же был очень деликатный. Сатчан не понаслышке знал, какой дикой бывает ревность не только у женщин, как вот у его жены, но и мужчин. Как не знать, если это была причина, по которой он в ссылку в Святославле попал в прошлый раз, и еще, в принципе, легко отделался. Вот скажешь так Пашке мимоходом, что кто-то там думает, что его ребенок может быть не от него, а от Сатчана, а кто его знает, как он на это отреагирует? А вдруг и сам решит, что нет дыма без огня? И как с ним потом после этого работать? Ревнивцы бывают страшными людьми... очень далеко зайти могут. Если реально поверит в наветы Риммы, то полагаться на него больше никогда нельзя будет. Он со зла может и подставить его по-крупному...

Хотя, вроде, Пашка очень вменяемый и разумный человек. Нет, несмотря на все безумие этой темы, придется с ним все же ее обсудить. Вдруг, Галие прилетит или ему самому от его тестя? — решил Сатчан. — Они, даже, знать не будут, откуда и за что им такое «счастье». Еще и отреагировать могут неправильно, усугубив ситуацию для самого Сатчана. Надо их, хотя бы, предупредить. — решил он и набрал номер квартиры Ивлевых, но никого не застал дома.

- - *

Вернулся домой раньше жены. Начал разогревать макароны с котлетами. Вскоре пришла Галия, усадил её сразу за стол.

— Я сказала Ксюше, что уйду в декрет летом. — задумчиво сообщила жена.

— И как она восприняла это новость? — насторожился я.

— Нормально. Я её ещё раньше с Юркой Бахтиным познакомила, ей интересно было, кто новогоднюю композицию оформлял. Юрка согласился поработать вместо меня, пока я в декрете буду.

— Ты умница! Уже всё решила и предусмотрела! — удивился я. — Как Юрка отнёсся к твоему предложению поработать вместо тебя год?

— Ой, он очень рад. Рисовать ему нравится гораздо больше, чем всё остальное. Я переживаю, как бы он институт из-за этого не бросил. — призналась жена.

— Откуда такие мысли?

— Да он уже готов и на полную ставку идти художником на завод...

— Вот чудак... Оформителем работать, что там может быть приятного и интересного? — недоумевал я. — Рисуешь только то, что скажут и как скажут.

— Нет. Ну, не так всё скучно. — возразила мне жена. — И для творчества место есть.

— А ты покажи своего Юрку нашим соседям-художникам! — осенило меня. — Пусть он свои лучшие работы привезёт. А они оценят. Если у него, и правда, талант, пусть уходит из Горного и идёт в какую-нибудь художественную академию. А если ничего особенного, то пусть подрабатывает оформителем, раз так рисовать нравится, в свободное от учёбы, а потом основной работы, время. Или, просто, дома пусть рисует в качестве хобби.

— Ты гений! — воскликнула жена и чмокнула меня в щёку.

Сразу повеселев, она принялась мыть посуду. А потом усвистела вниз к художникам поговорить насчёт Юрки.

•
○ *

Квартира Павла Сатчана.

Приехав домой с работы, Павел уже имел твёрдое решение предупредить Пашу Ивлева о возможных проблемах со стороны своей жены. Но, увидев внешне спокойную жену, решил попробовать ещё раз поговорить с ней. Мало ли, то был просто беспричинный приступ ревности, а сейчас ее отпустило и она может думать разумно?

— Привет, дорогая. — попытался он поцеловать её, но она молча отвернулась. — Как день прошёл? — продолжил Павел, но жена промолчала в ответ.

Обычно его ждал уже накрытый стол с ужином, но сегодня стол был пуст, хотя в кастрюльке на плите он нашёл ещё горячее картофельное пюре и четыре сосиски. Ужин, однако,

приготовила. — отметил про себя Павел, накладывая сам себе.

— Римма, ты ужинала? — крикнул он. — Мне это всё можно съесть?

— Ешь. — ответила она из комнаты.

Начала говорить, отметил про себя Павел, есть шанс объясниться.

— Рим, ну хватит дуться. — вернулся он к ней минут через десять. — Давай, поговорим, как взрослые люди.

— О чём? — с тоской в глазах посмотрела на него жена. — О том, что всё не так, как мне кажется?

— Но тебе, действительно, всё неправильно кажется. Я с Пашкой познакомился только потому, что он Галию кадрить начал, работать ей не давал, мне вмешаться, даже, пришлось однажды, так и познакомились. У них роман закрутился задолго до моего возвращения в Москву. И они в Москву уехали поступать ещё в конце июня, Галия от меня уволилась и уехала с ним. А я гораздо позже вернулся.

— Я тебе не верю! — воскликнула жена. — А как тогда они у тебя на дне рождения оказались?

— Пашка молодой, но очень толковый. Мы работаем вместе. Он мне нужен.

— Не ври! Эта девчонка тебе нужна, а не Пашка! — взвизгнула жена и с рыданиями выбежала из комнаты.

Постояв в нерешительности несколько мгновений, комсорг оделся, вышел на улицу и пошел к телефонному автомату ещё раз набрать квартиру Ивлевых. Звонить из дома он не имел ни малейшего желания. Жена еще что-то подслушает, не так поймет, и вот тогда уже совсем все...

•

○ *

Только я разложился с учебниками на кухне, раздался телефонный звонок. Звонил Сатчан.

— Привет. Поговорить надо. Сейчас заеду, дома будешь? — сходу спросил он.

— Ну, теперь, если и собирался куда, дома останусь. — ответил я. — Случилось что?

— Да, как тебе сказать... Короче, сейчас приеду.

Он был у меня через двадцать минут. На машине примчался. — машинально отметил я.

— Галия дома? — спросил он.

— Нет. К соседям ушла.

— Тем лучше. — он скинул на автомате обувь и разделся, по-хозяйски развесив свои вещи на вешалке в прихожей.

Жестом пригласил его на кухню, теряясь в догадках. Он был очень взвинчен. Что уже такого могло случиться? Неужто какие проверки серьезные?

Сатчан прошёл на кухню и без приглашения плюхнулся на табуретку.

— У меня с женой проблемы. — выдал, наконец, он.

Выдохнул с облегчением. Похоже, просто поделиться приехал по-дружески.

— Рассказывай. — сел я сбоку от него и приготовился сочувственно слушать.

— Римма втемяшила себе в голову, что между мной и Галией что-то есть. Что я перевёлся в Москву, и её за собой потянул. Что беременна она от меня. А за тебя я её замуж выдал для отвода глаз, что-то тебе пообещав...

Поражённый до глубины души, я не сразу нашёлся, что на это ответить. Если бы он завел речь про высадку инопланетян в Подольске, я бы также завис.

Сатчан истолковал мое молчание по-своему, и с беспокойством посмотрев на меня, сказал:

— Ну прости, сам понимаю, какой бред. Но это бред дочери министра автомобильных дорог РСФСР. А это человек с очень широкими возможностями, сам понимаешь.

— Какая замечательная фантазия у девушки. — ошарашенно проговорил я, пытаюсь сообразить, что за фигня происходит.

Хотя, если посмотреть на ситуацию со стороны, всё, действительно, выглядит очень странно. И всё из-за моего возраста. Ну, правда, всё выглядит именно так, как увидела Римма: Сатчан привёз юную восемнадцатилетнюю помощницу за собой в Москву, предварительно договорившись со мной, шестнадцатилетним, что я на ней женюсь за поступление в МГУ. А если ещё станет известно, что он мне квартиру в Москве подогнал, для всех бесплатную!.. Ничего и никому мы не докажем.

— Фантазия-то ладно. — возразил Сатчан. — Боюсь, как бы она к папе жаловаться не побежала.

— А вот это будет нехорошо... Совсем нехорошо! — озадаченно проговорил я. — Похоже, тебе надо к батю Риммы первым идти. У тебя газеты сохранились из Святославля со мной? — Сатчан кивнул. — Собери их все. Там на одном коллективном фото мы с Галией вместе стоим. Принеси все газеты тестю и бей себя пяткой в грудь, что мы с Галией вместе уже давно, что от меня тебе пользы много, и газеты ему показывай. Скажи, поэтому ты и в Москве меня нашёл. И в гости пригласил не ради Галии, а ради меня. А Римма чёрте что

себе напридумала.

На нервной почве меня пробило на смех.

— Придёшь к нему такой: Папа! Что делать? Я так люблю вашу дочь! — комично заломил я руки, и состроил несчастное лицо.

Мы оба рассмеялись. Хотя Сатчан и несколько нервно.

— Ладно. Ты прав. Пойду рыдать у тестя на плече. — отозвался Сатчан усмехнувшись. — Больше ничего не остаётся. Может, он в нее ума вставит. Ну, или меня со света сживет, если не поверит. Тоже возможный вариант...

— Давай, удачи. Держи меня в курсе по-возможности. — попросил я, провожая его.

Ой, не было печали, черти накачали. Генетической экспертизы ещё нет. Только по группе крови можно определить родство и то, с точностью плюс-минус километр. Если бы хоть я был светлыми или рыжим и малыш у нас такой родился, то Сатчан ещё мог бы Римму носом тыкнуть, типа, смотри, это его ребёнок! А так, мы, как назло, все тёмные, как из одного инкубатора.

Блин! Прилетело откуда не ждали. Вот, почему жена его такая злая на нас с женой вчера была. И на ребёнка нашего будущего взъелась: аборт, аборт!..

Жаль, могли бы семьями дружить.

Вскоре зашёл Родька и мы ушли с Тузиком гулять. На воздухе немного успокоился. Хорошо бы папа-министр захотел лично со мной познакомиться и посмотреть, правду ли про меня газеты пишут. Уж я бы сумел его убедить в своей неординарности и полезности для его зятя. Дорогами он заведует? Ну, надо на всякий случай ему заготовить лекцию о том, какими они могут в Москве и в целом по России! Исходя из будущего опыта...

Вернувшись, застал Галию уже дома.

— Ну что мы будем делать? К Инне вернёмся или в районную поликлинику пойдём? — спросил я жену, намекая, что вопрос с Риммой Сатчан закрыт.

— К Инне завтра пойду, она мне уже направления на анализы выписала. — как ни в чём ни бывало сообщила жена.

— Вот так, даже. — удивился я, что жена за моей спиной уже всё решила. — И когда ты с ней созвонилась?

— Сегодня. Подумала, что не так уж там и плохо было. — смущённо улыбнулась она.

— Всё правильно. — обнял я её. — Наблюдаться надо.

Галие решил ничего про Риммины фантазии не говорить. Ей и так уже поприлетало со всех сторон. Нечего для беременной еще один нервяк делать. Авось, все рассосется само.

Пятница пролетела в обычном режиме. С утра пары, вечером курсы вождения. В субботу решил поехать по центральным магазинам, поискать подарки на восьмое марта. Женщин у меня много, всех надо порадовать. Жене, Кире и Диане купил капроновые колготки, а бабушки к вещам равнодушны, купил им зефира и пастилы в нарядных коробках. Зефира взял побольше, соседок же ещё надо поздравить и замдекана Эмму Эдуардовну. А то, похоже, она на меня обиделась за то, что от Будапешта отказался. Еще одна мысль возникла, почему она так расстроилась, что я в Будапешт не поехал — сейчас же в силе обычай, что надо привозить щедрые подарки после такой поездки тем, кто помог ее организовать. Вот она, возможно, и злится, что без подарков осталась. Надо ей показать, что я и так человек благодарный, и без всякого Будапешта буду ей подарки на праздники подкидывать.

Купил также Родьке ещё одну модель самолета, а то завтра придёт, как всегда, а клеить нечего.

Галее ещё купил красивую ночную рубашку с рюшечками.

Жене из покупок показал только модель самолёта, остальное спрятал.

Остаток дня прошёл в спокойной обстановке, вечером мы сидели на кухне, занимались. Как вдруг в подъезде что-то стало происходить. За закрытыми дверями мы слышали невнятные крики и мужские, и женские, хлопанье дверей. А потом всё это переместилось к нашей двери. Тузик разошёлся так, что мы не могли понять, что там происходит. Галия загнала его в спальню и закрыла там.

Конечно, я открыл входную дверь посмотреть, что там такое творится. Обнаружил, что к соседям ломилась растрёпанная Лина. Со слезами на глазах она молотила кулаками в соседскую дверь, не обращая на нас с женой никакого внимания.

— Похоже, Иван с конференции не вовремя вернулся. — шепнул я жене и закрыв дверь.

Шила в мешке уже не утаишь, рассказал жене, что видел Лину с чужим мужиком на днях. Мучился ещё, рассказывать Ивану — не рассказывать. А всё и без меня очень удачно само разрешилось.

— Чего же тут удачного? — в недоумении спросила меня расстроенная жена.

— Поверь, дорогая, для него лучше так, чем всё тоже самое, но когда уже дети будут. Представляешь развод по такой вот причине, когда в семье пара малышей?

Тут что-то сильно грохнуло за дверью.

Глава 23

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Снова открыл дверь.

Лина достучалась. Еле сдерживающий себя Иван, сжав зубы так, что аж губы побелели, стоял в дверном проеме, перегородив его собой, тряс разбитым кулаком и с такой яростью смотрел на Лину, что совсем не хотелось оказаться на её месте. На лице его расплывался фингал. Беглый осмотр Лины показал, что соперником Ивана была явно не она, на ней не было никаких повреждений.

Получается, он с её хахалем сцепился? Серьезная заварушка... Лицо Ивана было искажено от боли, то ли от предательства Лины, то ли из-за разбитого кулака. Обо что он так шарахнул? В металлический щиток, что ли, долбанул? Не ожидал, что он настолько эмоционален. В общении с нами всегда такой спокойный и доброжелательный.

Моё появление не позволило Ивану окончательно сорваться, он просто захлопнул перед нами дверь в свою квартиру. Лина, громко всхлипнув, стукнула обреченно кулаком в дверь напоследок и, даже не взглянув на меня, пошла вверх по лестнице к себе.

Закрыв дверь, вернувшись в квартиру, и увидел растерянную Галию.

— Блин. В таких ситуациях все время себя странно чувствую. Вроде косячат и ругаются другие, а неприятно мне. — попытался объяснить я свои чувства.

— Ваню так жалко. — расстроено проговорила жена.

— И это тоже... Зло берёт, ведь сомневался в Лине, но подумал, вдруг найдёт своего парня и успокоится. И всё хорошо же у них было. Во всяком случае, мне так казалось. Чего ей не хватало? Что на неё нашло?

Вечер был испорчен. Предложил жене прогуляться со мной, Родькой и Тузиком, чтобы развеяться. Поиграли с псом, обсудили немного всю эту соседскую историю, пока Родька с собакой наперегонки носился, вроде Галия немного успокоилась.

В воскресенье хотел устроить поход в кино, театр или просто погулять, но жена категорически настояла на домашней атмосфере.

— Вообще никуда не хочется идти, — сказала она с просительными интонациями в голосе, — давай дома побудем в тишине и покое. Так хочется просто отдохнуть в тепле и уюте.

Подумав, согласился. Графики у нас и правда насыщенные, передышка нужна. Так что остались дома, наготовили вкусняшек с утра, после чего Галия села читать, а мне немного удалось позаниматься. Ближе к одиннадцати пришел Родька, начали с ним новую модель собирать, провозились до обеда.

Потом приехал Юрка Бахтин, и мы все вместе пошли к художникам на первый этаж. Старики с интересом посмотрели работы Юры и сказали, что способности у него, определённо, есть, надо учиться и развивать их. А получится или нет из него выдающийся художник, только жизнь покажет.

— Кроме способностей нужен еще талант. — ожидаемо объяснил Михаил Андреевич. — Но главное, что нужно художнику, это работоспособность и самодисциплина.

А вот это было неожиданно, но я припомнил, что, когда бы я ни зашёл к ним, они всё время рисовали, сидя по разным углам своей большой комнаты. Думал, что это от любви к искусству, а это, оказывается, работоспособность и самодисциплина.

— А разве у вас нет обязательной какой-то работы? — заинтересовался я. — Со сроками, с заданиями?

— Ну, почему же. — усмехнулся Михаил Андреевич. — Бывают заказы. Портрет, например, кому-то понадобится...

— Ну, это же разовая работа. А вот так, чтоб на долгосрок? — не унимался я.

— Я, когда на пенсию собиралась, — вступила в разговор Елена Яковлевна. — за год где-то до пенсии взялась за большой подарочный альбом. Сорок офортов с видами Ленинграда. Заплатили очень хорошо, у меня пенсия сейчас максимальная. Но целый год с азотной кислотой работала непрерывно, целыми днями... Вы представляете, что это такое? До бронхита доработалась. Совсем без сил осталась. На пенсию не вышла, а выползла. И сказала тогда себе: больше никогда!

— Правильно, Леночка, всех денег не заработать. — поддержал ее старый. — На жизнь мы и так заработаем, на заказах, не спеша и в своё удовольствие. Много ли нам надо, да?

Михаил Андреевич немного лукавил, конечно. И Леночка его в шубе отнюдь не каракулевой ходила. И квартиру он кооперативную на старости лет не побоялся взять.

Но рассказ про сорок офортов меня просто убил. Представил, как сорок металлических пластин сначала иглой по воску процарапываются, потом кислотой вытравливаются, потом под прессом оттиск делается. И если что-то пошло не так, ластиком не сотрешь ни на пластине, ни на оттиске...

Галия с Юрой, что такое офорты, не знали, и Елена Яковлевна с удовольствием прочитала им целую лекцию про этот вид печатной графики. Пресс у них в мастерской. И с кислотой она работает только там. Но одну пластинку, как образец показать, она дома нашла, и мы с интересом её разглядывали по очереди. Потом она нашла офорт, оттиск этой пластины, в своей коллекции. Работ у неё было очень много. Когда-то Елена Яковлевна занималась иллюстрациями к книгам. Нам всем троим перепало по маленькой гравюре в подарок.

Юрка очень заинтересовался этой техникой и откровенно напрашивался в гости в мастерскую. Художники, как мне показалось, с удовольствием пригласили нас всех вместе в следующие выходные. Договорились на субботу часам к одиннадцати собираемся у них, и все вместе идём в мастерскую, тут недалеко.

В итоге все забыли, с чего начался наш визит: с трудоспособности и самодисциплины.

— Так что, Паша, — вернулся к первой нашей теме разговора Михаил Андреевич, — работа художника, как и любая творческая деятельность, не предполагает жесткого рабочего графика, и часто у людей складывается ошибочное впечатление, что это сплошной отдых. Захотел — порисовал, захотел — чаю попил. Но на самом деле все совсем по-другому. Здесь работать надо еще больше. Да, ты сам себе хозяин, но если не будешь ежедневно тренировать навык, развивать талант, то успеха не будет.

— Что, Юр, — спросил я, когда мы вышли от художников. — сможешь сам вот так сидеть за рабочим столом целыми днями и пахать, пахать? Когда нет над тобой ни начальника, ни норм выработки, ни сроков. Хватит силы воли?

— Ты что! Это же так здорово! — восхищенно воскликнул Юрка.

Ну, пусть рисует, раз здорово. — подумал я, прощаясь с ним. — Похоже, рисование — это и правда его призвание. Может еще гордиться буду когда-нибудь, что у меня известный художник в друзьях.

Сатчан так и не позвонил в выходные. Что с тобой, друг? Ты живой вообще?

В понедельник на парах всё думал, получилось ли у Сатчана убедить тестя или ждать мне ответочку от обиженного папы-министра. Блин, вот же воображение у некоторых статусных дочек... работой таких загружать надо по уши, чтобы на всякую дурь времени не было! Вопрос важный, так что решил сразу после пар навеститься в Пролетарский райком.

•
○ *

МГУ, Кабинет замдекана Кротова.

Очередной вызов к Кротову уже не так напряг Ираклия. Он успел выполнить задание и спокойно постучался в кабинет замдекана.

— Можно, Владимир Аркадьевич? — бодро спросил он. — Добрый день.

— Добрый. — невозмутимо ответил Кротов, усмехнувшись про себя: сразу видно, что-то узнал, совсем не умеет эмоции прятать. — Докладывай.

— Ивлев отказался от Будапешта потому, что у него жена беременна и он не хочет её на полгода одну оставлять.

Эту версию Ивлев и сам озвучивал. — думал Кротов. — Ничего нового. Или это и есть причина, или он не хотел Тании говорить правду. Надо с ним уже предметно побеседовать.

— Хорошо. Иди. — распорядился Кротов.

Ираклий развернулся и молча вышел из кабинета. И это всё?..

•
○ *

Освободившись, наконец, вышел из универа и поехал в Пролетарский райком. Сатчан был занят, но жив и здоров, судя по тому, как помощница бодро доложила ему обо мне.

Минут через двадцать посетитель второго секретаря ретировался, и я смог зайти к нему в кабинет.

— Ты чего не звонил? — с легким упреком спросил я. — Думал, тебя уже в расход пустили.

— Вернулись только сегодня утром из Подмосковья. — улыбнулся Сатчан и протянул мне руку. — Всё утро сегодня бегал, как на пожар опаздывал. Сразу тебе набрал, как до кабинета добрался, но у вас уже никто трубку не брал. Надеялся, что ты сам приедешь. — он довольно оскалился, радуясь своей проницательности.

— Ну как прошло, тесть поверил? — настороженно спросил я.

— Поверил-не поверил, но выходные на базе отдыхали все вместе. — рассказывал Сатчан. — Старательно с ней делали вид, что ничего не случилось. Римма, как я понял, к своему удивлению, сама отца боится.

— Не понял? — удивился я.

— Ну она же не знает, что я с её отцом уже беседу имел, но при этом все выходные делала вид, что всё нормально. Сам понять не могу, такую волну подняла, а с батей — молчок.

— Ерунда какая-то...

— Я сам удивлен. Был уверен, что она из папочки веревки вьет, а тут вся такая шелковая и послушная дочка... Уже пожалел, что сам эту тему поднял с ним, но слово не воробей, вылетит — не поймает. Короче, тесть хочет с тобой лично познакомиться. — внимательно глядя на меня, сказал Сатчан.

Ну, я так и думал. Я бы тоже решил сначала сам мнение о человеке составить, прежде чем какое-то решение принимать.

— А дома у тебя-то с Риммой как? — вспомнил я про главную виновницу «торжества».

— Молчит, пока без изменений. — ответил Сатчан. — Прежние отношения не восстановились. Так что может и не зря сходил к тестю.

— Думаю, что да, не зря. — согласно кивнул я. — Женщины, если долго молчат, что угодно задумать могут. Может, она с духом собирается, чтобы папане твою «измену» сдать?

— Если так рассуждать, то да, — задумчиво протянул Сатчан.

— Кстати говоря, а ты уверен, что она сама все себе придумала? — вдруг задумался я. — Откуда она знает, что Галия твоей помощницей в Святославле была? Не сводит ли кто-то с тобой счеты таким путем?

Сатчан сразу посерьезнел. Очень в лице изменился. Похоже, я первый из нас, кто об этом подумал.

— Кто знал из вашего с женой окружения, что моя жена твоя бывшая помощница? — спросил я. — Ответишь на этот вопрос, легче будет понять, кто под тебя копает. А с министром познакомиться я всегда не против.

Второй секретарь кивнул и протянул мне руку, видя, что я встал и собрался уходить.

— Я позвоню, когда узнаю, что да как. — пообещал он, уже явно вовсю продумывая, кто и что мог знать о нем среди московского окружения.

Что за интриги вокруг него? На таком мелком, семейном уровне... Это не конкуренты, скорее всего. Зачем им это? Я бы тут женский след, скорее, усмотрел... Ну, пусть Сатчан сам разбирается. Мое дело министра убедить в своей полезности и доказать, что Галия за меня замуж вышла потому, что сама хотела, а не её за меня выдали для прикрытия.

Вечером встретились с женой на курсах по вождению.

— Что врачи говорят, как анализы? — спросил я, зная, что Галия ездила сегодня к Инне.

— Всё хорошо. — счастливо улыбнулась жена.

Ну хоть что-то хорошо.

Вернулись домой поздно. Я сразу с собакой пошел гулять. Родька рассказывал, как им в школе старшеклассники химические опыты показывали. Слишком занят был своими мыслями и не сразу оценил, с каким восторгом он воспринял эту новую для себя науку. Как бы не взорвал нам чего-нибудь, непоседа.

— Просись в кружок по химии, — сразу посоветовал я ему. — Не будут брать, пожалуйста деду, он быстро договорится.

Родька просиял и радостно кивнул. В деда и его возможности гнуть в бараний рог учителей, паренек уверовал на сто процентов.

Во вторник Лёха похвастался, что они переезжают. Квартиру Сандалов-старший получил где-то на Соколе. Не рукой подать, конечно, но всё не в Загорск пилить на электричке.

— У меня день рождения девятнадцатого марта. — напомнил он.

— Я помню, помню. — заверил друга я.

— Это воскресенье будет, я уже посмотрел. — сообщил возбужденно Лёха. — Я Свету опять привезу в Москву. На дне рождения с родителями ее познакомлю. Вы же придете с женой?

— Конечно, как договаривались.

— Отлично! А Свете можно будет у вас остановиться на пару дней?

— Естественно. Что ты спрашиваешь? — усмехнулся я, наблюдая, как горит нетерпением друг.

— Спасибо! — искренне воскликнул он, не в силах скрыть радостную улыбку.

Эх, молодость, молодость...

Ходил на кафедру физвоспитания, расписание тренировок факультетских команд, наконец, вывесили. Экономисты тренируются по вторникам, четвергам и субботам. Меня интересовала только суббота: 9–00. Замечательно! С утра отзанимался и весь оставшийся выходной твой.

После пар добирался на перекладных в очередные «Дары природы», опоздал. Закончил лекцию в половине шестого. Выбирался к метро из этой глуши на двух автобусах. Даже не пытался успеть на автокурсы. Дорога столько времени заняла, что шансов не было. Согревало душу только то, что заведующая магазином отблагодарила меня просто по-царски. Завернула мне три здоровенных горбуши горячего копчения.

— Я понимаю, что мы на отшибе, но вы приехали, такую лекцию интересную прочли. — говорила она, вручая мне увесистый сверток, который я попытался положить в сумку, но он торчал больше, чем наполовину.

— Проще так нести. Давайте я вам его обвяжу. — предложила заведующая.

Так я и тащил горбушу в бумаге, которая не могла скрыть бесподобного аромата копчёной рыбы. И в автобусах, и в метро народ беспокойно оглядывался, принохиваясь, а я держал свой свёрток с независимым видом, старательно делая вид, что я ни причём.

Добрался, наконец, до дома, а у нас на кухне за столом Лина сидит. На две руки скорбно голову повесила, а рядом Галя сидит со страдальческим выражением лица.

Вот так мизансцена... Что я пропустил?

Пока раздевался в прихожей, вышла Галя, с озабоченным видом чмокнула меня и вернулась на кухню. Последовал за ней и водрузил свой сверток на рабочий стол. Жена на автомате подала мне ужин, а сама села обратно рядом с Линой, которая подняла на меня зареванные глаза и опять опустила голову.

— Ну, рассказывайте, что тут у вас? — потребовал я.

— Этот мужик, которого ты видел, не мужик. — начала объяснять жена. — Это брат.

Ага! Так я и поверил. А чего тогда так испугалась, меня увидев? И прижималась к нему на улице совсем не по-сестрински.

— Не совсем брат... — с отчаянием в голосе поправила Лина. — Формально, он мне дядя. Его мама и моя бабушка родные сёстры. Но по возрасту он меня всего на четыре года старше, поэтому мы считаем друг друга братом и сестрой...

— Хорошо. — сделал вид, что поверил.

Лина молчала, уткнувшись лицом в руки. Дальше что? Я перевёл взгляд на жену.

— Не знаем, как Ивану об этом сказать... — объяснила Галя.

— Такие вещи, вообще-то, при знакомстве говорят: Ваня, это мой брат. — не удержавшись, съязвил я.

— Я не успела ничего сказать!.. — разревелась Лина.

— Да ладно. — ответил я. — Никогда не поверю, что Иван ворвался, не дал никому слова сказать, кулаками стал махать направо и налево...

— Но так и было! — сквозь слёзы ответила соседка.

Ну, я не знаю, конечно, Ивана так хорошо, чтобы быть на сто процентов уверенным в его адекватности... И потом, Лина же побежала за ним, молотила в дверь, хотела объясниться. Другой вопрос, что тот слушать не стал...

— И где этот твой дядя-брат? — уточнил я.

— Уехал, он в командировку приезжал на два дня. — немного успокоившись, объяснила Лина.

Ну, кто бы сомневался...

— Откуда у Ивана фингал под глазом?

— Валик машинально стукнул... — опять начала всхлипывать она.

— Офигеть история! — проворчал недовольно я. — Чего он руки-то стал сразу распускать? Твой Валентин.

— Ваня, как зашел, в прихожей обувь мужскую увидел, взбесился, меня толкнул и на Валика бросился...

Ой, идиоты! — думал я, доедая свой ужин. — Ситуация не самая приятная. Либо Лина отчаянно врет, стараясь замять свою интрижку. Либо, если вдруг это и правда родственник, Иван по сути, не разобравшись, первый начал и в глаз получил. В любом случае не думаю, что мы с женой должны как-то участвовать в этой истории, тем более, разруливать ее. Нам же потом еще и прилетит, если что не так сложится. Если двое взрослых людей не могут сами, без посторонней помощи, объясниться, то... Знать, судьба у них такая.

К тому же, при любом раскладе их расставание — это хорошо. Если Лина изменила, нафига Ивану такая подруга. Если же Иван такой псих, что даже слова никому не дал сказать и в драку полез, то для Лины только в плюс расстаться с таким вовремя. А нам с Галией эту особенность соседа иметь ввиду надо. Жизнь — штука сложная, всякое случается.

Встал, помыл свою тарелку, налили себе чаю, сел за стол и поймал вопросительный и обеспокоенный взгляд жены.

— Что ей делать, Паш? — спросила она. — Иван её ни видеть, ни слышать не хочет.

— Я не представляю, что можно сделать в этой ситуации. — спокойно пожал я плечами. — Когда люди хотят поговорить, они разговаривают, пусть на повышенных тонах, но разговаривают... — тут у меня появилась идея. — Лина! А напиши-ка ты ему письмо! — она удивленно взглянула на меня. — Даже нет. Не письмо, а, для начала, короткую записку. Что-то вроде «Это был мой брат». А то письмо он может не читая выбросить. И записку может выбросить. Как же его заставить прочитать? Напиши записку большими буквами и приклей на щиток напротив его двери. Не захочет, а прочтает. Только очень короткую записку.

Лина убежала почти сразу.

— Всё, милая. Что могли, то сделали. Больше из-за них не переживай. Мы не должны вмешиваться в их взаимоотношения. И даже если Лина будет просить тебя об этом, не соглашайся. Это неправильно. За взрослых людей решать нельзя. Тем более, в таких деликатных делах. Мы ведь по сути информации толком не имеем о том, что там у них произошло. Только Линину точку зрения.

Галия неуверенно кивнула в ответ.

Не стал говорить ей, как Лина меня самого отчаянно клеила. Если бы не это, может, и более деятельное участие в ее судьбе бы сейчас принял. А так — особой веры ей нет.

— Лучше, посмотри, что я привёз.

Жена добралась до рыбы, развернув несколько слоев бумаги, и восхищенно ахнула. Вот, сразу бы так. Мы попробовали по чуть-чуть, потом ещё по чуть-чуть, пока половину рыбины не утоптали.

Ещё бы, соленькая. — подумал я, глядя, как жена облизывает пальцы.

— Хорошего понемножку. — улыбаясь, сказал я. — Надо еще позаниматься успеть.

Только мы разложились на столе с тетрадами и учебниками, как Тузик своим лаем дал нам понять, что у нас под дверями что-то происходит. Галия не удержалась и подсмотрела в глазок, что это Лина воспользовалась моим советом.

— Она прямо на дверь ему прилепила записку пластырем. — доложила она, вернувшись за стол. — Может, позвонить в дверь, чтобы он вышел?

— Не надо! Без нас разберутся. — воскликнул я. — Милая, они взрослые люди, пусть сами учатся взаимодействовать друг с другом. И запомни — ты беременная! Тебе нельзя рисковать! Разве ты не видела, что там творилось — кидались друг на друга, синяк вон под глазом. Они так тебя на эмоциях случайно сбить и уронить могут, не дай бог. Думай о своем ребенке в первую очередь, а не о чужих разборках.

— Ну так-то да! — вроде поняла меня правильно Галия.

Сумасшедший дом! А вскоре Родька постучался, пора гулять идти.

Он даже не прошёл в квартиру, так и остался на пороге стоять, прочитал Линину записку и, показывая на нее, спросил, что это такое?

Вышел с ним и собакой на улицу, чтобы не вспотел пацан, пока Галия собирается, и попытался объяснить, что иногда люди не могут или не хотят говорить друг с другом, вот и приходится выдумывать всякие способы, чтобы тебя услышали.

Пальто у малого сильно коротко стало, вытащил ему свитер из рукавов, а то запястья голые. За этим занятием меня и застала жена.

— Ты слишком быстро растёшь. — сказал я в шутку. — Пальто уже перерос, на следующую зиму надо будет новое покупать. Куртка на весну такая же маленькая?

— Не помню. — беззаботно пожал плечами малый.

— Давай, зайдём к ним на обратном пути, спросим. — предложил я Галие и помахал деду в окне.

Родька тоже запрыгал и замахал обеими руками под окнами. Рукава пальто опять задрались, пришлось их снова одёргивать.

Глава 24

г. Москва

Сделав круг по району, поднялись к Родьке с дедом.

— Добрый вечер, Андрей Егорович. — приветливо поздоровался я. — Гостей принимаете?

Дед видел нас из окна, как мы всей гурьбой к ним в подъезд вломились. Радостно приветствовал нас.

А на расспросы о Родькиной одежде смущаясь, сказал:

— Деньги-то есть, только где ж купить? Шура, вот, носков в большом Детском мире ему добыла. А я страсть как не люблю эти большие магазины. Пальто купим, конечно, но на следующую зиму, сейчас-то зима уж считай кончилась. А куртка у него на вырост с осени куплена, не должен он ещё вырасти из неё.

Поболтали ещё немного и пошли домой.

— Так-то деда понять можно. — сказал я, когда мы вышли из их подъезда. — Стоять в очередях в его возрасте ещё то удовольствие.

— Надо на Родьку тоже вещи посмотреть, когда в центр будем ездить по магазинам. — решила Галя.

Перед лифтом стоял сосед откуда-то с верхних этажей. Поздоровались с ним и остались лифт ждать. Сам бы я пешком поднялся, но Галя поднимается на третий этаж на лифте, а спускается пешком.

Мы терпеливо ждали лифт втроём. Тут двери лифта открылись и из лифта вышел белобрысый мужик. Не видел его раньше. Мужик держал в руке лысую ёлку, значит, тоже сосед. Пропустили его. В лифте осталось полно осыпавшихся иголок.

— Опомнися! — вдруг докопался до него сосед сверху. — Весь лифт загадил иголками! Кто за тобой убирать будет!

— Что ты сказал? — развернулся белобрысый.

— То сказал! Сейчас в доме вся эта хвоя окажется. Ты мне потом будешь иголки из ковра выковыривать!

Белобрысый взял ёлку так, как будто собрался драться ею. Нашла коса на камень. На ровном месте два обормота сцепились.

Галя испуганно спряталась мне за спину. Я пока не вмешивался, неохота крайним оказаться, да еще в такой нелепой ситуации. Да и вообще надо быть сумасшедшим, чтобы нарываться на пустом месте с беременной женой за спиной.

Мужики покосились на нас с женой, пофыркали ещё немного друг на друга, позыркали, но разошлись. Точнее, лифт закрылся, и я его еще раз вызвал. Сосед, все время пока поднимались, злобно бурчал себе под нос что-то про разгильдяев и нерях, которые о других не думают.

— Я уж думал, они таки сцепятся. — констатировал я, когда мы вошли в квартиру. — Этот

блондинистый, тоже молодец, только в феврале ёлку собрался наконец вынести. Оставил бы уже до следующего Нового года. Ветки зеленой краской покрасить и нормально зашло бы.

— Да ладно тебе. — вдруг заступилась за него жена. — Он из рейса только вернулся, четыре месяца дома не был. Он вообще-то капитан дальнего плавания. Вернулся, а жена к другому ушла.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— Что он капитан, Ольга Владимировна со второго этажа рассказывала, и описала, как он выглядит. Уже успела познакомиться. А что жена ушла — Анна Аркадьевна.

— Вот вы сплетницы. — усмехнулся я, живо представив себе масштабы этого бедствия. В нашем подъезде как минимум несколько дам проживает, не сильно занятых на постоянной работе и при этом весьма общительных. Страшно представить, сколько всего и обо всех им известно. А моя жена, похоже, в этот круг вхожа и получает информацию из первых рук. Надо будет иметь в виду на будущее. Мало ли, узнать что понадобится.

Но ситуация, конечно, неприятная. Представил себе, как мужик вернулся из длительного рейса, а жены и след простыл. И вот чего бабе не хватало: всё бросила и убежала, теряя тапки. Послушать анекдоты, так капитан дальнего плавания мечта, а не муж. Дефициты привозит всякие опять-таки. А тут на тебе...

Хотя, видимо, не рассчитала, когда за перспективного кадра замуж выходила, что это такое — месяцами без мужика сидеть. Кому-то так даже легче, знал я и таких женщин. А кому-то без живого человека под боком — не жизнь. Как бы там черной икрой все не было густо намазано на бутербродах в холодильнике.

Когда минут через десять бегал во двор до почтового ящика, Галия письма забыла отправить, снова встретил горемычного капитана. Тот стоял с веником и совком в лифте и старательно сметал в совок хвою.

Ну вот. Нормальный же мужик. Видимо раздражен был ситуацией со сбежавшей женой, раз так легко от простого замечания завелся, в драку чуть не полез. Пар выпустить надо было.

Улыбнулся и кивнул ему, поднимаясь по лестнице.

В среду, отсидев пары, решил поехать домой, а из дома уже вместе с женой на курсы вождения. Хоть пообедаю по-человечески.

Во дворе нашего дома снова увидел капитана. Тот тащил на мусорку какие-то коробки. Квартуру чистит после жены? Выбросит сейчас все её вещи, а она явится за ними... Скандал будет. Надеюсь, меня в это время дома не будет.

Галия очень удивилась, что я так рано пришёл, и обрадовалась. Глядя, как вокруг рассыпаются у людей отношения, был очень тронут этой её реакцией.

На курсах сегодня нас обучали первой медицинской помощи. Организовано все было серьезно. Сначала врач довольно интересно и образно описывал основные виды травм и других экстренных ситуаций, с которыми есть вероятность столкнуться на дороге. Сдабривая эту лекцию изрядным количеством примеров. Поработал он, похоже, в приемнике травмпункта какого-то, судя по обилию ярких подробностей в описании ситуаций, а также по характерным паузам в рассказе, которые он периодически делал. Так человек обычно стопорится на пару мгновений, когда пытается заменить нецензурные выражения на что-то более подходящее моменту. В общем, от лекции толкового специалиста получил удовольствие.

Потом начались практические занятия. Здесь все было проще. Пришла медсестра и учила нас накладывать повязки. В качестве манекенов использовали коллег по курсу, разделившись на пары. Не сильно верю в полезность подобных экзерсисов. Все же надо практику иметь большую, чтобы пострадавшего грамотно в перевязочный материал упаковать, не повредив ему при этом еще больше. Но после теории размяться было приятно. А уж вид частично кое-как замотанных в белое сокурсников вообще радовал.

Вернулись с женой опять поздно, Родька уже караулил у подъезда. Зашел домой за псом и собрались гулять вдвоём. Галя устала, не пошла с нами.

В четверг после пар ездил с лекцией в электродепо метрополитена. Как же там интересно! При первой жизни мне не довелось увидеть гаражи для электричек. И вообще, я редко на метро ездил в последнее время, один-два раза в год максимум. А в депо такие масштабы, такие расстояния!.. Прямо, как у нас на ЗИЛе. Заданная тема лекции «Перспективы развития транспортной инфраструктуры мегаполисов при социализме».

В пятницу меня прямо с пары вызвали к Эмме Эдуардовне. Что опять могло случиться? Опять будет уговаривать в Будапешт ехать? Чем им там намазано, если так?

Замдекана по научной работе озабоченно взглянула на меня, стоя у своего стола, и только хотела что-то сказать, как на её столе зазвонил телефон, и она быстро схватила трубку.

— Да-да, он здесь. — кому-то взволнованно доложила она. — Только что пришёл.

— Так. Павел. — положив трубку, подошла она ко мне. — Тебе предстоит сегодня очень важное задание. Тебя ждут в Курчатовском институте. С лекцией. — поспешила добавить она, увидев, как у меня глаза округляются. — Профессор Новосёлов не сможет поехать, у него давление неожиданно поднялось, а отменить уже ничего нельзя. Константин Сергеевич Ионов из общества «Знание» рекомендовал тебя, как лектора, способного справиться с темой сегодняшней лекции «Наука как часть культуры советского общества и её роль в воспитании молодёжи».

— А материалы какие-то есть? — недоумённо спросил я. — Когда туда надо ехать?

— Сейчас. — кусая губу, ответила Эмма Эдуардовна. — Материалы, наверное, у профессора Новосёлова есть. Давай быстренько сходим, узнаем. И сразу поедешь.

Прошли с ней через нашу группу, забрал свой портфель. Она, заодно, отпросила меня до конца дня. Перед кабинетом профессора Новосёлова замдекана велела мне остаться, а сама прошла внутрь.

— Евгений Егорович. Как вы себя чувствуете? Вам лучше?

Она прикрыла за собой дверь, но не до конца. Сначала я невнятно слышал голоса Эммы Эдуардовны и мужской, а потом мужской голос постепенно перешёл на повышенные тона. Волей-неволей стал прислушиваться.

— Нет, Эмма Эдуардовна, не уговаривайте. — возмутился профессор. — Вы не говорили, что лекция в Курчатовском институте. Я филолог! Что я могу рассказать о науке физикам-ядерщикам!

— О роли науки! Евгений Егорович...

— Нет! И ещё раз нет! Если не хотите, чтобы меня прямо здесь удар хватил!

Замдекана выскочила из кабинета красная, как рак, и стояла, соображая, что дальше делать. Материалов, как я понял, нет.

— Ладно, Эмма Эдуардовна. Буду импровизировать. — хотел пошутить я, чтобы разрядить обстановку. Но ей самой чуть плохо не стало после моих слов.

— Это полный провал. — схватилась она за голову.

— Да не будет провала! — попытался успокоить ее, — вы главное, скажите, как мне туда добираться нужно будет. Это же черте где. Вряд ли вы мне такси оплатите. Да и там пропускной режим наверняка. Как с этим вопросом?

— Точно справишься? — посмотрела она на меня с надеждой. — Без материалов?

— Ну да, есть у меня такая уверенность.

Да и правда, что мне пугаться-то? Ну, физики. Ну, одни из самых крутых в мире. Но я столько всего читал из любопытства по новинкам науки в двадцать первом веке, что наверняка найдется что рассказать о том, что им будет в новинку. Да и пользовался бытовой техникой, которая сейчас будет всем казаться научной фантастикой.

Иллюзий я не имел — неважно, как там общественно полезно называется лекция. Это ученые, это технари. Не социологи или историки. Плевать они хотели на роль науки в воспитании молодежи, и на то, как соотносятся наука и советская культура. Едва зацепимся языками про науку, и как она, по моему мнению, в будущем будет развиваться, меня засыплют вопросами именно по этому профилю. Тут, главное, не спалиться, как попаданец. Решил, что буду говорить медленно, чтобы контролировать то, что выскочит на язык, и сортировать. Чтобы опасных для меня идей по поводу того, что я знаю слишком много, у секретных советских ученых не возникло. Ну и, конечно, не возникло таких идей у тех ребят,

что им эту секретность обеспечивают.

Эмма Эдуардовна, увидев, что я спокоен, и явно уже прокручиваю в голове будущую лекцию, успокоилась и поверила, что я не шучу. Тут же посыпались детали — приедут за мной через полчаса из Курчатовского института, сами и провезут сквозь свои секретные кордоны внутрь. Обещали и обратно доставить тоже. Денег никаких за лекцию не положено, но «ты же знаешь, Павел, что всегда можешь обратиться ко мне за помощью, если что не так вдруг на сессии пойдет или какая другая проблема». Короче, я с облегчением понял, что в данный момент Эмма Эдуардовна за Будапешт больше на меня не злится, ну или своим согласием выступить с этой лекцией я так ее выручаю, что она согласна забыть эту темную страницу в наших отношениях.

Да еще, перед тем как я пошел к месту встречи с курчатовцами, притащила и успела мне сунуть в руки, велев тут же просмотреть, новые номера «Науки и жизни» и «Техники — молодежи». Просмотрел, что успел. Но этим мне ученых, конечно, не озадачить... Не удивлюсь, если в зале будут сидеть в том числе и авторы статей в этих журналах.

А затем еще и сопровождала на улицу и дождалась, когда подъедет черная Волга из Курчатовского института, и посадила в нее. Словно опасалась, что, если отпустит меня одного, я передумаю, и сбегу, вместо того, чтобы сесть в машину. Смешно, конечно, с высоты моего возраста смотреть было на все эти ее манёвры.

Помимо шофера, из института забирать лектора приехал невысокий лысый дядечка. Он очень живо поприветствовал Эмму Эдуардовну, видимо, решив, что эта симпатичная женщина средних лет и поедет выступать перед учеными, но глаза его потускнели, когда он увидел, что в машину сажусь я, а она максимум на что готова — помахать нам вслед на прощание платочком.

— Позвольте пояснить, — начал он недовольно, — нам обещали солидного лектора, разбирающегося в вопросе. А вы нам предлагаете?

— А мы вам и предлагаем как раз такого лектора, — тут же нашлась Эмма Эдуардовна, прекрасно понимавшая, что, если она не выиграет в этом споре, то вместо меня выступать по неизвестной ей теме поедет сама, — знакомьтесь, автор идеи «Бессмертного полка» Павел Тарасович Ивлев. Павел Тарасович, сколько вы лекций провели по линии общества «Знание» за последний год?

Надо же! Я и не знал, что она уже раскопала эту информацию про «Бессмертный полк». Или ей из КГБ товарищи подсказали, когда обсуждали без меня с ней мою поездку в Будапешт?

Надув для солидности немного щеки, я сказал:

— За год не скажу, долго считать, а с середины этого января я провел более восьмидесяти лекций в Москве и Московской области. Практически во всех городах Московской области выступал. Даже голос немного сорвал, честно говоря.

Лысый оторопел от такого представления и такого ответа. Звучало все это так, словно мы внаглую его дурим, но мы с замдекана так складно «пели дуэтом», что никаких аргументов, чтобы нас разоблачить или возразить далее, у него не нашлось.

— Ну, раз такое дело, то примите мои извинения, товарищи, и поехали, конечно, Павел Тарасович!

В машине, само собой, он исправил свою оплошность и представился. Звали его Семен Львович, а вот чем он занимается, я так и не узнал. Уверен, ему это и запрещалось говорить всем подряд. Время такое, все с американскими шпионами борются. И подтрунивать по этому поводу не буду, их сейчас в СССР реально много.

Тут же в машине зацепились языками по поводу радиационной медицины. Тема не очень засекреченная, так что почему бы и нет? Через минуту все его сомнения в моей компетентности пропали, через две мы уже жарко спорили. Так что доехали до института, и не заметив, как пролетело время. Только уже выходя из машины, немного осмотрелся. В будущем тут будет достаточно дорогой район Москвы, но сейчас, конечно, было больше похоже на деревню. За исключением зданий Курчатовского института, конечно.

Меня затащили сразу в зал для выступлений. Ясное дело — никто не пустит меня расхаживать по коридорам и смотреть на таблички на кабинетах. Секретность!

Я уже и не удивлялся, увидев, как собравшиеся в зале почтенные ученые принялись оживленно общаться, глядя на меня. Ясное дело, что мой возраст для убеленных сединами ученых имеет большее значение, чем для продавщиц в «Дарах природы» или работяг с какого-нибудь завода. В науке в таком возрасте и в лаборанты не пускают, не то, что лекции читать для научных сотрудников с секретными допусками. Блин, надо для таких случаев хоть очки сделать с тяжелой оправой и обычными стеклами, все солиднее будет выглядеть.

Но, будучи людьми культурными, пальцами в меня все же не тыкали. Так, тихонько мыли косточки на своих рядах.

Наконец, пришло время выступать.

— Товарищи! Тема моей лекции: «Наука как часть культуры советского общества и её роль в воспитании молодёжи». Сразу отмечу важный факт — в отличие от западных обществ, именно наука, а не религия лежит в основе нашей культуры! Культура советского общества глубоко атеистична, что позволяет нам правильно воспитывать молодежь. Она не должна ждать подарков от бога или вознаграждения за молитву, а сама, на научной основе, решать важные вопросы развития СССР.

Поговорив в таком духе пару минут, перескочил на роль новинок науки и техники, начав с вычислительных устройств. Почему? Потому что уже знал, как реагируют люди в возрасте на мои предсказания о том, что в будущем персональные компьютеры будут у каждого человека, а со временем они будут встроены и в мобильные телефоны, что каждый будет таскать с собой.

— По-оозвольте! — именно так, растянув слово, громко сказал седобородый ученый, подскочив с места, — а с чего вы взяли, молодой человек, что обычному человеку кто-то разрешит распоряжаться такими мощностями? Их же гораздо важнее использовать для научных целей, чем вот так разбазаривать!

Я мысленно усмехнулся. Все, официальная тема моей лекции исчерпана, теперь будем говорить только про науку. Прикорм раскидал, первая рыбка поймана, теперь можно расслабиться — дальше клев будет успешным. Все эти затруднительные моменты о культуре и влиянии советской науки на молодёжь, по которым я уже сочинил все, что только взбрело в голову, остались в прошлом.

Мне говорили, когда сюда везли, что работают тут люди очень занятые, и максимум, что институт готов выделить на такую лекцию — это сорок минут. Ага, как же! Час сорок мы с ними дискуссировали! У некоторых аксакалов из-за возмущения по поводу моих прогнозов чуть пар из ушей не шел, и их аргументы заходили подальше, чем допустимо в научном споре, но я был невозмутим и хладнокровно крыл их фантазии собственным опытом из будущего. При этом никто, даже среди тех, что были очень возмущены, из зала не ушел.

Но по истечении часа сорока все же привезший меня Семен Львович выбрался на сцену и с явно ощутимым сожалением сказал:

— Очень плодотворная дискуссия, товарищи, но, увы, нашему гостю пора уже обратно в МГУ. Думаю, он заслужил того, чтобы мы ему поаплодировали!

- - *

Ученые, расходясь после лекции, как и было принято в институте после интересного научного мероприятия, собирались группками, чтобы обсудить то, что показалось им полезным для собственного поля исследования. Народ бурлил.

— Я наконец, понял, товарищи, что же сейчас тут было! Это же, по сути, получилась прекрасная дискуссия в рамках такой дисциплины, как научная прогностика! — сказал вставший неподалеку от прохода относительно молодой и заслуженный академик.

— А я всегда говорил, что гуманитарии не бесполезный балласт, как уверены многие из коллег. Нам нужно теснее с ними общаться. Есть у них в багаже интересные идеи, что могут обогатить наши исследования, есть! — тряс козлиной бородкой другой, не менее заслуженный.

— Надо будет обязательно попросить, чтобы этого юношу к нам еще пригласили! У меня такое впечатление, что я участвовал в научном семинаре по теме готовой кандидатской диссертации, настолько серьёзные вопросы мы с ним рассматривали. Некоторые утверждения, конечно, довольно спорны, но очень много чрезвычайно полезных идей!

-

Вернулся домой в отличном настроении. Есть чем гордиться, сегодня я такого мамонта завалил! Надеюсь, Эмма Эдуардовна узнает, как я отстаю честь родного университета и общества «Знание».

Пока я делился с женой впечатлениями от прошедшей лекции, она кормила меня ужином. Завтра нас ждала экскурсия в мастерскую художников, членов союза художников СССР. Мне всё больше и больше нравится, что судьба подарила мне второй шанс. — думал я, попивая чай с конфетами.

Тут в дверь настойчиво постучали. Пошёл открывать.

На пороге стоял Сатчан и главбух меховой фабрики. Лицо её было бледным, как мел. Молча пропустил их в квартиру.

— На фабрике ОБХСС. — сказал Сатчан, пропустив вперёд главбуха и закрыв за собой дверь.

Конец 12 тома!

Ревизор: возвращение в СССР 12